

UNIVERSITÀ
DEGLI STUDI
DI PADOVA

Università degli studi di Padova

Dipartimento di studi Linguistici e Letterari

Corso di Laurea Magistrale
in Lingue e Letterature Europee e Americane
Classe LM-37

Tesi di Laurea

*K voprosu evoljucii aspektual'noj kategorii (pristavočnye
glagoly v "Choždenii za tri morja Afanasija Nikitina")*

Relatore
Prof.ssa Rosanna Benacchio

Laureanda
Anna Sokolkina
n°matr.1130675 / LMLLA

Anno Accademico 2017 / 2018

RINGRAZIAMENTI

Esprimo il mio più sentito ringraziamento alla prof.ssa Rosanna Benacchio che ha seguito pazientemente il mio lavoro, per i suoi preziosi consigli e il suo aiuto.

Ringrazio anche la mia famiglia che mi ha sempre sostenuta ed incoraggiata a terminare questa tesi.

Содержание

Введение	4
Предварительные замечания	8
Историко-филологическая справка	8
Археографическая справка и редакция текста	9
Глава I	
ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	11
1.1. Краткий обзор исследований в области аспектуальной категории русского глагола в диахронической перспективе	12
1.2. Вопросы терминологии: морфологические средства образования категории вида	24
1.2.1. Определение категории вида и пояснения к выбору терминологии	24
1.2.2. Становление и развитие категории вида в древнерусском языке	27
• Вид в древнерусском языке: взаимодействие с системой времен	27
• Отличие древней категории вида от её современного состояния	28
1.2.3. Как развивались основные морфологические средства выражения глагольного вида: префиксация и суффиксация в древнерусском языке	29
• Роль глагольных приставок в становлении аспектуальной категории	30
• Роль суффиксации и ее отличие от префиксации	32

Глава II

АНАЛИЗ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В «ХОЖДЕНИИ»

приставка <i>в(ь)-</i>	34
приставка <i>в(ь)з-</i>	38
приставка <i>вы-/из-</i>	44
приставка <i>до-</i>	51
приставка <i>за-</i>	54
приставка <i>на-</i>	61
приставка <i>о-/об-</i>	66
приставка <i>от-</i>	73
приставка <i>пере-</i>	76
приставка <i>по-</i>	78
приставка <i>при-</i>	87
приставка <i>про-</i>	93
приставка <i>раз(ь)-/роз(ь)-</i>	100
приставка <i>с(ь)-</i>	106
приставка <i>у-</i>	114
Заключение	120
Список использованной литературы	137
Приложение	142
Таблица 1	142
Таблица 2	153
Riassunto	158

ВВЕДЕНИЕ

Предисловие

Категория глагольного вида, во многом определяющая русскую глагольную систему и характеризующаяся исключительной сложностью и своеобразием, является в русском языке предметом нескончаемых споров. В связи с этим целый ряд проблем, связанных с аспектуальностью, ее интерпретацией и статусом грамматических средств, является дискуссионным и до сих пор не имеет универсального и приемлемого для всех ученых решения, несмотря на то, что в отечественном и зарубежном языкознании существует достаточное количество теоретически обоснованных научных подходов и гипотез. Это касается таких основополагающих вопросов как морфологические механизмы вида, лексические и грамматические отношения в аспектуальных парах и связанные с этим критерии определения видовой парности, определение грамматического статуса категории вида и многие другие.

Одной из актуальных проблем славянской аспектологии, и русской, в частности, является развитие значений у приставочных глагольных форм при деривации и их аспектуальные характеристики и функции. В рамках данной дипломной работы мы займемся проблемой морфологической деривации на примере приставочных глаголов и их вторичных имперфективов. Глагольная деривация в русском языке, как в древний, так и в современный периоды, происходит преимущественно двумя основными способами: посредством префиксации или посредством суффиксации. Добавим, что первичность и приоритетность одного или второго способа также до сих пор является предметом дискуссий среди лингвистов, несмотря на достижение очевидного прогресса в научных взглядах, в особенности благодаря работам Ю.П. Маслова. Оба данных морфологических способа (механизма) на протяжении веков активно взаимодействовали с лексикой. Результатом такого взаимодействия стало не только возникновение глагольных форм, способных выражать определенное аспектуальное значение (перфективное и имперфективное), но и тот факт, что новообразованные глагольные дериваты отличались от базового коренного глагола новым значением и функциями.

Цели и задачи дипломной работы

Поскольку объектом исследования в настоящей дипломной работе являются древнерусские приставочные глагольные формы на материале произведения, датированного второй половины XIV века, а точнее 1472 годом, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, поэтому предмет исследования дипломной работы можно определить как

эволюция морфологических средств выражения протоаспектуальных значений категории вида (префиксации и суффиксации) на примере приставочных глагольных форм, выделенных из указанного выше литературного источника.

Целью настоящего исследования является анализ выбранных примеров (с приставочными глагольными формами) с точки зрения функционального взаимодействия значений при объединении приставки и лексического значения образующего глагола, а также определения влияния сопутствующего контекста на значение, которое приставка приобретает в комбинации с базовым глаголом.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих задач:

- Отбор соответствующего материала исследования;
- Классификация значений приставок в зависимости от функции, которую приставка приобретает в комбинации с глаголами, относящимся к различным акциональным классам ;
- Описание отдельных приставок и анализ значений, которые отдельная приставка приобретает в каждом конкретном случае;
- Анализ сопутствующего контекста и его влияние на значение приставочного глагола;
- Анализ вторичных импрефективных приставочных глаголов и их возможных корреляций с приставочными глаголами;

Актуальность темы данной дипломной работы обусловлена тем, что грамматическая категория вида и взаимоотношения между совершенным и несовершенным видами является не только одним из самых сложных и интересных вопросов грамматики русского языка, но и содержит достаточное количество открытых вопросов, требующих дальнейшего изучения. Необходимость пристального внимания к исследованию приставочных глаголов, по мнению лингвистов, определяется прежде всего тем, что именно здесь формировались собственно видовые различия, распространившиеся впоследствии и на бесприставочные глаголы.

Структура дипломной работы

Структура настоящей дипломной работы на тему «К вопросу эволюции аспектуальной категории (приставочные глаголы в «Хождении за три моря Афанасия Никитина») является следующей: она состоит из двух глав, теоретической и практической, Введения, раздела Предварительные замечания, Заключения и Приложения.

В Введении обозначаются объект и предмет исследования, обосновываются и раскрываются цели и задачи, а также актуальность темы дипломной работы, описываются методологические, теоретические и информационные основы исследования, указывается структура дипломной работы.

В разделе Предварительные замечания приводятся краткие историко-филологические и археографические сведения о литературном источнике, из которого взяты примеры, использованные при анализе приставочных глаголов.

Глава I состоит из двух частей, в первой части которой, История вопроса и теоретические предпосылки исследования, в сжатой форме освещаются наиболее значимые исследования в области языкознания, изучающей историю происхождения и эволюцию славянской аспектуальной категории, разбираются гипотезы и теории лингвистов, внесших заметный вклад в изучение вопроса, перечисляются наиболее значительные работы. В то время как вторая часть Главы I посвящена основным теоретическим вопросам, которые рассматриваются в дипломной работе. В ней представлены теоретические положения, касающиеся становления и развития категории вида в древнерусском языке, ее места в древнерусской видовременной системе, основных функциональных различий протоаспектуальной системы древнерусского языка от состояния категории вида в современном русском языке, а также эволюции основных морфологических механизмов образования вида, а именно суффиксации и префиксации.

Глава II, Анализ приставочных глаголов в «Хождении», представляющая собой центральную часть дипломной работы, посвящена анализу приставочных глагольных форм, выявленных в тексте «Хождения». Структура этой главы представляет собой последовательность подглав (разделов) по количеству представленных к анализу приставок (15), расположенных в алфавитном порядке: приставки *в(ъ)-*; *в(ъ)з-*; *вы-/из-*; *до-*; *за-*; *на-*; *о-/об-*; *от-*; *пере-*; *по-*; *при-*; *про-*; *раз(ъ)-/роз(ъ)-*; *с(ъ)-*; *у-*. Каждая из анализируемых приставок рассматривается с точки зрения ее способности выражать лексическое и аспектуальное значения, посредством наблюдения и анализа тех значений, которое приставка приобретает в комбинации с разными глаголами. Аккуратный анализ примеров, выбранных из текста, позволяет определить, каким образом семантика приставки взаимодействует с лексическим значением бесприставочной глагольной основы. Можно увидеть, как в зависимости от принадлежности глагола к тому или иному акциональному классу, префиксация приобретает только лексическую функцию, либо лексико-аспектуальную, или же исключительно аспектуальную.

В первом случае (только лексическая функция) в комбинации с бесприставочным глаголом приставка приобретает только пространственное значение. Во втором случае (лексическая и аспектуальная функции) интерпретация значения приставки происходит с точки зрения, как первоначального пространственного значения, так и результативности (предельности). В этом случае результативное значение добавляется к пространственному значению приставки, содержащее, кроме пространственной идеи, указание на достижение предельности действия. И наконец, в третьем случае (только аспектуальная функция), первоначальное пространственное значение приставки становится неочевидным и отходит на второй план, а результативное значение в этом случае становится доминирующим.

Напомним, что период написания «Хождения» характеризуется интенсивным развитием глагольного вида, и в частности, собственно древнерусских средств вторичной имперфективации. В связи с чем у ряда приставок, а именно: *в(ъ)-*; *в(ъ)з-*; *вы-*; *за-*; *об-*; *по-*; *при-*; *про-*; *раз(ъ)-/роз(ъ)-*; *с(ъ)-*; выявлено значительное количество вторичных имперфективных форм, анализ которых представлен в соответствующих отдельных префиксам главах.

В Заключении представлена оценка проведенного в практической части анализа значений отдельных префиксов, а также выводы, касающиеся как приставочных глагольных форм, так и соответствующих вторичных имперфективных форм.

И, наконец, в Приложении содержится предварительно отобранный текстовой материал, послуживший основой для лингвистического анализа, представленного в данной дипломной работе.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Историко-филологическая справка

В настоящей дипломной работе предлагаются к анализу приставочные формы глаголов из литературного текста, датированного 1472 годом, «Хождения за три моря Афанасия Никитина».

В научный оборот произведение попало благодаря известному российскому историку и писателю Н.М. Карамзину. В четвертом томе своей знаменитой «Истории государства российского», в VII главе, он пишет: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. Может быть, Иоанн и не ведал о сем любопытном странствии: по крайней мере, оно доказывает, что Россия в XV в. имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что индейцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш Тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о догматах их веры».

В примечании Карамзин также сообщает и об обстоятельствах своего открытия: «Я нашел их (т.е. записки) в библиотеке Троицы Сергиева монастыря при одной летописи в четвертку старинного письма». Этот манускрипт известен как Троицкий, находящийся на хранении в государственной библиотеке Святой Троицы в Москве. Далее историк приводил большой фрагмент произведения «для примера в слог», а далее в своем переложении предлагал читателю фрагменты «Хождения».

«Хождение» - несомненно, один из наиболее замечательных памятников древнерусской литературы. Вообще, жанр хождений – описаний средневековых путешествий – начал свое развитие с хождений паломнических, описывавших обычно путешествия к святым местам. В XIV веке появляются новые категории путешественников: представители посольств в Западную Европу и Константинополь по церковно-административным делам, либо купцы, связанные с Востоком торговыми сношениями. Именно к последним принадлежал и Афанасий Никитин.

Важнейшей особенностью этого памятника следует считать его совершенно неофициальный характер - это записки русского человека, попавшего на чужбину, не имевшие определенного адресата. Мы ничего не знаем об Афанасии Никитине, кроме сведений, содержащихся в «Хождении», и заметки, предшествующей ему в летописной редакции. Как может быть установлено по этим источникам, путешествие Никитина

происходило в 1468—1475 гг., незадолго до присоединения Твери к Московскому государству; умер он около 1475 г., не дойдя до Смоленска. Нет оснований считать Афанасия Никитина особенно предприимчивым купцом, сознательно стремившимся в Индию; не был он и дипломатом. Товары, с которыми он отправился в путь, предназначались, очевидно, для продажи на Кавказе. В Индию он пошел «от многия беды», после того как был ограблен в низовьях Волги. Единственным товаром, который он доставил в Индию, был купленный по дороге и проданный с большим трудом жеребец.

Путевые записки Никитина были, в сущности, дневником, только без разбивки на даты. Он предполагал, конечно, что его дневник прочтут на родине (именно поэтому он записывал наиболее сомнительные с официальной точки зрения разделы по-тюркски и персидски), но не приспособлял его к этикетным нормам, характерным для церковной и официальной светской литературы того времени. Своей непосредственностью и конкретностью «Хождение» напоминало рассказ Иннокентия о последних днях жизни Пафнутия Боровского. Личностный характер рассказа Никитина, способность его автора раскрыть читателю свой внутренний мир — этими чертами «Хождение» перекликается с величайшим памятником древнерусской литературы, созданным два века спустя, — «Житием» протопопа Аввакума (БЛДР 1999 т. 7).

Археографическая справка

Как уже было сказано выше, «Хождение» Афанасия Никитина было найдено Н.М. Карамзиным в библиотеке Троице-Сергиевой лавры в составе исторического сборника XVI в., названного им Троицкой летописью. Сделав оценку открытому памятнику, Карамзин включил начало «Хождения» в примечания к VI тому своей «Истории государства Российского»¹

Спустя некоторое время было обнаружено еще два списка «Хождения», относящихся к XVI-XVII вв. Число известных текстов путевых записок Афанасия Никитина к началу XX века дошло до шести. В середине XX века была также найдена копия с так называемого Архивского списка XVI в., сделанная в конце XIX в. для академика В.И. Ламанского.

В археографическом комментарии к изданию 1948 года под редакцией Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц отмечается, что сравнительное изучение текста всех сохранившихся списков «Хождения» дает возможность разделить их на три группы или редакции, отличающиеся друг от друга:

¹ Том VI, СПб., 1942, гл.7, прим.629

- большим количеством разночтений: лексических, морфологических и фонетических;
- определенной тенденцией в каждой из них;
- наличием или отсутствием введения к тексту «Хождения» и различными его вариантами;
- помещением «Хождения» в летописном своде под разными годами: под 1461 г. (в Кратком летописце) или под 1475 г. (в Софийской II и Львовской);

Известные списки распределяются по группам следующим образом: Эттеров, Архивский и Воскресенский списки восходят к общему протографу, объединяясь таким образом в одну редакцию.² К этой же редакции, по предположению ученых, относился и список Сахарова. В то же время Троицкий список представляет другую редакцию, характеризующуюся наибольшей полнотой текста. Список Ундольского сокращает, а местами пересказывает оригинал, несомненно родственный или самому Троицкому списку, или его оригиналу, повторяя даже явные ошибки и опiski Троицкого текста, отсутствующие в списках первой группы. С другой стороны, список Ундольского вместе с Троицким исправляет ряд неверных чтений списков первой группы.

Текст, положенный в основу настоящей дипломной работы взят из издания «Библиотека литературы Древней Руси»³ / РАН. ИРЛИ; Том 7 (Вторая половина XV века); Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 7: Вторая половина XV века. – 581 с.

В данном издании текст «Хождения за три моря» публикуется по Эттерову списку Львовской летописи (РНБ, Р.IV. 144, лл. 442 об.—458 об.) с исправлением по Архивскому списку Софийской второй летописи (РГАДА, ф. 181, № 371/821, лл. 193—220 об.) и Троицкому списку (РГБ, ф. 178, № 8665, лл. 369—392 об.).

Два больших пропуска в летописном изводе («...всѣх в Дербентъ доброволно... Гурмызь есть на островѣ, а еждень...»), «Приидох же в Бедерь... а виденье обезьянино») восполнены по Троицкому списку (вставки эти, в отличие от более мелких, не отмечены в тексте курсивом) (БЛДР 1999 т.7).

² Софийский временник, ч. II, М., 1821, стр.145, прим.1.

³ Двадцатитомная издательская серия «Библиотека литературы Древней Руси», выпускаемая издательством «Наука» с 1997 г. (к настоящему времени вышло в свет 17 томов), одно из фундаментальных изданий Отдела, самое полное из когда-либо предпринимавшихся собрание древнерусских словесных памятников. Издание, подготовленное на основе рукописных первоисточников и сопровождаемое научным комментарием, представляет отечественную словесность средних веков, с XI по XVII столетие включительно, во всем многообразии тематики, жанровых форм, исторической изменчивости. Параллельная публикация древнерусского текста и его перевода на современный русский язык позволяет читателю стать своеобразным участником научного изучения древней письменности.

Глава I

ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Краткий обзор исследований в области аспектуальной категории русского глагола в диахронической перспективе.

Проблемы происхождения и эволюции славянского глагольного вида до сих являются предметом нескончаемых споров и исследований, как среди отечественных лингвистов, так и среди их зарубежных коллег, занимающихся данной тематикой. История разработки данной проблемы в русском языке началась во второй половине XIX века, и если говорить о тех, кто внес свой, хотя и различный по значимости, вклад в исследование аспектуальной категории глагола, пришлось бы перечислить имена лингвистов, составляющих едва ли не весь цвет русского классического языкознания XIX и первой половины XX века.

На протяжении почти всего XIX века, используя различные научные подходы и методы, ученые пытаются выявить единое логическое основание деления русских глаголов по видам. Однако прийти к единому мнению и избежать необходимости совмещения разнородных характеристик действия в рамках одной классификации так никому и не удалось. Разногласия среди лингвистов в этот период возникают по поводу соотношения и иерархии трех разных оснований: 1) кратность действия, 2) степень длительности действия, 3) совершенность – несовершенность действия. Первое из них – понятие кратности действия – представляет, по-видимому, более старую традицию в славистике, чем два других: еще в XVII веке на нем базировал классификацию хорватских и других славянских глаголов Юрий Крижанич – один из зачинателей учения о славянском глагольном виде.

Объединяя различные основания, языковеды получали громоздкие и путаные классификации. Например, проф. А.В. Болдырев выделяет пять видов: 1) начинательный (*белеть*), 2) неопределенный (*делать*), 3) учащательный (*делывать*), 4) однократный (*дернуть*), 5) совершенный (*приделать*), не уточняя при этом чему противопоставлен «совершенный» вид. В то время как И.И. Давыдов объявляет понятие кратности действия главным основанием для своей классификации и устанавливает три вида: 1) неопределеннократный, 2) многократный, 3) однократный. Но при этом внутри неопределеннократного вида выделяет и длительный, и совершенный подвиды, т.е. подчиняя признаку кратности два других основания, смешивает их между собой, хотя они явно разнородны.

Современник И.И. Давыдова, Г.П. Павский тоже приходит к трехчленной классификации на основе понятия кратности. Он делит все глаголы на две части, классифицируя их по отдельности: одну часть – по временному признаку, другую – по пространственному. Г.П. Павский признавал неустойчивость границы между временными и пространственными глаголами, а также сходство между теми и другими по характеру действия (*читывать* – *хаживать*). Поэтому позже он сводит эти 9 разрядов к трем «степеням» более крупным, но уже по признаку кратности: 1) «однократные», 2) «многократные» и 3) «многократные дальние». А с точки зрения современного грамматиста как в девяти разрядах, так и в трех «степенях» остается неясным место многочисленных приставочных глаголов движения СВ: *уйти, прибежать, заплывть* и т.д.

Одним из первых, кто решительно возражал против смешения разных оснований при классификации глаголов, стал А.А. Потебня. В одной из своих наиболее значимых работ «Из записок по русской грамматике» ученый вводит понятие степень длительности действия в качестве основы категории вида. «Совершенство или несовершенство, – указывал он, – есть оконченность или неоконченность действия или состояния, обозначаемого глаголом, между тем как вид есть степень продолжительности времени, заполняемого действием или состоянием» (Потебня 197: 87). Называя видами степени длительности действия, Потебня насчитывает их четыре, причем исходной (более древней) считает конкретно-длительную степень, содержание которой возникло как отражение конкретно-чувственного восприятия действия или процесса в его единичном наглядном протекании: *несет, плывет* и т.п. «от нее по направлению к большей длительности – степень отвлеченно-длительную и многократную, а в другую сторону - однократную» (Потебня 1977: 93). В этой главе Потебня также разбирает историческую последовательность в развитии степеней длительности. Далее в «Записках» А.А. Потебня много рассуждает о понятиях совершенности- несовершенности. На многочисленных фактах из истории категории вида в славянских языках он старался доказать, что эти значения развивались независимо от представления степени длительности действия и, следовательно, не должны включаться в категорию вида (Потебня 1977: 83-110). Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что несмотря на прогресс, достигнутый ученым в поиске критерия деления глаголов по видам, происхождением категории вида в современном понимании вопроса Потебня не занимался, поэтому его работа дает только предварительный материал для изучения исторического развития категории вида.

Затянувшееся на многие десятилетия обсуждение проблемы состава и содержания глагольных видов после А.А. Потебни постепенно привело к пониманию бинарной природы категории вида, включающей только два противостоящих разряда глаголов – совершенного

и несовершенного вида. Эта идея развивалась в трудах Г.К. Ульянова, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, В.А. Богородицкого, С.О. Карцевского и других.

Поскольку целью данной дипломной работы является анализ семантического и аспектуального значений приставок в древнерусском языке, необходимо подчеркнуть, что в конце XIX века наряду с поиском критерия разделения глагола по видам, как было сказано выше, ученые также начинают задаваться вопросом о роли префиксов в процессе эволюции славянской аспектуальной категории. Так как видовое различие в современном русском языке связывается прежде всего с употреблением или неупотреблением приставок, то вопрос исконности видовых различий в этот период сводился к тому, могли ли глаголы в сложении с приставками изначально принимать значение совершенного вида. По мнению одних, например, Г.К. Ульянова, который в своей работе «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке» 1895 года пишет, что «в древнейшие эпохи вообще во всех славянских языках основы непроизводные и производные, вступая в сложение с приставками, сохранявшими в сложении свои реальные значения, не изменяли необходимо имперфективного значения в перфективное». По мнению других лингвистов, современников Ульянова, например, Ф.Ф. Фортунатова, а также А.А. Шахматова, приставки исконно приносили значение совершенного вида в сочетании с глаголами любых типов. С этой точки зрения приставочные глаголы совершенного вида являются исконными, а приставочные глаголы несовершенного вида представляют собой новообразование (Ломтев 1961: 227).

В 1924 году выходит работа А. Мейе «Le slave commun» (Meillet 1924). В главе, посвященной возникновению славянского глагольного вида, французский лингвист рассматривает происхождение славянского вида в традициях сравнительного индоевропейского языкознания, рассматривая его источником противопоставление основ настоящего времени (развивающийся процесс) и основ аориста (законченный процесс). Что касается роли приставок в образовании видов, по мнению Мейе «языки, в которых противопоставление основ аориста и настоящего времени постепенно исчезает, находят средство выразить противопоставление законченного процесса процессу развивающемуся; для этого перед глаголом, которому хотят придать значение «определенного» или даже «совершенного» (перфективного), ставят приставку, реальное значение которой больше не ощущается (Мейе 2001: 233). Необходимо подчеркнуть, что включительно до 1920-х годов большинство ученых-лингвистов, в том числе и Мейе, принимали за аксиому теорию происхождения славянского глагольного вида напрямую из индоевропейской аспектуальной категории.

Голландский филолог-славист Н. ван Вейк стал первым, кто выдвинул гипотезу о том, что, гипотетически, славянский глагольный вид мог развиваться на собственно славянской почве из бинарной категориальной оппозиции определенности-неопределенности. Не найдя достаточных оснований для того, чтобы считать протоиндоевропейскую аспектуальную систему источником для возникновения славянского глагольного вида, ван Вейк обращает свое внимание на протоиндоевропейскую лексическую категорию определенности. Отталкиваясь от гипотезы Г.К. Ульянова, считавшего, на основе изучения греческого аориста, что протоиндоевропейский аорист располагал теми же синтаксическими функциями, что и славянский совершенный вид, ван Вейк ставит вопрос об отношениях между индоевропейским аористом и славянским совершенным видом (van Wijk 1929: 251-253). Ученый не исключает возможности, что данная связь существовала, однако, считает наиболее вероятной гипотезу, согласно которой аспектуальная система представляет собой «новшество» в общеславянском языке, и которая в первых аттестованных источниках еще не достигла того состояния, которое она имеет в современном языке (Ruvoletto 2016: 6).

Одновременно с ван Вейком, в том же году, польский лингвист Е. Курилович в статье «La genèse d'aspects verbaux slaves» (Kuryłowicz 1929) пытается определить элемент, который в протославянский период положил начало аспектуальной оппозиции, характерной для славянских языков. По его мнению, данный элемент возник в дописьменный праславянский период, в бинарной суффиксации глаголов *-nq-* (*-n-*) и *-a-*, по типу глагольной пары *dvignōti* и *dvigati*, которая, по его мнению, в определенный исторический момент стала восприниматься как грамматическая (аспектуальная) оппозиция. Он считал, что суффикс *-nq-* указывал на начальный и конечный моменты действия, в то время как суффикс *-a-*, также восходящий к индоевропейскому праязыку, указывал на итеративное значение действия. Позже данная аспектуальная оппозиция стала применяться и к парам, которые ранее воспринимались только с точки зрения лексической оппозиции, например, *ubiti* - *biti* (Bermel 1997: 66). Курилович также считает категорию определенности-неопределенности исходной точкой в процессе образования системы видов.

В первые послевоенные десятилетия интерес к аспектуальной категории в славянских языках, и в частности, русском языке, получает новый импульс. В 50-60е годы, как в Советском Союзе, так и в Европе, появляется большое количество публикаций и статей, продолжающих разрабатывать тематику происхождения и эволюции глагольного вида. Например, в шестом номере за 1953 год журнала «Вопросы языкознания» выходит статья В.В. Бородич «К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках». В данной работе автор выдвигает гипотезу о том, что «процесс развития

видов (совершенного и несовершенного) происходил на почве отдельных славянских языков, в общеславянском были созданы лишь предпосылки для их развития». По мнению ученой, оформление аспектуальной системы произошло в тот момент, когда «само понятие определенности-неопределенности перестало быть только лексическим и лексико-грамматическим, оно грамматизировалось. Окончательная грамматикализация этой категории совпала с ее переходом в категорию совершенности-несовершенности» (Бородич 1953: 81). Бермель критикует данную гипотезу, считая ее слабым местом то, что Бородич трактует категорию определенности / неопределенности слишком широко, не проводя четкого разграничения с категорией предельности (терминативности). По ее определению, «определенность» это предельный лексический аспект с акцентом на конкретное действие, а «неопределенность», соответственно, это неопредельный лексический аспект с акцентом на статичность действия (Bermel 1997: 67).

Выдающийся советский лингвист П.С. Кузнецов в 1953 году в статье «К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка» анализирует вопросы взаимоотношения между славянской и индоевропейской системами видо-временных отношений. Ученый предполагает, что уже в период наиболее древней эпохи существовала индоевропейская система видов, выражаемых чередованиями гласных в корнях и глагольными суффиксами (показателями глагольных классов), а также так называемыми инфиксами. В дальнейшем эта система постепенно заместилась разветвленной системой времен с аспектуальными значениями, как это можно наблюдать в греческом языке, противопоставляющем совершенный вид несовершенному посредством тем аориста и настоящего времени. И наконец, развитие явления префиксации дает начало аспектуальной системе в современном значении этого понятия. П.С. Кузнецов предполагает, что зарождение аспектуальной системы стало возможным благодаря возникновению оппозиции в системе непрошедших времен. Таким образом, приставочные глаголы с протоперфективным значением сначала противопоставлялись бесприставочным глаголам общего вида. С течением времени общий вид стал маркироваться как имперфективный и противопоставляться перфективному. Кроме этого, бесприставочные глаголы могли становиться перфективными также под действием определенных обстоятельств. При определении видового значения беспрефиксного глагола в памятниках древней письменности П.С. Кузнецов считает решающим его принадлежность к тому или иному глагольному классу. При этом роли суффиксации в развитии аспектуальной системы в отличие, например, от Ю.С. Маслова, Кузнецов придавал второстепенное значение. По его мнению, суффиксация усилила, но никак не положила начало становлению вида как

грамматической категории. Отметим, что, разбирая видовое значение ряда глаголов, П.С. Кузнецов не ставит вопроса о генезисе категории вида и о взаимоотношении в древнейшее время этой категории с степенями длительности действия.

Чешский лингвист И. Немец в статье «Kategorie determinovanosti a indeterminovanosti jako základ slovanské kategorie vidu» (Němec 1956), а также более углубленно в монографии «Genese slovanského systému vidového», опубликованной двумя годами позднее, продолжает исследовать связи между славянской глагольным видом и индоевропейской видо-временной системой. В своей работе ученый критикует и пересматривает гипотезу, утверждающую, что аспектуальность не является праславянской категорией, а возникла позже из корреляции определенности / неопределенности. Немец пытается найти компромисс между более радикальной версией данной теории, предложенной ранее Бородич и версией, предложенной ван Вейком (Bermel 1997: 74). Кроме этого, следует упомянуть ученых лингвистов А. Досталь (A. Dostál) и Г. Кёльна (H. Kölln), также работавших над вопросом происхождения славянского вида из индоевропейского праязыка.

Еще одним из направлений лингвистических изысканий этого периода стало исследование роли глагольных времен в образовании и кодификации аспектуальной системы. Среди ученых, занимавшихся исследованиями в данном направлении можно назвать, к примеру, Т.П. Ломтева, представившем в 1948 году статью «К характеристике видовой дифференциации претеритальных форм глагола в древнерусском языке». Основываясь на анализе многочисленных примеров из текстов XI-XII веков, лингвист выдвигает гипотезу, согласно которой времена аориста и имперфекта, использовавшиеся все чаще соответственно в перфективных и импрефективных глагольных формах, способствуют тем самым закреплению данных аспектуальных значений в данных глаголах. Кроме того, под глагольными формами совершенного и несовершенного вида ученый подразумевает соответственно приставочные и бесприставочные глаголы, допуская при этом, что приставки развивают видовое значение, ранее им не присущее, также постепенно и последовательно. Недостатком его работы является то, что он не предлагает детального анализа данного явления (Ruvoletto 2009: 29).

Данный поход Ломтева вызывает критику его современника, С.Д. Никифорова, который пишет, что «Ломтев подошел к категории вида исторически и указал на взаимоотношение категории вида с видовременными значениями, особенно имперфекта и аориста. Однако он видит только один источник (правда, важнейший) развития категории вида—префигирование». Никифоров указывает на тот факт, что Ломтев в своей гипотезе не учел наличие древних корреляций, по типу *дать-давать, пасть-падать, бросить-бросать* и

т.д., а также существование так называемых двувидовых глаголов *женить*, *родить*, *ночевать* и т.д., вследствие чего «историческое развитие категории вида не охвачено во всем его объеме» (Никифоров 1952: 37).

Кроме этого, следует упомянуть исследования лингвиста А.В. Исаченко, который для описания особенностей приставочного словообразования русского глагола вводит термин «совершаемость» (соответствующий нем. *Aktionsart*), имевший популярность в 1960—1980-е гг. Исаченко считает, что вид и «совершаемость» (или *способ глагольного действия*) представляют собою различные манифестации одного и того же явления, находящиеся в дополнительном распределении. Поэтому глагол, соотносимый с неким исходным глаголом противоположного вида является либо его видовым коррелятом либо его регулярной семантической модификацией, т.е. так называемым *способом глагольного действия*. Вследствие чего, отличительным признаком *способов глагольного действия* оказывается отсутствие у них видовых коррелятов. Эта точка зрения разделяется, однако, далеко не всеми аспектологами. Наиболее веским аргументом против включения признака видовой непарности в определение *способа действия* является то обстоятельство, что запрет на образование вторичного имперфектива в русском языке почти всегда не абсолютен (Зализняк, Шмелев 2000: 12). Дальнейшие попытки по поиску критерия, разграничивающего категорию вида и способа глагольного действия будут предприняты, в том числе, и в исследованиях Анны А. Зализняк, продолжающей развивать теорию блестящего ученого Ю. С. Маслова, работы которого стали своего рода поворотным пунктом для всей русской (и не только) аспектологии.

В 1961 году выходит известная статья Ю.С. Маслова «Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида», написанная к IV Международному съезду славистов в 1958 году. В разработанной им гипотезе ученый смог пойти дальше своих предшественников. Новаторство его подхода заключается в следующем: во-первых, в данной работе лингвист четко разграничивает категории определенности / неопределенности и категории предельности / неопределенности (терминативности / атерминативности), мотивируя это тем, что в основе первого противопоставления основанием деления служит конкретный или абстрактный характер действия, в то время как в противопоставлении предельности / неопределенности основанием деления служит наличие или отсутствие предела в протекании действия, направленность или ненаправленность действия на достижение этого предела. Анализируя то, как эти две оппозиции могут соотноситься друг с другом, Маслов приходит к выводу, что исследовать историю формирования славянского глагольного вида «надо не с предельности /

неопределенности и не с определенности / неопределенности, а с тех более дробных способов действия, которые могут быть реконструированы уже для ранней эпохи и которые лишь постепенно были сведены в языке в две рассмотренные сейчас корреляции, послужившие затем непосредственной базой для возникновения вида» Второй важнейший вывод, к которому пришел ученый в результате своих исследований, заключается в его положении о первичной роли имперфективирующей суффиксации как морфологического способа эволюции аспектуальной категории, а не приставочной префиксации, как предполагали его предшественники. (Маслов 1961: 458).

Новый подход к пониманию механизма образования аспектуальных отношений, разработанный Ю.С. Масловым в его работе, подготовил почву для последующих исследований в области эволюции категории глагольного вида. Далее, в разделе 1.2.3. Как развивались средства выражения вида: префиксация и суффиксация в древнерусском языке мы вернемся к более подробному рассмотрению морфологических способов образования категории вида (префиксация и импрефективация).

В той же мере, что и исследования Ю.С. Маслова для русской аспектологии, работы философа и лингвиста Д. Вендлера явились отправной точкой для многих западных лингвистов, занимающихся проблемами аспектуальной категории. Несмотря на тот факт, что его работа строится исключительно на примерах из английского языка и не исследует напрямую аспектуальную категорию, тем не менее, в ней выдвигается предположение о значительном влиянии лексического значения на формальную структуру глагольной системы.

Наблюдения за семантической совместимостью глаголов позволили Вендлеру в своей статье «Verbs and Times» (Vendler 1957), практически одновременно с работами Ю.С. Маслова, предложить первую типологию временных схем глагольных предикатов. Отнесенность к одному из четырех классов производится им на основании двух главных критериев: 1) возможность / невозможность употребления глагола в продолженной форме; 2) сочетаемость глагола с так называемыми инклюзивными обстоятельствами времени (типа *in two hours* «за два часа»), в значение которых входит указание на отрезок времени, «включающий» момент завершения действия или достижения результата. В зависимости от соответствия заданным критериям лингвист различает четыре класса глаголов, а именно: глаголы состояния (States), глаголы деятельности (Activities), глаголы исполнения (Accomplishments) и глаголы достижения (Achievements).

Как уже было сказано выше, Вендлер использует категорию длительности как диагностический критерий для различения акциональных классов. Таким образом, глаголы

деятельности (Activities) и глаголы исполнения (Accomplishments), могут выражать процессность действия, в то время как глаголы состояния (States) и глаголы достижения (Achievements) такой характеристикой не обладают.

По мнению Н. Бермеля, подход Вендлера отличается от теории Маслоу, по большому счету, только глубиной разработки, поскольку Вендлер обозначает только четыре акциональных конфигурации, в то время как Маслоу различает больше двадцати способов глагольного действия. В связи с этим акциональная концепция Вендлера может рассматриваться как имеющая более системный подход по сравнению с концепцией Маслоу (Bermel 1997: 34).

Выводы, к которым приходят Маслоу и Вендлер в результате своей работы, являются важным рубежом, задающим новое направление в исследовании эволюции аспектуальной системы. В общих терминах можно сказать, что в последующие десятилетия исследователи фокусируются на проблемах морфологии аспектуальной категории. Интерес ученых смещается в сторону изучения отношений между приставкой и выражением вида, или, точнее, между префиксацией и имперфективацией, а также проблемы соотношения сематического и аспектуального значений отдельных приставок, включая и так называемые «семантически пустые» приставки.

Направление, занимающееся вопросом «пустых» приставок, связано с проблемой «десемантизации» приставки и развитием ее исключительно видовой перфектирующей функции. В данном направлении работают такие ученые, как Вей (Vey 1952), уже упоминавшийся выше Кузнецов (Кузнецов 1953), К. ван Схооневелт (C. van Schooneveld 1958), включая и самого Маслоу (Маслов 1958). Гипотеза Вей и Схооневелта заключается в попытке найти компромисс между отрицанием существования так называемых «пустых» приставок и признанием их исключительно аспектуальной (перфектирующей) функции в ограниченном наборе видовых пар. Что касается русской аспектологии, после осторожных замечаний Кузнецова о постепенной эволюции приставок в сторону чисто аспектуальной функции, Маслоу высказывает предположение, что «десемантизированные» приставки не могут обладать исключительно аспектуальным значением, поскольку семантическое значение приставочного глагола, как правило, только частично совпадает с семантикой бесприставочного коренного глагола. Вследствие чего, по мнению Маслоу, приставочный глагол чаще выражает *способ глагольного действия*, а не аспектуальность. Еще более радикальной является позиция Исаченко, который ставит под сомнение само существование «пустых» приставок, поскольку каждая приставка, по убеждению ученого, добавляет определенный семантический оттенок значению коренного глагола.

Другой аспект проблемы, касающийся приставок и префиксации, рассматривает развитие семантического значения приставки в ее отношении к видовой функции и способности выражать «способы действия». Разработкой данной темы занимались М.В. Нефедьев, представивший гипотезу о том, что семантическая эволюция приставок происходила в четыре стадии. В подтверждение своей гипотезы, лингвист анализирует эволюцию приставок *на-* и *об-* в текстах, написанных в период с XI века по XVIII век. Исследования О.И. Дмитриевой рассматривают префиксацию с точки зрения постепенного смещения лексического значения приставок в сторону аспектуального значения. Согласно ее подходу, который во многом совпадает с гипотезой Нефедьева, семантика приставки пространственного типа приобретает результирующий компонент, образующийся из отношений между лексическим значением бесприставочного глагола и значением приставки. Данный компонент обозначает предел, ограничивающий действие, выраженное глаголом (Ruvoletto 2009: 43).

В 1982 В.Б. Силина публикует труд «История категории глагольного вида». Заметим, что опираясь на выводы и разделяя основные положения гипотезы, выработанной Ю.С. Масловым, сама Силина, тем не менее, считает, что данная гипотеза недостаточно подкреплена фактическим материалом (Силина 1982: 159). Научный подход, который использует Силина, приближается скорее к традиционному, за что получил многочисленные критические отзывы. Однако, ценность этой работы заключается в том, что ученая предлагает подробнейший анализ средств имперфективации. На основе частотного анализа употребления суффиксов, охватывая период с древнейших текстов до текстов, датированных более поздними веками, исследовательница вырабатывает периодизацию, согласно которой суффикс *-a-/-ja-* является более древним, чем суффикс *-yva-/-iva-*. А также приходит к выводу, что суффикс *-yva-/-iva-* приобрел наибольшую специализацию в своей имперфективирующей функции по сравнению с другими суффиксами, вследствие чего стал доминирующим и наиболее продуктивным имперфективирующим суффиксом начиная с XIV века.

Особого внимания заслуживают также исследования ученика Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, под редакцией которого опубликован ряд тематических сборников научных статей по функциональному анализу грамматических категорий и единиц. Основные исследования ученого посвящены грамматической семантике русского глагола (вид и время), общей теории морфологических категорий и грамматического значения. Бондарко подробным образом анализирует категорию семантической предельности и неопределенности действия, выраженного разными типами глагола.

Разрабатываемая А.В. Бондарко теория функциональной грамматики в значительной степени связана с традициями Ленинградской грамматической школы 1930-1950-х годов, опирающейся на описание языка «от смысла к форме» и концепцию функционально-семантического поля, ядром которого являются грамматические средства, а периферией – лексические.

Одной из самых последних значительных работ, которая, кроме прочего, уже неоднократно цитировалась выше, является вышедшая в издательстве американского университета Беркли монография Н. Бермеля «Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect» (Bermel 1997). В исследовании подробнейшим образом освещается проблема глагольного вида, а также история изучения аспектуальной проблематики славянского глагола в отечественной и зарубежной лингвистике. Автор анализирует данные древнерусских текстов, относящихся к разным историческим периодам и стилям с целью выявить лексическую, а не грамматическую природу видового противопоставления в древнем русском языке. В своем исследовании лингвист приходит к выводу, что на разных стадиях развития категории вида, (рассматривается период с XI века до второй половины XVI века), значение лексического выражения вида постепенно уменьшается, все больше уступая место грамматическим средствам выражения аспектуальности. В своей работе автор проводит разбор, в том числе, и интересующего нас памятника «Хождение за три моря Афанасия Никитина». Кроме прочего, в монографии Бермеля представлен детальный обзор и подробный анализ научных работ и исследований, посвященных истории изучения аспектуальной категории славянского глагола.

Что касается самых последних исследований в области синхронной аспектологии на материале русского языка, большой интерес представляет вышедший в 2015 году труд А.А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелева «Русская аспектология: в защиту видовой пары». В данной работе развивается аспектологическая концепция, опирающаяся на идеи Ю.С. Маслова и Т.В. Булыгиной о видовой паре как функциональном соотношении, составляющим русскую аспектуальную систему, изложенная ранее в вышедшей в 2000 году книге А.А. Зализняк и А.Д. Шмелева «Введение в русскую аспектологию». Ученые продолжают исследование вопросов, связанных с видовой коррелятивностью, таких как механизм имперфективации в современном русском языке, исследуются понятия «позиции обязательной имперфективации» и «видовой связи», обсуждается критерий Маслова и проблемы, возникающие при его применении, устанавливается место видовых троек, включающих в себя вторичный имперфективный коррелят, в русской аспектуальной системе. Книга «Русская аспектология: В защиту видовой пары», также как и статья

«Русская глагольная префиксация и проблема видовой парности», написанная в соавторстве А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян по материалам доклада на международной конференции в Гранаде в июне 2014, полемизирует с альтернативной теорией Л. Янды и ее коллег.

Также особого внимания заслуживают еще два исследования, выполненные итальянскими лингвистами в университете г. Падуя. В кандидатской диссертации «*I prefissi verbali nella Povest' vremennykh let*», 2009, а также в одноименной монографии 2016 года по материалам диссертации, Л. Руволетто представляет анализ пространственных и аспектуальных значений приставок в составе приставочных глаголов. Ученая исследует степень эволюции восточно-славянской аспектуальной системы на самом раннем этапе на основе примеров из одного самых из первых документально зафиксированных письменных источников «Повесть временных лет». Исследовательница предлагает изучение значения приставок и характера их взаимодействия с функциональными характеристиками бесприставочных глаголов, с тем чтобы выявить результат этого взаимодействия на лексическом, функциональном и аспектуальном уровнях. Методология исследования, предложенная Руволетто, положена в основу данной дипломной работы.

В кандидатской диссертации «*Proto-coppie aspettuuali nella Zadoščina*», 2014, М. Саккини исследует древнерусские приставочные глаголы на примерах литературного памятника «Задонщина». Ученый производит подробный диахронический анализ семантического значения приставок и то, как изменение этого значения влияет на способность приставочного глагола образовывать соответствующий протоаспектуальный коррелят.

В заключение остается добавить, что настоящая дипломная работа, исследующая приставочные глаголы на материале литературного текста, датированного второй половиной XV века, «Хождение за три моря Афанасия Никитина», как уже было отмечено выше, выполнена в рамках подхода, предложенного Л. Руволетто. Отличие данной дипломной работы от предыдущих исследований состоит в том, что текст «Хождения» написан в более поздний период древнерусского языка и поэтому предлагает более обширный материал для исследования не только эволюции значений префиксов, но и вторичных имперфективных коррелятов приставочных глаголов. В частности, в работе Л. Руволетто отмечается, что материал для анализа вторичных имперфективных форм в «Повести временных лет» является достаточно скудным. В отличие от данного исследования, анализ имперфективных форм, выявленных в тексте «Хождения», является важной составляющей настоящей дипломной работы. Это связано с тем, что в период написания «Хождения» имеет место формирование и интенсивное развитие собственно древнерусских имперфективирующих

средств, вследствие чего вторичные имперфективные формы появляются в данном произведении уже на достаточно регулярной основе.

1.2. Вопросы терминологии: морфологические средства образования категории вида

1.2.1. Определение категории вида и пояснения к выбору терминологии

Прежде чем перейти непосредственно к анализу приставочных глаголов, выявленных в «Хождении», необходимо обозначить основные термины, используемые в данной дипломной работе и требующие предварительных пояснений.

Исходя из приведенного выше краткого обзора литературы, посвященной истории исследования категории глагольного вида, прежде всего необходимо определиться, что входит в понятие *аспектуальная категория*, а также определить значения других лингвистических терминов, наиболее часто встречающихся при анализе приставочных глаголов и лежащих в основе понятийного аппарата, принятого в данной дипломной работе (например, *вторичная имперфективация* и т.д.). Логично было бы начать с определения *категории вида*, или *аспектуальной категории*, которое может варьироваться у разных лингвистов и при разных научных подходах. Категория вида или аспектуальная категория позволяет определить способ представления действия (совершенный или несовершенный, то есть частично заверченный или незавершенный, и соответственно внутри данной основной оппозиции (противопоставления различаются продолжительность, начало, смена состояния, повторяемость и т.п.).

Вероятно, правомерно начать обзор основных терминов, встречающихся в работе, с морфологических способов образования глагольного вида *префиксации* и *имперфективации*, поскольку именно они составляют предмет исследования данной дипломной работы. Кроме этого, *префиксация* и *суффиксация* являются основными морфологическими средствами образования аспектуальной пары. Глагол, образующийся в результате *префиксации* в данной дипломной работе обозначается как *приставочный глагол*.

В общих чертах термин *префиксация* представляет собой способ словообразования, при котором новое слово образуется путем присоединения *приставки (префикса)* к основе. Морфологический элемент, участвующий в словообразовании обозначен термином *приставка* или *префикс*. В общей грамматике *префиксация* является общим понятием, который соотносится с разными частями речи. Для избежания громоздких конструкций в данной работе употребляется термин *префиксация*, который во всех анализируемых случаях подразумевает исключительно *глагольную префиксацию*. Суть явления *глагольной префиксации* заключается в образовании приставочного глагола путем присоединения приставки к бесприставочному коренному глаголу. Добавим также, что в научной

литературе середины прошлого века наряду с понятием *префиксация* у некоторых ученых встречается также его синоним *префигирование*. Но поскольку данный термин является малоупотребительным в лингвистической литературе, в нашей работе мы ограничимся использованием термина *префиксация*.

Кроме *приставки (префикса)* в процессе префиксации задействован и *бесприставочный глагол*, который в данной работе может быть обозначен как *базовый глагол* или *коренной глагол*, либо как *бесприставочная образующая основа*.

Еще одним способом морфологической деривации, который анализируется в данной работе, является *суффиксация*. С термином *суффиксация приставочных глаголов* тесно связано понятие *вторичная имперфективация*, которая представляет собой основной морфологический механизм глагольного вида. *Вторичным имперфективом* в аспектологии принято называть приставочный имперфективный глагол, образованный от глагола совершенного вида. Таким образом, под термином *вторичная имперфективация* подразумевается образование *вторичного имперфективного коррелята* при помощи *суффиксации* посредством *имперфективирующих суффиксов*.

Следующий термин, часто встречающийся в нашей дипломной работе, это понятие *предельного глагола* и *непредельного глагола*. Категория *предельности / непредельности* в отличие от категории вида, не является грамматической и тесно связана с лексическим значением образующего глагола. Поскольку семантика слова может обладать внутренним, внешним, потенциальным и другими типами предела, а также указывать и на отсутствие предела как такового, вследствие чего эта бинарная оппозиция не может рассматриваться как грамматическая категория, в отличие, например, от аспектуальной категории. Эти термины восходят к «результативному способу» действия, поскольку обозначают достижение (или недостижение) внутреннего предела действия, выраженного глаголом. Необходимо также понимать, что достижение внутреннего предела действия в данном случае никак не связано со значением протекания действия во времени, поскольку под пределом подразумевается полное (физическое) завершение самого действия, а не ограничение действия каким-либо временным пределом. Однако, в некоторых случаях временной предел и достижение физического предела действия могут совпадать, или же частично накладываться друг на друга, оставаясь при этом, тем не менее, двумя различными понятиями.

Необходимо также обратить особое внимание на разграничение понятий (*результативный*) *предельный* и *имперфективный*, поскольку первый термин тесно связан в первую очередь с лексическим значением (способы действия), в то время как *имперфективность* неотделима от понятия *имперфективность*, вместе с которым составляет

основу аспектуального значения. Таким образом, оппозиция *перфективный / имперфективный* соотносится с грамматической категорией вида, имеющей парадигматический и обязательный характер для всей глагольной системы. Глаголы, не имеющие имперфективного или же, наоборот, перфективного коррелята, представляют собой так называемые непарные глаголы, которые входят, по определению Маслова, соответственно в группу *perfectiva tantum* или *imperfectiva tantum*.

Следует особо подчеркнуть, что *способ глагольного действия (Aktionsart)*, в отличие от глагольного вида, не обладает грамматическими признаками категории. Напомним, что под *способом глагольного действия* понимается семантическая группировка глаголов, объединявшихся по различным признакам протекания действия, отношения его к достижению результата и т.д. (Силина 1982: 158). По мнению некоторых лингвистов, данный термин является приемлемым как для древнерусского языка, так и для русского современного языка. Однако необходимо учитывать, что в древнерусском языке различие между понятием *способ действия* и *аспект (вид)* еще не такое точное и четкое, как в современном русском языке, поскольку в древнерусском языке глагольный *вид* все еще находится в стадии формирования и еще до конца не стал грамматической категорией, и пока еще соотносится как с лексическими, так с грамматическими факторами. По поводу генетической связи между грамматической категорией вида и *способами глагольного действия* можно сказать, опираясь на теорию Ю.С. Маслова, что древние дробные способы действия, которые могут быть реконструированы уже для ранней праславянской эпохи, были постепенно сведены к корреляции определенности / неопределенности, предельности / неопределенности, и послужили затем непосредственно базой для возникновения вида. (Маслов 1958 : 458).

Что касается акциональных классов, за основу принята классификация Д. Вендлера, разделяющая глаголы на четыре акциональных класса (*состояния, деятельности, свершения, достижения*). Кроме этого нужно добавить, что наряду с терминами *предельные* и *непредельные* в работе используются точно соответствующие им синонимы, соответственно *терминативные* и *нетерминативные*.

Еще один термин, достаточно часто встречающийся глаголов в нашем тексте - глаголы *неактуального настоящего* или глаголы *настоящего со значением будущего*. Поскольку изучаемый текст относится к периоду интенсивного развития аспектуальной системы, которая находится еще в процессе становления и поэтому глаголы протоперфективного вида еще не развили в полной мере те значения, которые характеризуют глаголы совершенного вида в современном русском языке. В связи с этим фактом в тексте «Хождения» достаточно

часто встречаются случаи, когда вторичные имперфективные формы презенса конкурируют с протоперфективными формами презенса в выражении итеративного значения.

Напомним также, что как правило, глаголы настоящего времени совершенного вида в современном русском языке выполняют функцию простого будущего времени. В анализируемом тексте часты случаи, когда протоперфективные формы презенса свободно сочетают в себе итеративное и результативное значения, при том, что в современном русском языке выражение итеративности у приставочных перфективных форм презенса, как правило, ограничено частновидовыми значениями совершенного вида. Например, в наглядно-примерном значении, когда повторяющееся действие представлено на единичном примере и выражено глаголом совершенного вида.

1.2.2. Становление и развитие категории вида в древнерусском языке

Категория глагольного вида во многом определяет специфику русской глагольной системы. Лексико-грамматический характер этой категории, отсутствие универсального способа передачи видовых различий чрезвычайно затрудняют установление времени возникновения глагольного вида и определения основных этапов его развития (Силина 1982: 158). До сегодняшнего дня среди ученых до сих пор нет единого мнения по данному вопросу. Наиболее распространенной является гипотеза о возникновении славянского глагольного вида в поздний праславянский период.

Вид в древнерусском языке: взаимодействие с системой времен

Как свидетельствуют различные сравнительно-диахронические исследования, в том числе и некоторые упомянутые выше, в наиболее древний период аспектуальное значение проявляется уже достаточно стабильно и регулярно, но в то же время все еще занимает периферическое положение в древней сложнооформленной системе времен, с которой зарождающееся аспектуальное значение, в связи с этим, находится в конкурирующих отношениях в выражении функциональных характеристик действия. Со временем подобное взаимодействие между двумя конкурирующими системами (время и вид) приводит к сокращению количества временных форм (первым исчезает имперфектив, затем аорист, и остается причастная форма, утвердившаяся с течением времени как единственное прошедшее время) и одновременному усилению функций аспектуальной системы, которая в результате этого процесса обретает статус грамматической категории. Говорить о том, что глагольный вид окончательно оформился как грамматическая категория можно лишь в XVII

веке, когда аспектуальные глагольные пары образуются на регулярной основе и видовое значение становится обязательным к выражению.

Таким образом, наиболее значительными событиями в истории глагольных форм русского языка являются: разрушение старой системы многочисленных прошедших времен с сохранением (в литературном языке и основной массе говоров) одного прошедшего времени, а также все более четкое оформляющееся противопоставление глаголов двух видов - совершенного и несовершенного (Борковский 1963: 277).

Параллельно с разрушением старой системы времен, закончившимся сведением их к трем временам, характеризующим современный русский язык, происходит дальнейшее развитие и все более четкое противопоставление совершенного и несовершенного видов, наметившееся еще в эпоху дописьменных памятников. Этот процесс удостоверяется не только развитием приставочных образований, но и (в особенности) все большим развитием таких пар приставочных глаголов, где члены каждой пары структурно отличаются друг от друга лишь различием суффикса и, частью, различной степенью чередования корневого гласного, а по значению – лишь принадлежностью одного совершенному, а другого несовершенному виду. Глаголы несовершенного вида являются при этом производными от члена той же пары, но со значением совершенного вида (Борковский, Кузнецов 1963: 289).

Отличие древней категории вида от её современного состояния

Как было сказано выше, в древнерусской глагольной системе сосуществовали развитые системы времени и вида, но при этом значения видовых форм, а также отношения вида и времени во многом были иными, чем теперь. Основное видовое различие современного языка - различие совершенного и несовершенного видов, начавшее складываться еще на праславянской почве, достаточно ясно выступало уже в древнерусском языке, хотя и с некоторыми отличиями от современного. Различия двух видов были большей частью выражены достаточно ясно. Внутри же этих видовых различий, выражавших отношение действия к его законченности во времени, наблюдаются также формально выраженные и унаследованные от глубокой древности различия, более конкретно характеризовавшие отношение действия к его протеканию во времени (мгновенность и длительность, начало действия или состояния, постепенный переход из одного состояния в другое, направленность (определенность) или ненаправленность (неопределенность) движения и т.п.) (Борковский, Кузнецов 1963: 279).

Исходя из вышесказанного, обобщим основные различия в состоянии глагольной системы в древнерусском языке и ее состоянии в современном русском языке.

Итак, префиксация в современном русском языке всегда (за редким исключением) придает глаголу значение совершенного вида. В то время как в древнерусском языке приставки с пространственным значением еще не развили аспектуальную функцию в полной мере. Вследствие этого значение, которое приставка может придавать глаголу в рассмотренных в данной работе примерах, правильнее обозначать как *протоаспектуальное* или *протоперфективное*.

В древнерусский период вид еще не оформился окончательно в грамматическую категорию, в отличие от современного русского языка, в котором вид глагола является грамматической категорией, делая его выражение обязательным. Поскольку в древнерусском языке еще не произошла окончательная грамматикализация аспектуальной категории, между средствами выражения совершенности/ несовершенности еще сохраняется достаточно выраженная конкуренция.

Многие различия, связанные с аспектуальным значением и передаваемые в современном русском языке разными видами, в древности передавались различием времен, которых, как известно было больше. Однако, тот факт, что времена были небезразличны к виду, но одни в большей степени образовывались от основы таких глаголов, которые в будущем были отнесены к совершенному виду, а другие от основы таких, которые в дальнейшем заведомо относились к несовершенному виду, говорит о том, что противопоставление совершенного и несовершенного видов в древнерусском языке уже намечилось. Так в древнейших аттестованных памятниках аорист, перфект, давнопрошедшее и преждебудущее время образовывались преимущественно от основ таких глаголов, которые, по крайней мере в дальнейшем, являются глаголами совершенного вида, хотя наблюдаются и отступления, в особенности для аориста. Еще более определенное тяготение, но напротив, к несовершенному виду обнаруживает имперфект. Он употреблялся почти исключительно от таких глаголов, которые или уже были в древнерусском или заведомо являлись в дальнейшем глаголами несовершенного вида (Борковский, Кузнецов 1963: 269).

1.2.3. Как развивались основные морфологические средства выражения глагольного вида: префиксация и суффиксация в древнерусском языке

Для выражения древних видовых различий использовались определенные структурные средства, некоторые очень древние, некоторые развившиеся значительно позже. Так, в древних языках были широко распространены чередования гласных, в которых долгие гласные выступали как в глагольных основах, выражающих большую длительность или повторяемость действия, а краткие - в основах, выражающих краткость действия или его

одиночность (напр.: *положити-полагати* и т.д.); в глаголах движения чередования гласных использовались при обозначении однонаправленного (определенного) и разнонаправленного (неопределенного) действия (напр.: *летѣти-летати, нести-носити*). Эти древние оппозиции сохраняются в современном языке (Иванов 1990: 343).

Кроме того, структурным средством для выражения видовых различий служили еще показатели глагольных классов, развившиеся в древности из суффиксов и объединявшие глаголы, выражавшие подобные друг другу действия. Подобную же роль в прошлом играли и инфиксы, выступавшие у славян в немногих глаголах I класса, выражающих начинательное значение. Таков инфикс [л] в *лягу, сяду, буду* (из **lengōm, *sendōm, *bondōm*). Эти формы обозначали начало некоего состояния (Иванов 1990: 343, 344). Таким образом, исконно и в течение долгого времени в славянских языках существовали структурно оформленные протоаспектуальные категории, определяющие протекание действия во времени (Иванов 1990: 344).

Что касается эволюции других средств перфективации глаголов, прежде всего глагольных приставок, существуют основания предположить, что формирование видовых корреляций с участием простого и приставочного глагола произошло в сравнительно поздний период истории русского языка. Превращение приставок из словообразующего средства в видообразующее было процессом вторичным, происходившим в плане содержания. (Процесс, который, собственно, и является предметом нашего исследования и будет подробно рассмотрен в практической части).

А теперь обратимся непосредственно к явлениям префиксации и суффиксации и обозначим их значение в эволюции русского глагольного вида. Система средств выражения видовых различий в древнерусском языке исходного периода была уже достаточно развитой, но еще неупорядоченной. Ее центром и характерной особенностью были средства имперфективации, как древние многофункциональные и неспециализированные, находившиеся в позиции убывающей продуктивности, так и новые, монофункциональные, специализированные, обладавшие возраставшей продуктивностью (Силина 1982: 198).

Роль глагольных приставок в становлении аспектуальной категории

Становление новых видовых отношений, развитие новой категории славянского вида было связано с возникновением в праславянский период приставочного глагольного словообразования (Иванов 1990: 344). Необходимость пристального внимания исследователя-историка к сфере приставочных глаголов определяется прежде всего тем, что

именно здесь формировались собственно видовые различия, распространявшиеся затем и на бесприставочные глаголы.

Первоначально глагольные приставки выполняли лишь роль словообразовательного средства, вследствие чего присоединение приставки к глаголу первоначально не сопровождалось возникновением у него нового видового значения, а служило лишь средством образования от данных глаголов слов с новым лексическим значением, новых способов действия (Силина 1982: 158). Глагольные префиксы по происхождению представляют собой слившиеся с глагольной основой предлоги, в большинстве случаев развившиеся из наречий, обычно пространственного значения (Никифоров 1952: 41). Превращение ряда приставок из словообразующего средства в видообразующее было процессом вторичным, происходившим в плане содержания (Силина 1982: 160).

Поскольку этимологически приставки связаны с предлогами, поэтому изначально, на ранних этапах приставочного словообразования, приставки вносили в глагол те пространственные значения, которые были присущи соответствующим предлогам, т.е. указывали на направление действия или положение объекта / субъекта в пространстве. Позже из пространственных отношений развивается также ряд значений, и в первую очередь, значение отношения ко времени. Подобное развитие, по мнению лингвистов, обусловлено тем, что в человеческом сознании категории времени и пространства связаны как основные формы сосуществования материи.

Процесс приобретения приставками аспектуального значения и превращения их в грамматическое средства был длительным и неравномерно протекающим и для отдельных приставок, и для различных групп глаголов, обозначающих различные способы действия.

Вместе с развитием приставочного глагольного словообразования проходил процесс обобщения отдельных способов действия праславянских глаголов, которые представляют собой семантические группировки слов, объединявшиеся по различным признакам протекания действия, отношения его к достижению результата и т.д. Сам же глагольный вид ведет свое происхождение с того момента, когда в позднем праславянском языке появляется необходимость выражения экспрессивного значения процессуальности, длительности действия. Оно возникает из переосмысления более древнего неопределенно-многократного значения, образовавшегося в связи с развитием категории предельности у приставочных глаголов (Силина 1982: 158).

Поскольку от начального момента возникновения славянской категории вида до появления первых памятников древнерусской письменности прошло несколько столетий, поэтому можно утверждать, что ко времени складывания интересующей нас исходной

системы древнерусского языка, в ней уже присутствовала определенная система видовых отношений, охватывающая приставочные глаголы. Видовые отношения в данный период характеризуются тем обстоятельством, что их семантическим и формальным центром стала категория имперфективности. Особенностью древнерусских видовых корреляций было то обстоятельство, что маркированным в подобной оппозиции являлось именно имперфективное значение, появлявшееся у приставочного глагола в результате присоединения определенного суффикса. В то же время семантическое значение второго немаркированного члена оппозиции в данном случае было не таким существенным, вследствие чего оно могло быть как значением общего вида, так и уже частично оформившимся значением совершенного вида.

Как пишет В. Б. Силина, «важно подчеркнуть, что в исходном состоянии древнерусского языка уже наличествовала достаточно обширная система семантически и формально противопоставленных оппозиций однокоренных приставочных глаголов, одинаковых по своей лексической семантике, которые и составили ядро развивающейся видовой системы (Силина 1982: 163).

Роль суффиксации и ее отличие от префиксации

Что касается глагольных корреляций, составлявших основу древнерусского языка, они характеризовались неупорядоченностью, поскольку допускали сосуществование как древних, так и новых средств выражения имперфективного значения, унаследованных древнерусским языком от праславянского состояния.

В качестве этих средств выступали с одной стороны древние и новые суффиксы: [-j-], [-ja-], [-va-] и др., унаследованные от праславянского языка, и впоследствии ставшие малопродуктивными или непродуктивными, а также чередования корневых гласных *o//a*, *e//ě* и т.д. Именно по причине неупорядоченности средств имперфективации, а также и потому, что эти средства использовались не только для образования глаголов несовершенного вида, но и для иных образований (в частности в отыменном словообразовании), в начальном периоде развития древнерусского языка существовала значительная вариативность в образовании имперфективных глаголов.

Для унификации этого процесса требовалось создание узкоспециальных средств имперфективации, которые позже и развились в собственно древнерусскую модель импрефективации. Таким образом, уже в XII веке возникает специализированный продуктивный суффикс импрефективации *-ива-* / *-ыва-*, характеризующийся единственной функцией образования глагола несовершенного вида, который по своей структуре мог

присоединяться к любой глагольной основе. Его неоднофонемность и неизменяемость по всей парадигме превратили его в универсальное специализированное и высокопродуктивное средство имперфективации.

Осталось определить, как два данных морфологических способа выражения глагольного вида (префиксация и имперфективация) соотносятся между собой. Исходя из известной гипотезы Ю.С. Маслова, внесшего большой вклад в разработку проблемы славянского вида, префиксация в подавляющем большинстве случаев является собой чисто словообразовательный прием, прием создания нового глагола, нового лексического значения, нового способа действия, т.е. словообразовательный прием, лишь сопровождаемый возникновением перфективного грамматического значения (если оно не содержалось уже и без того в производящей бесприставочной основе). Вследствие чего, это грамматическое значение можно считать не главным, а лишь сопутствующим продуктом лексической, словообразовательной операции. В то время как процесс имперфективации следует рассматривать как исключительно грамматическое средство создания новых видовых противопоставлений. Она создает эти грамматические противопоставления в рамках одного и того же лексического значения, то есть фактически, в рамках одной и той же леммы. (Маслов 1958: 447- 448).

Именно по этой причине явления имперфективации в целом, и вторичной имперфективации, в частности, должны рассматриваться как важнейшее морфологическое средство в возникновении видовых глагольных пар и эволюции аспектуальной системы глагола в славянских языках.

Глава II

АНАЛИЗ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В «ХОЖДЕНИИ»

Приставка *в(ь)-*

Примеры приставочных глаголов с префиксом *в(ь)-*, встречающиеся в «Хождении», достаточно немногочисленны. Первоначальное пространственное значение приставки *в(ь)-* выражает «нахождение одного предмета внутри другого» и соответствует значению омонимичного предлога *в(ь)*, управляющего винительным и предложным падежами. Таким образом, основное пространственное значение предлога *в(ь)* это указание на направление движения или же на место действия.

Древнерусская эндоцентрическая приставка (и предлог) *въ-, въ(н)-* восходит к праславянскому **vьn-* из **ьn-* от полной ступени вокализма **on-*. Образования от глаголов при помощи этой приставки при сохранении ею пространственного значения гипотетически должны обозначать местонахождение субъекта внутри какого-либо пространственного объекта (Табаченко 2009: 102).

Что касается трактовки значений видового типа, развитых приставкой *в(ь)-* в ходе истории, в этом вопросе позиции исследователей значительно расходятся. Например, П.С. Кузнецов отмечает, что в самых ранних древнерусских памятниках приставка *в(ь)-* не придавала еще глаголу значения совершенного вида, сохраняя первоначальное пространственное значение направления. Приставка, как и предлог *въ*, имела первоначально значение просто «внутри чего-то», значение специально направления вносит, с одной стороны, глагол, обозначающий движение, с другой стороны, зависящий от этого глагола винительный падеж (Кузнецов 1953: 225).

И.А. Воробьева, напротив, считает, что глагольная приставка *в(ь)-* уже в древнерусском языке, кроме пространственных значений имела и непространственные: результативные и начинательные, причем результативное значение данной приставки очень древнее.

Л.В. Табаченко, со ссылкой на работу С.И. Баженовой, приводит гипотезу о локально-результативной семантике данной приставки, согласно которой в XII-XIV вв. префикс *в(ь)-* «уже входит в число результативных, однако еще тесно связан с первичными пространственными представлениями, содержит генетическую локальную информацию», а собственно результативное употребление приставки *в(ь)-* относится примерно лишь к XVI в.» (Табаченко 2009: 103).

В то же время Л. Руволетто считает, что результативность приставки должна рассматриваться как ее способность выражать большую или меньшую степень абстрактности по отношению к первоначальному пространственному значению (Ruvoletto: 100).

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Пространственно-результативное значение приставки образуется, когда к первоначальному пространственному значению приставки добавляется значение результативности. В «Хождении» данное значение приставка *в(ъ)*- реализует исключительно с предельными глаголами.

Первая группа предельных глаголов, в комбинации с которыми приставка *в(ъ)*- выражает пространственно-результативное значение, включает в себя глаголы определенного движения: глагол *ити*, представленный формами аориста *внидох* от приставочного глагола *внити* в примерах (1) и (2); а также с глаголом *ехати*, встречающимся в форме перфекта *въѣхали есмя* от глагола *ехати* в примере (3):

- (1) И **внидох** же в таву⁴, и зговорих о *налонѣ* корабленем, а от своае главы два златых до Гурмыза града *дати*; (376)
Взошел я на судно и сговорился о плате корабельной – со своей головы до Ормуза–града два золотых дал.
- (2) **Внидох** же в корабль из Дабыля града до Велика дни за три мѣсяцы бесерменьскаго говѣйна; (376)
Взошел же я на корабль из Дабхола-града на мусульманский пост, за три месяца до Пасхи.
- (3) И Казань есмя проѣхали доброволно, не видали никого, и Орду есмя проѣхали, и Услань, и Сарай, и Берекезаны есмя проѣхали. И **въѣхали есмя** в Бузань. (350)
Казань проехали без препятствий, не видали никого, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекезан проехали и въехали в Бузан.

В следующем примере (4) приставка *в(ъ)*- также выражает пространственно-результативное значение в сочетании с предельным глаголом *пасти*, представленным приставочной формой аориста *впадох* от глагола *впасти*:

- (4) Азь же во многыя в помышления **впадох**, и рекох в себѣ: «Горе мнѣ, окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже камо поиду.»(368)

⁴ «тава» < «даба», «дабба», «дабав» из языка маратхи в западной Индии; парусное судно с отсеками для товаров и людей, более других судов употреблявшееся для торговых путешествий по Индийскому океану.

И я впал (погрузился) в глубокое раздумье и сказал себе: «Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду.»

В примерах (1)-(3) приставка *в(ь)*- выражает как пространственное значение «внутри», так и результативное, указывающее на достижение предела действия. Физический предел действия во всех трех случаях обозначен обстоятельством места, выраженным существительным в винительном падеже с предлогом *в*, указывающим, в свою очередь, на пространственную направленность движения: *в таву* в примере (1); *в корабль* в примере (2); *в Бузань* в примере (3).

В примере (4) действие, выраженное предельным бесприставочным глаголом *пасти* получает в результате префиксации, как и случаях, рассмотренных выше, определенную пространственную характеристику, описывающую действие как направленное «внутри» Действие, выраженное приставочным глаголом *впасти* включает в себя значение достижения предела действия, указывающее на наступление нового состояния. Как и в примерах (1)-(3) предел действия определяется обстоятельством места в форме существительного в винительном падеже с омонимичным предлогом *в*: *впадох во многие размышления*.

ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

Пример (5) интересен тем, что в нем встречается вторичный имперфективный коррелят *впадати* приставочного протоперфективного глагола *впасти*, рассмотренного ранее в примере (4).

Приставочный имперфективный глагол *впадати* встречается в тексте «Хождения» в форме имперфективного презенса *впадают* и представляет собой вторичный приставочный имперфектив, образованный посредством суффикса *-а-* от протоперфективного приставочного глагола *впасти* (<*впад-ти):

- (5) О благовѣрнии русии кристьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды **впадают** и вѣры ся да лишают крестьяньские.(366; 368)
- О благоверные русские христиане! Кто по многим землям плавает, тот во многия беды попадает и веры христианской лишается.

В примере (5) имперфективирующий суффикс *-а-* изменяет аспектуальную принадлежность приставочного глагола, придавая ему свойственное несовершенному виду значение итеративности и соотносится с контекстом, описывающим повторяющиеся

действия. Поэтому *впадают во многие беды* может быть интерпретировано следующим образом: каждый раз когда кто-то отправляется в длительное путешествие, он неизменно попадает «во многия беды».

Приставка *в(ъ)-* сохраняет в имперфективной форме свое пространственно-результативное значение, а имперфективность приставочного глагола, в свою очередь, предопределяет неограниченно-кратный характер самого действия. Таким образом, предел действия достигается каждый раз, когда вышеописанная ситуация повторяется (итеративность).

Тот факт, что в «Хождении» приставочная имперфективная форма презенса *впадают* в примере (5) встречается одновременно с протоперфективной формой аориста *впадох* в примере (4), дает основание утверждать, что протоперфективный глагол *впасти*, выражающий конкретно-фактическое значение образует протоперфективную пару со своим имперфективным приставочным коррелятом *впадати* с итеративным неограниченно-кратным значением.

Приставка в(ѣ)з-

Первоначальное пространственное значение приставки в(ѣ)з- можно определить как «вверх, наверх». Данная приставка относится к типу приставок, которые не имеют материально соответствующего им предлога в современном русском языке, но имели его в древнерусском и старославянском. Так, в древнерусском и старославянском языке существовал предлог в(ѣ)з со значением «вверх, взамен» (ср. *приахом благодать въз благодать* (Остр.ев., Иоан. I, 16): «Мы получили благодать за благодать» (Борковский, Кузнецов 1963: 266). Исчезнув из русского языка, этот предлог, тем не менее, сохранился в сербском языке в форме уз (<vъз) (Кузнецов 1953: 222). Что касается более ранней этимологии, существует мнение, что первая часть этого предлога восходит к и.-е. *ud «вверх», а z был получен от других предлогов (ЭСРЯ).

Кроме этого, важно отметить тот факт, что данная приставка, помимо формы в(ѣ)з-, встречается в древнерусских текстах, и в «Хождении», в частности, как в полногласной форме *воз-/вос-*, возникшей при вокализации ѣ, так и в варианте *з-*, появившемся при выпадении ѣ. Чередование глухого и звонкого аллофонов з/с на конце приставки вызывается явлением фонетической ассимиляции, при которой согласный оглушается или озвончается в соответствии с качеством следующего за ним согласного звука.

При префиксации приставка в(ѣ)з- выражает первоначальное пространственное значение с неопределенными глаголами состояния, деятельности, либо с глаголами неопределенного движения. Однако в тексте «Хождения» не встречаются примеры приставочных глаголов, в которых префикс в(ѣ)з- выражает только пространственное значение. Поэтому начнем анализ значений с группы глаголов, у которых значение приставки в(ѣ)з- можно определить как пространственно-результативное.

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Пространственно-результативное значение приставки в(ѣ)з- образуется при объединении ее первоначального пространственного значения «вверх, наверх» со значением результативности, которое возникает при префиксации и определяет достижение действием своего физического предела.

В «Хождении» приставка в(ѣ)з- выражает пространственно-результативное значение в комбинации со следующими предельными глаголами: с глаголом определенного движения *нести*, представленным формой перфекта *вънесли* от приставочного глагола *вънести* в примере (1); с глаголом *стати*, встречающимся в форме приставочного перфекта *въстала* от

глагола *встати* в примере (2); с глаголом *вратити*, в форме перфекта *възврати* от приставочного глагола *възвратити* в примере (3):

- (1) Хлам мой весь к себѣ **възнесли** в город на гору, да обыскали все – что мѣлочь добренкая, ины выграбили все.(378)
Добро мое все принесли к себе наверх в крепость, на гору, и все обыскали. И что было мелочи хорошей – все выграбили.
- (2) А **въстала** фуртовина на море, да судно меньшее разбило о берег.(350)
И поднялась на море буря, и судно меньшее разбило о берег.
- (3) Идох же по морю вѣтром 10 дни, доидох до Вонады, и ту нас срѣтили великий вѣтръ полунощный, **възврати** нас къ Трапизону.(378)
С попутным ветром шел по морю десять дней, и дошел до Воны, и тут нас встретил сильный северный ветер и вернул нас назад к Трабзону.

В примере (1) пространственное значение приставки *в(ъ)з-* «вверх, наверх» приобретает уточняющую функцию, придавая семантике предельного глагола определенного движения *нести* пространственное значение направления. Вследствие этого действие, выраженное приставочной формой *взнесли* выражает значение «отнести наверх». При префиксации наряду с пространственным значением приставки *в(ъ)з-* семантика приставочного глагола *взнести* получает результативное значение, определяющее достижение внешнего предела действия. Обстоятельство места в винительном падеже с предлогами *в* и *на*, уточняя пространственный предел, в сторону которого направлено движение: *в город на гору*, определяет и достижение физического предела самого действия.

В примере (2) пространственное значение префикса *в(ъ)з-*, «вверх, наверх» в сочетании с омонимичным семантическим значением предельного глагола *стати* «принять вертикальное положение, подняться на ноги» придает приставочной форме *встала* пространственно-результативное значение «поднялась, началась», указывающее на достижение предела действия и смену ситуации «переход стихии из состояния покоя в состояние бури». При этом обстоятельство места в предложном падеже с предлогом *на*: *на море* уточняет пространственную локализацию действия, выраженного приставочным глаголом *встати*.

В примере (3) пространственное значение приставки *в(ъ)з-*, сочетаясь с семантическим значением предельного бесприставочного глагола *вратити* «вернуть, возвратить» (СРЯ т.1.3:101), придает действию, выраженному приставочной формой *возвратил*, значение

пространственно ориентированного движения «назад на прежнее место, в исходную точку». Аналогично примеру (1), обстоятельство места в дательном падеже с предлогом *к*: *къ Трапизону*, определяя тот пространственный предел, в сторону которого направлено действие, тем самым также указывает и на достижение внешнего (физического) предела действия.

ИНГРЕССИВНО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Кроме пространственно-результативного значения, рассмотренного выше, приставка *в(ъ)з-* может выражать также значение, которое можно определить как ингессивно-результативное. Интересно, что в «Хождении» данное значение префикс *в(ъ)з-* приобретает в комбинации как с предельными, так и с неопредельными глаголами.

По определению Л. Руволетто, основная функция приставки *в(ъ)з-* с ингессивным значением состоит в том, чтобы указывать на смену состояний или, точнее, определять начало нового состояния, которое отсутствовало ранее. Вследствие чего можно рассматривать ингессивное значение данной приставки как временное и, вместе с тем, как результативное. Поскольку префикс *в(ъ)з-*, с одной стороны, обладает ингессивно-временным значением, а, с другой, обозначает начальный предел действия, указывающий на наступление нового состояния (Ruvoletto 2016: 105).

В «Хождении» приставка *в(ъ)з-* выражает ингессивное значение в сочетании с неопредельным глаголом *мыслити*, представленным формой аориста *възмыслих ся* от приставочного глагола *възмыслитися* в примере (4); с неопредельным глаголом *кричати*, также встречающимся в форме аориста *воскричаша* от глагола *воскричати* в примере (5); а также с предельным глаголом *кликнути* (образованным в свою очередь посредством суффикса *-ну-* от неопредельного глагола *кликати*), встречающимся в форме деепричастия *воскликнув* от глагола *воскликнути* в примере (6):

- (4) В пятый же Велик день **възмыслих ся** на Русь.(374)
На пятую Пасху задумал я идти на Русь.

- (5) На другой же мѣсяць увидѣх горы Ефиопскыя, ту же людие вси **воскричаша**: «Олло переводигер, олло конькар, бизим баши мудна насинь больмышьти», а по-рускыи языком молвят: «Боже осподарю, Боже, Боже вышний, царю небесный, здѣ нам судил еси погибнути!».(376)

На другой месяц я увидел Эфиопские горы, и тут все люди вскричали: «Олло переводигер, олло конькар, бизим баши мудна насинь больмышьти», а по-русски это значит: «Боже, Господи, Боже, Боже вышний, царь небесный, здесь ты нам присудил погибнуть!».

- (6) Ино, братие рустии християня, кто хоцет поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да **воскликнув** Махмета да поити в Гундустанскую землю.(356)
По-иному, братья русские христиане, кто захочет пойти в Индийскую землю – оставь веру свою на Руси, да, призвав Мухаммеда, иди в Гундустанскую землю.

Поскольку ингрессивное значение может проявляться по-разному у предельных и неопредельных глаголов, стоит рассмотреть их по отдельности.

В примерах (4) и (5) приставка *в(ь)з-* выражает ингрессивно-результативное значение с неопредельными глаголами, выражающими деятельность человека и его психоэмоциональные состояния. Глагольные формы *възмыслих ся* в примере (4) в значении «задумался», «начал думать» указывает на перемену состояния субъекта, в то время как форма *воскричаша* «начали кричать» в примере (5) обозначает начало нового действия. Таким образом, префикс *в(ь)з-* с данными глаголами выражает ингрессивно-результативное значение, поскольку указывает на наступление нового психоэмоционального состояния субъекта в примере (4), и на начало нового действия в примере (5).

В то время как в примере (6) приставка *вз-* выражает ингрессивно-результативное значение с предельным глаголом моментального действия *кликнути* со значением «издать крик». Приставочная форма деепричастия *воскликнув* выражает физическое действие и выражает как ингрессивное, так и результативное значения. Семантическое значение приставочного глагола *воскликнути* «издать крик», выражающее ингрессивное значение, символически восходит к первоначальному пространственному значению префикса *вз-* «вверх, наверх». Кроме этого, однократность (семельфактивность) действия, обусловленная суффиксом *-ну-* отсылает к идее моментального изменения первоначальной ситуации и достижения предела действия в самый момент его совершения.

ТОЛЬКО РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Результативное значение становится доминирующим, когда в результате десемантизации приставка полностью утрачивает свое пространственное значение. Чаще всего только результативное значение приставки *в(ь)з-* проявляется в сочетании с предельными глаголами.

В тексте «Хождения» приставка *в(ь)з-* с таким значением встречается в комбинации с предельным глаголом *яти* (<*im-ti), представленным формами перфекта *взял/взяла* от приставочного глагола *взяти* в примере (7):

- (7) Меликътучар два города **взял** индийских, что разбивали по морю Индийскому. А князей поималъ семь да казну их **взял**, юкъ яхонтов, да юкъ алмазу да кирпичуков, да сто юков товару дорогово, а иного товару безчислено рать **взяла**.(370)

Мелик-ат-туджар взял два индийских города, что разбойничали на Индийском море. Захватил семь князей и взял их казну: выюк яхонтов, выюк алмазов и рубинов, и сто выюков дорогих товаров, а иных товаров его рать взяла бесчисленно.

Напомним, что в своей работе, посвященной диахроническому анализу приставочных глаголов в «Повести временных лет», Л. Руволетто находит подтверждение гипотезы В.Г. Барановской, суть которой заключается в том, что полногласный вариант приставки *в(ь)з-* сохраняет своё пространственное значение, в то время как значение приставки *вз-* с выпавшим гласным *ь* приближается к абстрактному, утрачивая вследствие этого пространственное значение, и, одновременно, усиливая результативность выражаемого действия. (Ruvoletto 2016: 107).

Приставочные глаголы с префиксом *в(ь)з-*, встречающиеся в «Хождении» также подтверждают верность данного наблюдения. Все приставочные *в(ь)з-* глаголы с пространственно-результативным значением (1)-(6), (8) имеют полногласную приставку, представленную вариантами *в(ь)з-/вос-*, в то время как единственная глагольная форма *взял/взяла* в примере (7) с исключительно результативным значением образована посредством приставки *вз-* с редуцированным гласным *ь*.

ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

В «Хождении» явление вторичной имперфективации описывает процесс суффиксации протоперфективных приставочных глаголов, вследствие которого образуются их приставочные корреляты с имперфективным значением.

В примере (8) встречается приставочная имперфективная форма презенса *въздевают* от вторичного имперфективного глагола *въздевати*, образованного от протоперфективного приставочного глагола *въздети* со значением «надеть» (< от *дѣти*) при помощи суффикса *-ва-*, который в данный исторический период (2^а пол.-конец XV в.) является очень продуктивным способом имперфективации:

- (8) а князи и бояре толды на себя **въздевают** *порткы*, да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою опояшет, а третьєю голову увертит.(354)

а князья и бояре тогда надевают на себя порты, и сорочку, и кафтан, и фата по плечам, а другой фатой опояшет себя, а третьей обернет голову.

При суффиксации приставочный протоперфективный глагол изменяет свое аспектуальное значение на имперфективное. При этом при имперфективации к результативному значению приставки, добавляется значение повторяемости действия.

Приставочная имперфективная форма *въздевают* реализует данное значение в итеративном контексте, в котором временные детерминанты (*зима же у них > каждую зиму у них*) также подчеркивают регулярную неограниченно-кратную повторяемость (итеративность) действия.

Приставка *вы-/из-/ис-*

Приставка *вы-* это единственная приставка, у которой в древнерусском языке нет соответствующего ей материально предлога. По значению ей соответствует предлог *из*, также как и приставка *вы-*, обозначающий «движение изнутри наружу» (ср. *выйти из комнаты*) и управляющий родительным падежом.

В соответствии с предлогом *из* имеется приставка *из-*, но она употребляется в современном языке в том же значении как и *вы-* лишь в словах книжного, старославянского происхождения (ср. *истекать* и *вытекать*). Древнерусская приставка *из-* восходит к праславянскому **jъz-* (пра-и.е. **h₁eg^hs* > праслав. **iz* > **jъz* «из»). Существует также гипотеза, что возможное древнее формально-семантическое отличие **jъz-* и **vy-* состояло, в том, что **jъz-* (< **eghs*) передавало ближний е-дейксис, тогда как **vy-* (< **ud-*) - дальний и-дейксис (ЭССЯ).

В словах не книжного слоя приставка *из-* может фигурировать лишь в переносном значении исчерпанности действия «избить, измотать». Приставка *из-* нередко в церковнославянских словах соответствует русскому префиксу *вы-* (ср. *исп^ить* : *вып^ить*, *изб^ить* : *выб^ить*, *исп^олнить* : *вып^олнить*, *израст^и* : *выраст^и* и т. п.) (ЭСРЯ). Приставка *вы-* не является общеславянской, она получила распространение лишь в восточнославянской и западнославянской областях, в южнославянской же области ей соответствует *из-* (Кузнецов 1953: 222).

В «Хождении» приставка *из-* встречается в тексте в вариантах *из-/ис-*. Так же как и в случае с приставкой *воз-/вос*, фонетическая ассимиляция по глухости/звонкости со следующим за приставкой согласным и, в зависимости от его качества, обуславливает выбор в пользу одного или другого аллофона.

Первоначальное пространственное значение приставка *вы-* проявляет прежде всего в комбинации с неопределёнными глаголами и может быть представлено следующим образом: движение из какой-то точки (исход), удаление, распространение, приближение к логическому концу, который противопоставлен началу. Однако в «Хождении» глаголы с только пространственным значением префикса *вы-/из-/ис-* не выявлены, поэтому начнем анализ с пространственно-результативного значения приставок *вы-/из-/ис-*.

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Чаще всего пространственно-результативное значение приставки *вы-/из-/ис-* выражают с глаголами определенного движения или с предельными глаголами, семантика которых

выражает перемещение в пространстве. Следует заметить, что в «Хождении» с глаголами определенного движения данное значение выражает только префикс *вы-*, в то время как префикс *из-* приобретает пространственно-результативное значение только в одном случае в примере (8).

Пространственно-результативное значение приставка *вы-* приобретает в комбинации со следующими предельными глаголами определенного движения: с глаголом *ити*, представленным формой неактуального настоящего *выйдет* в примере (1), а также формами перфекта *вышли/есмя вышли* в примерах (2)-(3), образованными от приставочного глагола *выйти*; а также с глаголом *ехати*, встречающимся в форме перфекта *выѣхал* от приставочного глагола *выехати* в примере (4):

- (1) Кто поидет, ини записывають, а кто **выйдет**, ини записывають;(358)
Одни записывають, кто входит во дворец, другие — кто выходит.
- (2) А ту есть городок Тархи, а люди **вышли** на берегъ, и пришли кайтаки да людей поимали всѣх.(350)
И тут стоит городок Тарки, и вышли люди на берег, да пришли кайтаки⁵ и всех людей взяли в плен.
- (3) А ис Чюнеря **есмя вышли** на Оспожин день к Бедерю, к болшому их граду;(355)
А из Джуннара вышли на Успенье и пошли в Бидар, в главный их город.
- (4) Султан **выѣхал** из града Бедеря восьмой мѣсяць по Велице дни; Да с нимъ возыревъ **выехало** 26 возыревъ;(372)
Султан выехал из города Бидара на восьмой месяц после Пасхи. С ним выехало 26 везирей.

Рассмотрим еще одну группу глаголов с пространственно-результативным значением приставки. Приставка *вы-* выражает данное значение в сочетании со следующими предельными глаголами: *бити*, представленным формой перфекта *выбил* от приставочного глагола *выбити* в примере (5); с глаголом *грабити*, встречающимся в форме перфекта *выграбили* от *выграбити* в примере (6); с глаголом *сечи*, в форме перфекта *высѣкли* от приставочного глагола *высѣчи* в примере (7); в то время как приставка *из-/ис-* приобретает пространственно-результативное значение в сочетании с предельным глаголом *тягнутися*, представленным формой неактуального настоящего *ся истягнет* от приставочного глагола *истягнутися* в примере (8):

⁵ Кайтак- горная область в Дагестане

- (5) *То вездѣ булгакъ⁶ стал; князей вездѣ **выбил**.*(370)
То везде уособица началась; князей везде выбила.
- (6) Хлам мой весь к себѣ възнесли в город на гору, да обыскали все — что мѣлочь добренкая, ини **выграбили** все.(378)
Все мое добро принесли к себе наверх в крепость, на гору, и обыскали все. И что было мелочи хорошей — все выграбили.
- (7) А город взял, ини **высѣкли** 20 тысяч поголовья мужскаго и женскаго, а 20 тысяч полону взял великаго и малаго.(376)
А взял город — вырезали 20 тысяч человек мужского и женского пола, а 20 тысяч взрослых и малых взял в плен.
- (8) Обе руки подымают высоко, да кладут на тѣмя, да ложатся ниць на землѣ, да весь **ся истягнет** по земли, то их поклоны.(362)
Обе руки поднимают высоко да кладут на темя, да ложатся ниц на землю, да весь вытянется по земле — такие у них поклоны.

В примерах (1)-(4) все приставочные глагольные формы с префиксом *вы-* - выражающим пространственное-результативное значение, описывают движение в пространстве «изнутри наружу». Является очевидным и результативное значение данных форм, поскольку действие, выраженное глаголом, предполагает переход из пространства «внутри» в другую точку в пространстве, находящуюся «снаружи». Этот переход и указывает на достижение предела действия, выраженного базовым глаголом (в данном случае глаголами определенного движения *ити* и *ехати*).

Кроме этого, в примерах (2)-(4) направление перемещения в пространстве определяется обстоятельством места, выраженным в примере (2) существительным в винительном падеже с предлогом *на*: *на берег*; а в примерах (3) и (4) существительным в родительном падеже с предлогом *из* : *из Чюнеря* (3); *из града Бедеря* (4).

Пространственное значение приставки *вы-* «движение наружу» в сочетании с предельными глаголами *бити* в примере (5) и *грабити* в примере (6) подразумевает некое действие, в результате которого происходит «опустошение, разорение или разрушение» пространства или объекта, на который направлено действие.

В примере (7) семантика предельного бесприставочного глагола *сечи* со значением «рубить, резать», соединяясь с пространственным значением приставки *вы-* «изнутри наружу» приобретает значение с негативной коннотацией «физическое уничтожение» 20

⁶ Булга - склока, тревога, беспокойство; Булгатить, булгачить - тревожить, будоражить (СЖВЯ)

тысяч поголовья мужского и женского и как результат этого действия «опустошение пространства».

Во всех рассмотренных примерах (5)-(7) бесприставочные глаголы являются терминативными, поскольку их семантика изначально включает в себя значение внутренней предельности действия. Следовательно, при префиксации приставочные глаголы *выбити* (5), *выграбити* (6) и *высечи* (7) приобретают еще и значение результативности, указывающее на достижение внешнего (физического) предела действия, выражающегося наступлением нового состояния.

Что касается примера (8), в сочетании с коренным глаголом *тягнуться* пространственное значение приставки *из-* выступает с уточняющей функцией, придавая семантике глагола *тягнуться* «вытягиваться, протягиваться, удлиняться» пространственное значение направления. Направление распространения движения определяется также и обстоятельством места, выраженным существительным в дательном падеже с с предлогом *по*: *по земли*.

С точки зрения аспектуальности приставочные протоперфективные формы *ся истягнет* в примере (8), а также *выйдет* в примере (1) выражают наглядно-примерное значение. В обоих случаях данное значение обусловлено контекстом, содержащим эксплицитное значение на повторяемость события. Вследствие этого результативное значение, получаемое приставочным глаголом при префиксации указывает на достижение физического предела действия всякий раз, когда действие повторяется.

ТОЛЬКО РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Только результативное значение возникает у приставки в том случае, когда ее первоначальное пространственное значение уходит на второй план, становясь неочевидным. В примере (9) приставка *из-/ис-* утрачивает свое первоначальное пространственное значение в результате десемантизации, ведущей к выражению ею только результативного значения.

Отметим также, что Л. Руволетто, ссылаясь на исследование В.А. Богдановой, приводит данные, согласно которым глаголы с приставкой *вы-* с только результативным значением встречаются в древнерусских текстах в количественном отношении гораздо реже приставочных глаголов с префиксом *из-* в том же значении (Ruvoletto 2016: 42). По аналогии с «Повестью временных лет», в «Хождении» с данным значением также встречаются только формы с приставкой *из-*, как видно в том числе из примера (9).

Приставка *из-/ис-* приобретает только результативное значение в сочетании с предельными глаголами *гибнути* и *теряти*, представленными формами перфекта *изгибло* от

приставочного глагола *изгибнути*, и *истеряли* от приставочного глагола *истеряти* в примере (9):

(9) А война ся имъ не удала, один город взяли индийской, а людей их много **изгибло**, и казны много **истеряли**.(374)

Война им не удалась — взяли один город индийский, а людей у них много погубло и казны много истратили.

В примере (9) приставка *из-/ис-*, соединяясь с предельными глаголами *гибнути* и *теряти*, приобретает значение результативности, указывающее на достижение предела действия. Остаточный след пространственного значения может быть интерпретирован как количественная потеря людей и средств, происходящая по типу метафорического движения «*изнутри наружу*». Однако, по сравнению с предыдущей группой глаголов пространственность приставки в данном случае неочевидна и поэтому ее значение приближается скорее к только результативному.

Можно также предположить, что именно эта неполная десемантизация и привела к замене этих форм в современном языке на приставочные формы с префиксом *по-*. Поскольку *из-* практически всегда сохраняет след пространственного значения, в то время как приставка *по-* в данных случаях является семантически пустой, выражая исключительно результативное значение (ср. *изгибли-* *погибли*, *истеряли-* *потеряли* и т.д.).

ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

По определению Ю. Маслова, «имперфективация служит в качестве чисто грамматического средства создания видовых противопоставлений. Она создает эти грамматические противопоставления в рамках одного и того же лексического значения, в рамках одного и того же глагола, одной и той же лексемы» (Маслов 1958: 448).

Напомним, в «Хождении» встречается значительное количество приставочных глаголов движения в комбинации с префиксом *вы-*, и при этом не выявлено ни одного приставочного глагола движения, образованного при помощи приставки *из-*. Существует вероятность, что в данный период в нецерковных текстах в восточнославянской области приставочные *из-* глаголы движения уже полностью заместились *вы-* глагольными формами.

Рассмотрим несколько примеров вторичных имперфективных форм от приставочных глаголов движения с префиксом *вы-*: форма презенса *выходят* от предельного приставочного глагола неопределенного движения *выходити* в примере (10); а также формы презенса *выезжает* от предельного глагола *выезжати* и *выводят* от предельного глагола *выводити* в

примере (11). Данные приставочные формы являются вторичными имперфективными коррелятами к приставочным протоперфективным глаголам определенного движения *выйти* (10); *выехать* и *вывести* (11) соответственно:

(10) А с салтаном **выходят** триста тысящ рати своей;(358)

А с султаном выходит триста тысяч его войска.

(11) Салтан же **выезжает** на потѣху с матерью да з женою, ино с ним человѣкъ на конех 10 тысящ, а пѣших пятьдесят тысящ, а слонов **выводят** двѣсте, наряженных в доспѣсах золоченых;(358)

Когда султан выезжает на прогулку с матерью и женой, то за ним следуют десять тысяч всадников и пятьдесят тысяч пеших, и выводят двести слонов, наряженных в золоченые доспехи;

Развитие видовых корреляций в сфере глаголов движения представляют особый интерес, так как парные соотношения этих приставочных однокоренных глаголов восходят к еще более древним бесприставочным однокоренным соотношениям определенных и неопределенных глаголов движения (*vesti-voditi*, *nesti-nositi* и т.п.). Такое семантическое соотношение первоначально сохранялось не только при префиксации, но и при превращении данного соотношения в видовую корреляцию. При этом суффикс *-a-//-aj-* явился продуктивной моделью имперфективации, в то время как более древний суффикс *-i-//-ø-* оказался абсолютно непродуктивным, однако древние парные соотношения, включавшие итеративы с этим суффиксом показали большую устойчивость (Силина 1982: 200).

Вследствие этих исторических процессов имперфективация глаголов движения имеет свои особенности. Для того чтобы понять, какие закономерности действуют при образовании этих глаголов, необходим краткий экскурс в историю их эволюции.

Как пишет Силина, в XIII - XIV веках употребительность вторичных имперфективов на *-ja-* остается небольшой, что позволяет считать их новообразованиями. При этом, к концу XIV века, многие древние соотношения глаголов движения получили облик тройных корреляций, в которые включились вторичные имперфективные образования на *-ja-* (*навести- наводити, навожати; поити- походити, похожати*). В XV - XVII веках количество вторичных имперфективных коррелятов *-ja-* в кругу глаголов движения в целом увеличилось. При этом как и раньше, большинство из них, функционируя наряду с имперфективами на *-и-*, по-прежнему выступало как варианты к ним (по типу: *приѣздити – приѣзжати*) (Силина 1982).

Рассмотрим пример (11), в котором глагол *выезжати*, представляющий собой вторичный имперфективный коррелят, образованный посредством суффикса *-ja-*, мог быть

частью тройной корреляции в *выѣха(ти)-выѣзди(ти), выѣзжа(ти)*; Из данной корреляции впоследствии образовалась протоаспектуальная пара *выѣха(ти)-выѣзжа(ти)*, то есть произошло выпадение имперфектива на *-и-*, проявившего тенденцию к специализации значения, сопровождающуюся перфективацией, (*выѣздити* «проехать насквозь»). Причем, как отмечает Силина, в XIII – XIV веках целый ряд итеративов на *-и-*, включая *выѣзди(ти)*, обнаруживал видовую двойственность, что делало их неустойчивым элементом системы. В «Хождении», датированном второй половиной XV века, появляется тенденция в пользу устойчивого использования вторичных импрефективов на *-ја-* по типу *-ѣзжа(ти)*, и одновременно не выявлено ни одного вторичного имперфектива по типу *-ѣзди(ти)*.

Что касается *выходити* в примере (10), а также *выводити* в примере (11), то здесь протоаспектуальная корреляция является еще более древней. В данном случае в качестве вторичного имперфектива закрепились приставочные итеративы на *-и-*, соответственно *выходити* и *выводити*. Глаголы сохранили свою специфичность как итеративы и, соотносясь лексически с однокоренными глаголами определенного движения, соответственно, *выити* и *вывести*, составляют с ними видовую оппозицию как их собственные импрефективные корреляты.

В «Хождении» наряду с приставочными импрефективными формами презенса *выходят* в примере (10) и импрефективной формой перфекта *выишли/ есмя выишли* в примерах (2)-(3) от глагола *выходити*; а также импрефективной формой презенса *выѣзжает* от глагола *выѣзжати* в примере (11) встречаются также их приставочные протоперфективные корреляты, представленные соответственно формой неактуального настоящего *выйдет* от глагола *выйти* в примере (1) и формами перфекта *выѣхал/выехало* от глагола *выехати* в примере (4). Таким образом, одновременное использование протоперфективных форм и их вторичных импрефективных коррелятов в тексте «Хождения» позволяет говорить о формировании следующих протоаспектуальных пар у глаголов движения: *выити* – *выходити*, а также *выехати-выезжати*.

Приставка *до-*

Первоначальное пространственное значение приставки *до-* «достижение предела» во многом приближается к значению омонимичного предлога *до*, управляющего родительным падежом. Приставка имеет тенденцию к сохранению первоначального пространственного значения, что оказывает значительное влияние на семантику базовых глаголов в случае *до-*префиксации. Заметим, что в «Хождении» было выявлено значительное количество приставочных глагольных форм с префиксом *до-* от глагола определенного движения *дойти*, а также одна приставочная форма от глагола *дотыкати*.

Этимологически праславянский предлог **do* восходит к и.-е. **dō*, предлогу-послелогу местоименного происхождения. Родственно др.-в.- нем. *zuo*, нем. *zu* «к», англ. *to* (<герм. **tō*) (ЭССЯ).

По мнению Л. Руволетто, пространственное значение самой приставки *до-* демонстрирует значительную семантическую близость с результативным значением, свойственным терминативным глаголам. Таким образом в глаголах с пространственно-результативным значением пространственный предел, выраженный приставкой, сочетается с результативным пределом самого действия (Ruvoletto 2016: 36).

Исключительно пространственное значение «достижение предела» приставка *до-* выражает с глаголами состояния (стативными) или с глаголами неопределенного движения (Ruvoletto 2016: 38). Поскольку в анализируемом тексте примеры с исключительно пространственным значением не выявлены, перейдем к анализу следующего типа значений, а именно пространственно-результативного. Все примеры приставочных глаголов с префиксом *до-*, встречающиеся в «Хождении», выражают пространственно-результативное значение, которое образуется, когда к первоначальному пространственному значению приставки добавляется выраженное (эксплицитное) указание на предельность действия.

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Первая группа глагольных форм, в которой приставка *до-* выражает пространственно-результативное значение объединяет значительное количество различных форм глагола *дойти*, образованного при сочетании префикса *до-* с глаголом определенного движения *йти*. Рассмотрим некоторые примеры приставочных форм от глагола *дойти*, среди которых формы перфекта *есмя дошли/дошель есми* в примерах (1) и (2), форма аориста *доидох* в примере (3), а также форма причастия прошедшего времени *дошед* в примере (4):

- (1) А в болшом суднѣ **есмя дошли** до моря, ино стало на усть Волги на мели, и они нас туго взяли, да судно есмя взад велѣли тянути вверхъ *до ѣзу*.(350)
Дошли мы до моря на большом судне, да стало оно на мели в устье Волги, и тут нас настигли и велели судно назад тянуть вверх по реке до еза⁷.
- (2) И яз грѣшный привезлъ жеребца в Ындѣйскую землю, и **дошелъ есми** до Чюнеря: Богъ даль поздорову все, а стал ми во сто рублей.(354)
И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю, и дошел с ним до Джуннара, с Божьей помощью, здоровым, и стал он мне во сто рублей.
- (3) Идох же по морю вѣтром 10 дни, **доидох** до Вонады, и ту нас срѣтили великий вѣтръ полунощный, възврати нас къ Трапизону;(378)
С попутным ветром шел по морю десять дней и дошел до Воны, и тут встретил нас сильный северный ветер и возвратил корабль назад к Трабзону.
- (4) Се же написано не обретох, в кое лѣто пошел или в кое лѣто пришел из Ындѣя, умер, а сказывають что, деи, Смоленьска не **дошед**, умерь.(248)
В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел и в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, не дойдя до Смоленска.

Семантика глагола определенного движения *ити* включает в себе имплицитное значение внутреннего предела. Из этого следует, что при префиксации к внутренней имплицитной предельности семантика глагола приобретает также значение завершенности действия и достижения им внешнего пространственного предела (эксплицитное значение). Во всех примерах приставочная глагольная форма сопровождается обстоятельством места, выраженного родительным падежом. Кроме этого, в примерах (1)-(3) пространственное значение приставки дублируется омонимичным значением предлога *до*: *до моря* (1), *до Чюнеря* (2), *до Вонады* (4), в то же время в примере (4) в отсутствие предлога приставка *до-* принимает на себя его семантические и синтаксические функции: *Смоленьска не дошед*.

Еще одним примером глагольной формы с пространственно-результативным значением приставки *до-* является протоперфективная приставочная форма неактуального настоящего времени со значением *дотычют* от глагола *дотыкати*, образованного при помощи префикса *до-* от предельного глагола *тыкати* в примере (6):

- (5) Пошел или пришелъ, ини ся кланяют по чернеческыи, обе руки до земли **дотычют**, а не говорит ничего;(362)
А когда кто приходит или уходит, кланяются по-монашески, обеими руками касаются земли, и ничего не говорят.

⁷ Ез—чastoкол или плетень поперек всей реки, чтобы не дать рыбе вверх хода и выловить всю на месте; (СЖВЯ)

Протоперфективная приставочная форма *дотычут* в примере (6) выражает итеративно-результативное значение, которое реализуется каждый раз, когда действие повторяется (итеративность) и достигает своего предела (результативность). Как и в предыдущих примерах пространственное значение приставки *до-* «достижение предела» сочетается с омонимичным пространственным значением предлога *до*.

Аналогично примерам (1)-(4) семантика коренного глагола *тыкати* также отсылает к идее «имплицитной предельности», обусловленной наличием, по выражению Ю.С. Маслова, значения «непосредственного, непрерывного эффекта» (Бондарко 2002 : 403). В то время как префикс *до-* характеризуется, по выражению Л. Руволетто, выраженной автономией пространственного значения, оказывая тем самым значительное влияние на семантику базового глагола (Руволетто 2016 : 37). Поэтому в комбинации с префиксом *до-* к имплицитному значению внутренней предельности глагола *тыкати* добавляется указание на достижение внешнего пространственного предела действия, обозначенного в контексте физическими параметрами (*до земли*).

Приставка *за-*

Приставка *за-* употребляется в глагольных формах для обозначения начала или достижения предела действия (с большим диапазоном значений). Первоначальное пространственное значение приставки *за-* можно определить как «преодоление предела и направленность действия в пространство, находящееся за этим пределом».

С данным значением связана и семантика омонимичного предлога *за*, управляющего винительным и творительным падежами. Кроме пространственного значения предлог *за* может обозначать цель или причину действия «ради», «вследствие», а также время, продолжительность, срок действия «в течение». Отметим также, что предлог *за* имеет соответствия во всех славянских языках с теми же значениями и синтаксическими функциями. В древнерусском языке предлог *за* употреблялся в конструкции с творительным падежом для обозначения действия или пребывания предмета на заднем плане другого предмета.

Хотя этимология данной древнерусской приставки остается не до конца ясной, принято считать что, она восходит к и.-е. **g'hō-* «за», «после», «из-за», «вследствие». В связи с чем родственными образованиями считаются восточно-литовский *ažù* (перед гласными *až*), предлог и приставка «за» из (*ažiu* <о.-балт. **a-žō*), до сих пор сохраняющийся в говорах, так же как и латышские формы *az*, *âz* наряду с *âiz-* «за, по ту сторону». Форма с начальным *a* возникла на балтийской почве (ИЭССРЯ). При этом непосредственно древнерусская приставка *за-* происходит из общевосточнославянской формы *за-* и имеет соответствующие ей формы в украинском и белорусском языках (Ломтев 1961: 238).

В целом, идею о том, что пространственная семантика приставки лежит в основе большинства ее значений, разделяет и А.А. Зализняк, представившая системное описание семантики глаголов с приставкой *за-*. Исходя из модели, которую развивает А. Зализняк, пространственную идею приставки *за-* можно представить как «движение вверх (UP) и от наблюдателя, а затем отклонение в сторону (DEVIA); далее происходит взаимодействие с неким абстрактным объектом: траектория движения идет «за» него (BEHIND), может продолжаться «внутри» (IN) и дальше (FAR), «захватывая» его край (EDGE)» (Зализняк 1994).

Кроме этого, данная приставка является одним из главных инструментов при образовании так называемых «инхоативных» способов действия глаголов, указывающих на начало действия или состояния (закричать, затосковать и т.д). В «Хождении» встречается значительное количество примеров, в которых приставка *за-* выражает «начинательное» значение.

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В большинстве случаев пространственно-результативное значение приставки *за-* образуется, когда ее первоначальное пространственное значение объединяется с результативным значением, возникающим у глагола в результате префиксации. Как и у других приставочных глаголов, это значение проявляется, прежде всего, с предельными глаголами определенного движения или с глаголами, выражающими движение, ориентированное в пространстве.

В «Хождении» данное значение приставка *за-* приобретает в комбинации с коннотативно окрашенным глаголом движения *блудити* со значением «идти наугад, не зная дороги», представленного формой приставочного аориста *заблудихся* от возвратного глагола *заблудитися* в примере (1):

- (1) Азь же во многыя в помышления впадох, и рекох в себѣ: «Горе мнѣ, окаянному, яко от пути истиннаго **заблудихся** и пути не знаю, уже камо поиду.(368)
И я впал в глубокое раздумье и сказал себе: «Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду.»

В примере (1) с одной стороны, пространственное значение приставки *за-* означает, что действие, выраженное глаголом, заставляет субъект пересечь условную границу, чтобы попасть в пространство, отличающееся от исходного. При этом приставка *за-* приобретает также значение результативности, поскольку само действие, влекущее за собой смену ситуации, включает в себя значение достигнутого предела.

Сочетание пространственного значения приставки *за-* «преодоление предела» с семантикой глагола *блудити* «отклонение от курса» позволяет интерпретировать значение предельного приставочного деривата *заблудитися* как начало неконтролируемого или, по крайней мере, грозящего потерей контроля, движения. Вследствие чего, значение приставки может рассматриваться как приближающееся к ингрессивно-результативному значению, то есть *заблудился* «начал блудити, идти наугад, не зная точного направления движения».

Очевидно, что семантика глагола *заблудитися* наряду с ингрессивным значением сохраняет след пространственного значения приставки *за-* «преодоление предела». Именно этим фактом глагол *заблудитися* отличается от глаголов с истинным ингрессивным значением, у которых пространственное значение приставки полностью утрачивается. Эти глаголы мы рассмотрим ниже.

ИНГРЕССИВНО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

С некоторыми глаголами приставка *за-* может приобретать значение более абстрактное, чем первоначальное пространственное, которое можно определить как значение ингрессивного типа. В «Хождении» встречается несколько глаголов с выраженным ингрессивным значением приставки *за-*. В сравнении с пространственно-результативным значением, рассмотренным в примере (1), ингрессивное значение является более абстрактным, приближаясь семантически к результативно-временному значению.

Рассмотрим следующие примеры, в которых приставка *за-* приобретает ингрессивно-результативное значение; с неопредельными глаголами, выражающими некоторые гомогенные процессы: с глаголом *плакати*, представленным формой причастия прошедшего времени *заплакавъ* от глагола *заплакати* в примере (2); с глаголом *говети* в значении «соблюдать пост», встречающимся в форме перфекта *заговѣль* от приставочного глагола *заговѣти* в примере (3); а также с предельным глаголом *зачати* (от < **začeti*), образованным от корневой основы (<**četi*, **čьno*) с основным значением «начать, затеять», восходящим в свою очередь к и.-е. (<**ken-*) (ЭССЯ, т.4 : 109)⁸, и встречающимся в тексте в возвратной форме неактуального настоящего *зачнется* в примере (4):

- (2) И мы, **заплакавъ**, да разошлись кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли.(352)
И, заплакав, мы разошлись кто куда: у кого что осталось на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен, тот пошел куда глаза глядят.
- (3) Мѣсяць мартъ прошел, и яз **заговѣль** з бесермены в недѣлю, да говѣл еси мѣсяць, мяса еси не ѣлъ и ничего скоромнаго, никакие ѣствы бесерменские, а ѣлъ еси по двожды на день хлѣбъ да воду, авратыйля ятмадым.(362; 364)
Месяц март прошел, и я начал пост с мусульманами в воскресенье, постился месяц, мяса не ел и ничего скоромного, никакой еды мусульманской не принимал, а ел хлеб да воду два раза на дню, с женщиной не ложился я.
- (4) А у которые жены от гостя **зачнется** дитя, и мужи дают алафу⁹;(366)
А которая жена зачнет от купца дитя, то муж дает купцу деньги на содержание.

Во всех примерах (2)-(4) начальный момент действия сочетается со значением «предела, который необходимо преодолеть» для того, чтобы само действие могло совершиться. Вследствие этого значение приставки *за-* является как ингрессивным, так и

⁸ **četi*, **čьno* : крайне редкая простая форма глагола, лежащая в основе распространенных приставочных сложений **načeti*, **početi*, **vъzčeti*, **začeti*; бесприставочная форма встречается только в старочешском языке *čieti*, *čnu*, *čneš* (ЭССЯ, т.4: 109).

⁹ Алафа - плата, жалованье (арабск).

результативным, в то время как ее пространственное значение в таких глаголах становится неопределяемым.

В примерах (2) и (3) предельные приставочные глаголы *заплакати* и *заговѣти* образуют ингрессивные пары со своими коренными бесприставочными коррелятами *плакати* и *говѣти* в значении «поститься», в которых имперфективный член выражает некоторое действие, а его, в данном случае, протоперфективный коррелят начало этого действия.

В примере (4) в отличие от случаев, рассмотренных выше, семантика бесприставочного глагола не подразумевает однородности действия. Вследствие этого в сочетании с приставкой *за-* глагол приобретает ингрессивно-результативное значение, указывающее на смену ситуации и наступление нового состояния: в данном случае наступление беременности *дитя зачнется*. Подчеркнем, что несмотря на тот факт, что префиксация и слияние приставки с корнем **četi* произошло еще в древнеславянский период, ингрессивно-результативное значение приставки *за-* в этом приставочном глаголе остается очевидным, не смещаясь с сторону исключительно результативного.

В примере (4) приставочный глагол *зачнется* выражает значение, которое приближается, если использовать терминологию современного русского языка, к наглядно-примерному значению. Глагол описывает целостное, регулярно повторяющееся, обычное действие, представленное на примере единичного случая. Специфика наглядно-примерного значения проявляется также в употреблении данного глагола в конструкции с оттенком следствия: если *дитя зачнется* (причина), *мужи дают алафу* (следствие). При анализе данных форм А.А. Потебня определяет их как «формы настоящего, которые в современном русском языке имеют значение будущего», объясняя это тем фактом, что в древнерусском языке приставки еще не обладали аспектуальной функцией с современным пониманием этого значения. (Потебня 1977: 60-61).

ТОЛЬКО РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Напомним, что приставка выражает только результативное значение, когда ее первоначальное пространственное значение в результате десемантизации, становится неочевидным, неявным или трудно определяемым. Десемантизация, частичная или полная, может происходить, в том числе, и в результате наложения семантических значений префикса и глагольной основы.

Отличительной особенностью приставки *за-* является то, что она достаточно редко полностью утрачивает свое пространственное значение. Поэтому часто даже в тех глаголах,

с которыми приставка выражает только результативное значение, ее пространственное значение может, тем не менее, интуитивно восприниматься носителями языка. В данной работе обозначим некоторые примеры, которые только условно можно отнести к результативному значению. Результативное значение приставки *за-* вследствие частичной десемантизации является в этих примерах более абстрактным по сравнению с примерами, в которых приставка *за-* выражает пространственно-результативное значение.

В «Хождении» приставка *за-* выражает только результативное значение в комбинации с предельным глаголом *стрелити*, встречающимся в форме перфекта *застрелили* от приставочного глагола *застрелити* в примере (5); с предельным глаголом *лгати*, представленным формой перфекта *залгали* от *залгати* в примере (6); а также с предельным глаголом *повѣдати*, в форме перфекта *заповѣдал* от глагола *заповедати* в значении «сделать строгое предписание» в примере (7):

- (5) И у нас **застрелили** челоуѣка, а у них дву татаринов **застрѣлили**.(350)
И у нас застрелили человека, и мы у них двух татар застрелили.
- (6) Мене **залгали** псы бесермены, а сказывали всего много нашего товара, ано нѣт ничего на нашу землю: все товаръ бѣлой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево.(356)
Солгали мне псы бусурмане, говорили, что много нашего товара, а для нашей земли нет ничего: все товар белый для бусурманской земли, перец да краска, то дешево.
- (7) А все то камение, да яхонты, да алмаз покупили на меликтучара, **заповѣдал** дѣлярем *пришли* что гостем не продавати, а тѣ пришли о Оспожинѣ дни к Бедерю граду.(372)
И все те камни, да яхонты, да алмазы скупили от имени мелик-ат-туджара, и он дал указание мастерам не продавать их купцам, что пришли в Бидар на Успенье.

В примере (5) семантика глагола *застрелити* при префиксации получает значение «убить посредством прохождения стрелы сквозь тело». Можно сказать, что имплицитное пространственное значение приставки *за-* «прохождение какого-либо предмета через предел (тело)» в данном случае частично совмещается с конкретным семантическим значением образующего бесприставочного глагола *стрелити* «прохождение стрелы сквозь физическое тело». Вероятно, именно этим обстоятельством может быть объяснена частичная десемантизация приставки *за-*, значение которой в примере (5) вследствие этого можно определить как приближающееся к условно результативному, либо, как его обозначает Л. Руволетто применительно к подобным случаям, «абстрактному пространственно-результативному» (Ruvoletto 2016: 113).

Кроме прочего, интересно отметить тот факт, что в современном русском языке глагол *застрелити* подвергся еще и десемантизации корневой морфемы *стрелити*. Произошла утрата значения «убить при помощи стрелы, пронзающей человеческое тело», поскольку в современном мире вместо лука и стрел используются разные виды огнестрельных зарядов.

В примерах (6)-(7), вероятно, также нельзя отрицать следы пространственного значения, но результативность здесь совершенно очевидно преобладает над первоначальным пространственным значением. Таким образом, в приставочных формах *залгати* в значении «сообщить ложную весть» и *заповедати* «дать строгое указание, предписание» значение приставки можно определить как еще более абстрактное и приближающееся к только результативному, чем в примере (5), поскольку ее первоначальное пространственное значение является практически неопределяемым.

ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

Напомним, что процесс образования вторичных имперфективных коррелятов от глаголов совершенного вида посредством суффиксации или других имперфективирующих средств носит название вторичной имперфективации глагола. Ученые считают, что данный процесс явился фундаментальной основой для становления категории русского глагольного вида.

В тексте «Хождения» встречается вторичный имперфективный приставочный глагол *записывати*, образованный посредством суффикса *-ива-/-ыва-* от протоперфективного коррелята *записати* и представленного формой презенса *записывают* в примере (8):

- (8) В салтанове же дворѣ семеры ворота, а в воротех сидит по сту сторожев да по сту писцов кафаров. Кто поидет, ини **записывают**, а кто выйдет, ини **записывают**. (358)
- Во дворец султана ведет семь ворот, а в воротах сидят по сто стражей да по сто писцов-кафаров. Кто входит, одни записывают, а кто выходит, другие записывают.

Еще один пример вторичного имперфективного коррелята представлен глаголом *заимати* «обидеть, оскорбить», образованным от приставочного протоперфективного глагола *заяти* (<**im-ti*), посредством древнего неспециализированного суффикса *-а-*, уже в данный период являвшегося малопродуктивным средством имперфективации (Силина 1982: 183). В «Хождении» данный глагол встречается в форме имперфективного презенса *замает* в примере (9):

(9) А у них есть князь обезьяньский, да ходит ратию своею. Да кто **замает**, и они ся жалуют князю своему, и онъ посылает на того свою рать, и оны, пришед на град, двory разваляют и людей побьют. (358)

Есть у них князь обезьяний, ходит [он] со своей ратью. Если кто их обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на того свою рать, и они, придя в город, дома разрушают и людей убивают.

В результате имперфективации происходит изменение видовой принадлежности глагола, и, соответственно, его аспектуального значения. Вторичные имперфективные формы с приставкой *за-* в примерах (8) и (9) подобно имперфективам с другими префиксами ассоциируются с итеративным контекстом и выражают неограниченно-кратное значение.

Следует отметить, что в примере (9), наряду с имперфективными формами *замает*, *посылает*, *разваляют* можно наблюдать одновременное использование протоперфективной формы презенса с итеративным значением *побьют*. Этот факт, вероятно, может косвенно указывать на то, что в данный период имеет место постепенное замещение протоперфективных форм так называемого неактуального настоящего, регулярно употреблявшихся в древнерусском языке для выражения имперфективного значения итеративности в настоящем времени, собственно имперфективными формами презенса.

Приставка *на-*

Первоначальное пространственное значение древнерусской приставки *на-* «сверху, против» восходит к предлогу *на*, который при обозначении пространственных отношений (направление действия) и временных отношений (срок протекания действия) управляет винительным падежом, а при выражении локализации действия управляет предложным падежом.

Этимологические соответствия славянского предлога **na*, утратившего гласное начало, в неславянских языках, как например, гот. *ana* «на, над, в» / др.-в.-нем. *ana*, нем. *an* «на» / др.-перс *anā*, «над» / греч. *ἀνά*, наречие и предлог «снизу вверх», позволяют исследователям предположить, что данный предлог, вероятно, восходит к и.-е. **ana*, **anō* (ЭССЯ).

Все немногочисленные примеры выявленных в тексте «Хождения» приставочных глаголов с префиксом *на-* выражают пространственно-результативное значение, которое мы и рассмотрим в данной главе.

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Если в комбинации приставки с глаголом образуется результативное значение, в этом случае ее значение можно определить как пространственно-результативное, которое не только определяет пространственные границы действия, но и указывает на достижение предела самого действия (Ruvoletto 2016: 43). В «Хождении» приставка *на-* развивает пространственно-результативное значение только с предельными глаголами, семантика которых предполагает наличие внутреннего (имплицитного) предела действия. Поэтому при префиксации результативное значение приставки добавляет семантике предельных глаголов еще и значение достижения внешнего физического предела действия.

Как отмечает Л. Руволетто, «глаголы, обозначающие движение или перемещение в пространстве, составляют наиболее многочисленную группу бесприставочных предельных глаголов, которые присоединяют приставку *на-*» (Ruvoletto 2016: 44).

В тексте приставочные глаголы с префиксом *на-* немногочисленны и часто сопровождаются уточняющим обстоятельством с предлогом *на*, указывающим «против» или «сверху» кого/чего совершается действие, как это, например, происходит в примерах (1), (2) и (5). В то время как в примерах (3) и (4) объект, на который направлено действие, не выражен и лишь имплицитно подразумевается контекстом.

Рассмотрим первую группу примеров, где приставка *на-* выражает пространственно-результативное значение, которое можно определить как «против», «навстречу». В «Хождении» данное значение приставки *на-* проявляется прежде всего в комбинации с

предельным глаголом определенного движения *ехати*, представленным формой перфекта *наѣхали* от приставочного глагола *наехати* в примере (1), а также с приближающимся к нему по значению предельным глаголом *ступити*, встречающимся в тексте в форме приставочного перфекта *наступил* от *наступити* в примере (2):

- (1) Ту **наѣхали** на нас три татарины поганые и сказали нам лживые вѣсти: «Кайсым салтан стережет гостей в Бузани, а с ним три тысячи татар».(350)
Тут встретились нам три татарина поганых и передали нам ложные вести: «Султан Касим подстерегает купцов в Бузани, а с ним три тысячи татар».
- (2) Да за ним благой слонъ идет, а весь в камкѣ наряжень, да обивает люди, да чѣпь у него желѣзна велика во рте, да обивает кони и люди, кто бы на салтана не **наступил** блиско.(370)
А за ним злой слон идет, весь в камку наряжен, людей отгоняет, большая железная цепь у него во рту, отгоняет коней и людей, чтоб к султану не подступали блиско.

В комбинации с предельным глаголом определенного движения *ехати* и близким ему по значению предельным глаголом *ступити*, выражающим перемещение в пространстве, приставка *на-* приобретает пространственно-результативное значение «против, в сторону объекта». Пространственное значение приставки сочетается с омонимичным значением предлога *на*, указывающим на действие, направленное «против» объекта или «навстречу» объекту: *на нас* в примере (1), *на салтана* в примере (2).

При префиксации у приставочных глаголов *наехати* и *наступити* возникает результативное значение реального эксплицитного предела действия, противопоставленного имплицитной потенциальной предельности, включенной в семантику бесприставочных глаголов *ехати* и *ступити*.

В следующих примерах пространственное значение, которое приставка *на-* реализует с предельными базовыми глаголами *писати* в примерах (3)-(4) и *ставити* в примере (5), можно охарактеризовать как «сверху».

При этом пространственное значение действия, производимого «сверху, на поверхности» особенно заметно проявляется в приставочном глаголе *написати*, образованного от предельного глагола *писати* посредством приставки *на-* и представленного в «Хождении» приставочными формами перфекта *написал* в примере (3) и аориста *написах* в примере (4):

- (3) А писание то своєю рукою **написал**, иже его руки тѣ тетрати привезли гости к Мамыреву Василью, к дияку к великого князя на Москву.(348)

А записи он написал своей рукой, и те тетради с его записями купцы привезли Василию Мамыреву, дьяку великого князя в Москву.

- (4) Се **написах** свое грѣшное хождение за три моря: 1-е море Дербеньское, дориа Хвалитьскаа; 2-е море Индѣйское, дорѣя Гундустанскаа, 3-е море Черное, дориа Стебольская.(348)
Написал я здесь о своем грешном хождении за три моря: первое море — Дербентское, дарья Хвалисская, второе море — Индийское, дарья Гундустанская, третье море — Черное, дарья Стамбульская.

Другой пример пространственно-результативного значения приставки *на-* «сверху» достаточно очевидно проявляется в форме императива *настави* от глагола *наставити*, образованного при префиксации от предельного глагола *ставити* в примере (5):

- (5) не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, **настави** мя, Господи, на путь правый; (368)
не дай мне, Господи, свернуть с пути истинного, наставь меня, Господи, на путь праведный;

Пространственное значение приставки *на-* «распространение действия сверху, по поверхности» сочетается с семантикой коренного глагола *писати* в значении «оставлять графические следы на какой-либо поверхности» (Ruvoletto 2016: 45). При этом в примерах (3) и (4) гипотетическая поверхность, по которой распространяется действие хотя и не выражена лексическими средствами, но имплицитно подразумевается контекстом. В то же время приближающийся к *написати* по пространственному значению префикса *на-* приставочный глагол *наставити* встречается в комбинации с омонимичным предлогом *на*, управляющим обстоятельством места: *на путь правый* в примере (5).

Оба бесприставочных базовых глагола *писати* (3)-(4) и *ставити* (5), являются терминативными, поскольку их семантика содержит потенциальный, имплицитный, вытекающий из лексического значения глагола, предел действия. В результате префиксации результативное значение приставки *на-* придает семантике приставочных глаголов еще и значение реального предела действия.

Кроме прочего, достижение физического предела действия в приставочной форме *написах* в примере (4) подчеркивается употреблением аориста, в большей степени среди других претериальных времен способного передавать результативность действия. В то время как в приставочной форме императива *настави* от глагола *наставити* в примере (5) внешний предел действия отнесен в будущее относительно момента речи.

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ П

Рассмотрим еще один пример, в котором пространственно-результативное значение приставки *на-* является более абстрактным в сравнении с примерами (1)-(5), рассмотренными выше и может быть определено как «кумулятивное» (накопления), которое для упрощения обозначим здесь термином «пространственно-результативное значение II». Данная разновидность пространственно-результативного значения характеризуется тем, что действие развивается постепенно по отношению к субъекту или объекту и приводит к «накоплению» результата. Вследствие чего результативное значение проявляется в том, что действие достигает своего физического предела в тот момент, когда происходит переход из одного состояния в другое (качественное или количественное его изменение). Как подчеркивает Л. Руволетто, приставка *на-* с данным значением часто сочетается с предельными глаголами, выражающими действие или процесс с имплицитным потенциальным пределом (Ruvoletto 2016: 46).

Приставка *на-* приобретает кумулятивное значение в комбинации с терминативным глаголом *ложити* «класть сверху», встречающимся в тексте в приставочной форме перфекта *наложил есми* от приставочного глагола *наложити* в примере (6):

- (6) А яз жеребца своего продал в Бедери. Да **наложил есми** у него шестьдесят да осмь футунов, а кормил есми его год.(360)
Я продал своего жеребца в Бидаре. Издержал на него шестьдесят осемь футунов, а кормил его год.

В отличие от примеров, рассмотренных выше, при префиксации глагола *ложити* происходит не только изменение его аспектуальной принадлежности, но и значительное смещение семантики этого глагола в сторону более абстрактного значения. Семантическое значение приставочного глагола *наложити* в примере (6) подразумевает постепенное развитие ситуации, завершающееся переходом к другому состоянию.

Пространственное значение приставки *на-* при этом подчеркивает, что действие развивается в направлении объекта (коня). Следует подчеркнуть, что в отличие от предыдущих примеров (1), (2) и (5), косвенное дополнение в родительном падеже *у него*, обозначающее объект, на который направлено действие *наложил есми*, вводится предлогом *у* с пространственным значением «приближения к объекту». В то время как результативное значение приставки проявляется в том, что при префиксации приставочный глагол начинает обозначать действие, которое выражает постепенный процесс накопления результата, приводящий к переходу из одного состояния в другое (кумулятивное значение), вследствие

достижения самим действием своего физического предела: *наложил есми у него* в значении «истратил, израсходовал на него (коня)».

Приставка *о-/об-*

Первоначальное пространственное значение древнерусской приставки *о-/об-* может быть определено как «рядом, по сторонам, предельно близко, вокруг». По значению ей соответствует омонимичный предлог *о/об*, управляющий винительным и предложным падежами.

Этимологически приставка относится к так называемым «безъеровым», то есть к группе приставок без конечного *ъ* (**jerъ*) и восходит к старославянскому **ob-*. Кроме *о-*, в письменных памятниках зафиксированы следующие фонетические инварианты приставки: *обо-*, *оби-*, *объ-* и *обь-*. Перед глаголами, начинающимися с гласного обязательна форма *об-* (Ruvoletto 2016: 49-50).

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Результативное значение добавляется к пространственному значению приставки в том случае, когда ее значение, кроме пространственной идеи, содержит указание на достижение предельности действия. В тексте «Хождения» данное значение приставки *о-/об-* в тексте реализуется как с предельными, так и с непредельными глаголами.

Пространственно-результативное значение приставка *о-/об-* приобретает в комбинации со следующими предельными глаголами: *поясати* в значении «надевать пояс» в примере (1), *волочити/волочи* в значении «покрывать, обтягивать» (СРЯ 1.3: 115) в примере (2), а также с непредельным глаголом *искати* в примере (3). Приставочные глаголы, образованные при префиксации, представлены в тексте протоперфективными формами презенса со значением будущего *опояшет* от *опоясати* в примере (1) и *оболочат* от *оболочити* в примере (2), а также протоперфективной формой перфекта *обыскали* от глагола *обыскати* в примере (3):

- (1) а князи и бояре толды на себя въздевают *порткы*, да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою **опояшет**, а третьєю голову увертит.(354)
а князя и бояре тогда надевают на себя порты, да сорочку, да кафтан, да фата по плечам, а другой себя опояшет, а третьей голову обернет.
- (2) А к слоном вяжут к рылу да к зубом великие мечи по кентарю¹⁰ кованых, да **оболочат** ихъ в доспѣхи булатные, да на них учинены городкы, да в городкѣх по 12 человекъ в доспѣсах, да всѣ с пушками да с стрелами.(356)

¹⁰Кантар (арабск.) — мера веса, равная приблизительно 50 кг.

А слонам к хоботу и бивням привязывают большие кованые мечи, по кентарю весом, да облачают их в булатные доспехи, и на них сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, все с пушками и со стрелами.

(3) Хлам мой весь к себѣ възнесли в город на гору, да **обыскали** все — что мѣлочь добренкая, ини выграбили все. (378)

Добро мое все принесли к себе наверх в крепость, на гору, и все обыскали. И что было мелочи хорошей – все выграбили.

Пространственное значение приставки *о-/об-* в примерах (1) и (2) подразумевает распространение действия «вокруг» объекта, выраженного прямым дополнением в винительном падеже. В примере (2) объект выражен личным местоимением в 3 л. мн.ч. в винительном падеже *оболочат ихъ*, в то время как в примере (1) объект в форме возвратного местоимения в винительном падеже имплицитно подразумевается контекстом *опояшет (себя)*.

Как было отмечено выше, семантика данных базовых глаголов *поясати* и *волочити* включает в себе идею «действия вокруг объекта», которая комбинируется с омонимичным пространственным значением приставки *об-* «вокруг». Оба бесприставочных глагола являются терминативными, поскольку их семантика изначально включает в себя значение внутренней предельности действия. Таким образом, при префиксации, кроме первоначального пространственного значения приставки, семантика приставочных глаголов *опоясати* и *оболочити* приобретает еще и значение результативности, указывающее на достижение внешнего (физического) предела действия.

С точки зрения выражения аспектуальности протоперфективные формы *опояшет* в примере (1) и *оболочат* в примере (2), употребленные в так называемом настоящем неактуальном времени, выражают итеративно-результативное значение. Напомним, что одновременное выражение этих значений одной глагольной формой в современном русском языке ограничивается узким кругом периферийных частновидовых значений (например, наглядно-примерное значение). В то время как в древнерусских литературных текстах данного периода (вторая половина XV века) свободное сочетание результативного и итеративного значений является достаточно распространенным. Подтверждением этого факта служат многочисленные примеры из анализируемого текста.

Что касается примера (3) пространственное значение приставки *о-/об-* в приставочной форме *обыскали* в примере (3) является более абстрактным и приближается в данном случае к значению «искали везде, во всех вещах». При префиксации семантика неопредельного

базового глагола *искати*, приобретает также результативное значение, указывающее на достижение эксплицитного (внешнего) предела действия.

ТОЛЬКО РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В тексте «Хождения» присутствует достаточно многочисленная группа глаголов, в сочетании с которыми приставка *о-/об-* выражает исключительно результативное значение. Напомним, что данное значение образуется при прогрессивной десемантизации приставки, вследствие потери ею, под влиянием различных лингвистических факторов, пространственного значения.

В «Хождении» приставка *о-/об-* выражает только результативное значение в сочетании как с предельными глаголами: *ставити*, представленным формой перфекта *оставил* в примере (3) и формой императива *остави* от глагола *оставити* в примере (4); с глаголом *статися*, встречающимся в форме перфекта *осталось* от *остатися* в примере (5); с глаголом *кормыти*, в форме перфекта *окормыли* от глагола *окормыти* и с глаголом *крепитися*, представленным возвратной формой перфекта *ся окрепила* от глагола *окрепитися* в примере (6); а также с неопределённым глаголом *пытати* «расследовать, проверять» (СРЯ 1.21: 83) представленным формой аориста *опытах* от приставочного глагола *опытати* в примере (7).

Рассмотрим примеры (3)-(5):

- (3) И Господь Богъ смиловался на свой честный праздникъ, **не оставил** милости своеа от меня грѣшнаго и не велѣлъ погнбнути в Чюнерѣ с нечестивыми.(354; 356)
И Господь Бог смиловался на свой честной праздник, не оставил меня грешного милостью своей, не дал погнбнуть в Джуннаре с неверными.
- (4) Ино, братие рустии християня, кто хоцет поити в Ындѣйскую землю, и ты **остави** вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да поити в Гундустанскую землю.(356)
По-иному, братья русские христиане, кто захочет пойти в Индийскую землю – оставь веру свою на Руси, да призвав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю.
- (5) Азь же от многия беды поидох до Индѣя, занже ми на Русь поити нѣ с чем, **не осталось** у меня товару ничего.(368)
И я от многих бед пошел в Индию, потому что на Русь идти мне было не с чем, не осталось у меня никакого товара.

Результативное значение приставки является доминирующим в приставочных формах перфекта *оставил* в примере (3) и *осталось* примере (5), а также в форме повелительного наклонения *остави* в примере (4). Поскольку семантика предельных глаголов уже включает

в себе идею внутренней (имплицитной) предельности, при префиксации у этих глаголов возникает еще и результативное значение, указывающее на достижение внешнего предела действия. При этом, в отличие от форм перфекта в примерах (3) и (4), в форме императива *остави* достижение физического предела действия отнесено в будущее. Первоначальное пространственное значение приставки в данных глагольных формах неочевидно, в отличие от следующей группы примеров с только результативным значением, в которых пространственное значение тоже неявное, но может угадываться носителем языка интуитивно.

Рассмотрим еще несколько примеров с результативным значением приставки *о-/об*, но в которых, в отличие от предыдущих примеров (3)-(5), семантика приставки сохраняет гипотетический след пространственного значения. Это формы перфекта *окормыли* от глагола *окормыти* и *ся окрепила* от *окрепитися* в примере (6), а также форма аориста *опытах* от *опытати* в примере (7):

- (6) Яишу мырзу убил Узоасанбѣгъ, а султан Мусяитя **окормыли**, а Узюсанбекъ на Ширязе сѣлъ, и земля **ся** не **окрепила**, а Едигерь Махмет, а тот к нему не ѣдет, блюдется.(370)
Мирзу Джехан-шаха убил Узун Хасан-бек, а султана Абу-Саида отравили, Узун Хасан-бек Шираз подчинил, да та земля его не признала, а Мухаммед Ядигар к нему не едет, опасается.
- (7) Азь же **опытах**, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми - за год до казанского похода пришел из Орды, коли князь Юрьи под Казанию был, тогда его под Казанью застрелили.(348)
Я же разузнал, когда Василий был послан с кречетами послом от великого князя, и сказали мне - за год до Казанского похода вернулся он из Орды, когда князь Юрий на Казань ходил, тогда под Казанью его застрелили.

В примере (6) пространственное значение приставки *об-* в сочетании с предельным глаголом *кормыти* подразумевает действие «вокруг» объекта, то есть воздействие, охватывающее весь объект целиком. При этом при префиксации результативное значение приставки изменяет семантику и коннотативную окраску глагола (*кормыти* «давать пищу» vs *окормыти* «отравить»). Поэтому результативное значение, подразумевающее в качестве предела действия физическое уничтожение объекта, становится в данном случае превалирующим, а пространственная идея префикса уходит на второй план, становясь неочевидной.

Семантика предельного глагола *крепитися* в значении «закрепиться, упрочить свое положение» в этом же примере (6) в результате префиксации приобретает уточняющее

значение «действие вокруг объекта»: *окрепитися* в значении «закрепиться вокруг города». В то время как в приставочной форме аориста *опытах* в примере (7) пространственная идея приставки *о-* еще более абстрактна и в сочетании с семантикой глагола *пытати* «расспрашивать» выражает значение «опрашивать людей вокруг себя с целью получения сведений». Несмотря на то, что в рассмотренных выше примерах (6)-(7) пространственное значение приставки может гипотетически проявляться в той или иной степени, тем не менее, результативное значение приставки *об-* в глагольных приставочных формах *ся окрепила* и *опытах*, выражающее достижение физического предела действия, является доминирующим.

Кроме прочего, Л. Руволетто, со ссылкой на исследования А.П. Алексеевой, приводит данные, указывающие на тот факт, что древнеславянские глаголы, обозначающие конкретное действие, чаще присоединяли вариант *об-*, в то время как вариант *о-* больше соотносился с высоким стилем. Поэтому очевидно, что именно вариант *о-* в процессе эволюции гораздо чаще, чем вариант *об-*, развивал более абстрактное значение по отношению к первоначальному пространственному. Вероятно, именно по этой причине в приставочных глаголах с только результативным значением приставки преобладает префикс *о-* (Ruvolletto 2016: 52).

Приставочные глагольные формы с префиксом *о-/об-*, выявленные в «Хождении» также подтверждают данное наблюдение. Как видно из примеров с только результативным значением (4)-(9), все без исключения приставочные глагольные формы образованы посредством варианта *о-*. В то время как в примерах (1)-(3) с пространственно-результативным значением приставки все приставочные глаголы образованы с помощью варианта *об-*.

ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

Как уже было отмечено, время написания «Хождения» совпадает с периодом интенсивного развития аспектуальной категории и средств импрефективации, в частности. Все выявленные в «Хождении» имперфективные приставочные глаголы с префиксом *об-*, встречаются в тексте в форме презенса: *омывают* от *омывати* в примере (8), *обыскивают* от *обыскивати* в примере (9), *обивает* от *обивати* в примере (10).

Во всех примерах грамматическим средством имперфективации выступает суффикс *-ива-/ыва-*, который в комбинации с предельными приставочными глаголами *омыти* (8), *обыскати* (9) и *обити* (10) образует приведенные выше вторичные имперфективные приставочные формы.

Рассмотрим следующие примеры:

- (8) А ъсти же садятся, и оны **омывают** руки да ноги, да и рот пополаскивают.(362)
А есть садятся — руки и ноги обмывают, да и рот полощут.
- (9) А **обыскивают** грамот, что есми пришол из орды Асанбега.(378)
А ищут везде грамоты, потому что я пришел из орды Узун Хасан-бека.
- (10) Да за ним благой слонъ идет, а весь в камкѣ наряжень, да **обивает** люди, да чѣпь у него желѣзна велика во рте, да **обивает** кони и люди, кто бы на салтана не наступил блиско.(370)
А за ним злой слон идет, весь в камку наряжен, людей отгоняет, большая железная цепь у него во рту, отгоняет коней и людей, чтоб к султану не подступали блиско.

В результате имперфектирующего действия суффикса *-ива-/-ыва-* изменение видовой принадлежности приставочного глагола влечет за собой соответственно и изменение его аспектуального значения. Глагол приобретает значение итеративности, определяющее неограниченно-кратный характер самого действия, которое реализуется в итеративном контексте. Семантика имперфективных приставочных форм презенса *омывают (руки да ноги)* в примере (8), *обыскивают (грамот)* (9), и *обивает (люди)* в значении «отгоняет людей» (10), ассоциируется с действием, имеющим потенциальную возможность повториться неограниченное количество раз.

При имперфективации приставка сохраняет свое результативное значение, которое связано с итеративным значением вторичных имперфективных глаголов и проявляется в указании на достижение предела всякий раз как действие повторяется. Что касается пространственного значения приставки, во всех формах она связано с пространственной идеей «вокруг».

Стоит обратить внимание на один интересный факт, связанный с выражением пространственного значения в примере (9). Глагольная форма *обыскивают* сочетается с прямым дополнением в форме существительного в винительном падеже *грамот*, в то время как из перевода видно, что в современном русском языке у глагола *обыскивати* отсутствует данная лексическая валентность. *Обыскивати* не может сочетаться с прямым дополнением, выражающим объект, поскольку пространственное значение приставки, подчиняя себе семантику глагола, требует значения, указывающего на локализацию действия (например *обыскивать помещение*). Поэтому в переводе на современный русский язык сочетание *обыскивают грамот* переведено описательной конструкцией *ищут везде*, в которой пространственное значение отсутствующей приставки компенсируется наречием *везде*, обладающим сходным с приставкой *об-* пространственным значением.

Напомним, что суффикс *ива-/-ыва-* оформился на собственно древнерусской почве и выступает в период создания «Хождения» не только высокопродуктивным, но и «регулярным по применению и специализированным по функции средством» имперфективации (Силина 1982: 174). При этом «как средство имперфективации он оказался наиболее активным при создании новых видовых корреляций» (Силина 1982: 177).

В «Хождении» одним из примеров сказанного выше может служить приставочная глагольная форма *обыскали* в примере (3), являющаяся протоперфективным приставочным коррелятом к вторичной имперфективной форме *обыскивают* в примере (11). Таким образом, можно утверждать, что протоперфективный глагол *обыскати*, выражающий конкретно-фактическое значение образует протоаспектуальную пару со своим имперфективным приставочным коррелятом *обыскивати*, получившим в сочетании с суффиксом *ива-/-ыва-* итеративное неограниченно-кратное значение.

Приставка *от-*

Первоначальное пространственное значение приставки *от-* выражает «удаление от исходной точки» и восходит к старославянскому предлогу **ot(ь)*.

Приставке *от-* соответствует предлог *от* с омонимичным пространственным и временным значением, обозначающий место начала действия или состояния, принадлежности, избавления, освобождения и спасения, воздержания или отвыкания.

Происхождение приставки до сих пор является предметом споров среди лингвистов. Л. Руволетто отмечает, что в последнее время изучению приставки было посвящено множество работ. Однако особый интерес, с точки зрения диахронических исследований данного префикса, представляют работы О.Т. Дмитриевой (Ruvoletto 2016: 54).

С этимологической точки зрения первичной формой праславянского предлога большинством исследователей признается **ot*, возводимая к и.-е. **at* или **ot*. Ближайшими соответствиями для праславянского **ot-* являются лит. *at-*, префикс со следами функции отделения, латышский *at/at-*, предлог и префикс, также, вероятно, с первоначальными значениями отдаления/отделения, прусский *at-/et-*, префикс со значением удаления/отделения (ЭССЯ).

В тексте не встречаются приставочные глаголы с только пространственным, проявляющимся в комбинации с неопределёнными глаголами или только результативным значением приставки *от-*. Во всех выявленных в «Хождении» приставочных глагольных формах префикс *от-* выражает пространственно-результативное значение.

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Пространственно-результативное значение приставка приобретает в том случае, когда первоначальное пространственное значение приставки «удаление от исходной точки» сочетается со значением результативности, выражающей достижение действием своего физического предела. Данное значение в «Хождении» приставка *от-* выражает в комбинации как с неопределёнными, так и с предельными глаголами, у которых при префиксации к имплицитному значению внутреннего предела, включенному в семантику базового глагола, добавляется результативное значение, указывающее на достижение внешней предельности действия.

В тексте приставка *от-* выражает пространственно-результативное значение в сочетании с предельным глаголом *вратити*, встречающимися в форме приставочного императива *отврати* от глагола *отвратити* в примерах (1) и (2):

- (1) Господи Боже Вседержителю, творець небу и земли! Не **отврати** лица от рабища твоего, яко въ скорби есмь. (368)
 Господи, Боже Вседержитель, творец неба и земли! Не отврати лица от раба твоего, ибо я в скорби пребываю.
- (2) не **отврати** мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя, Господи, на путь правый; (368)
 не дай мне, Господи, свернуть

В комбинации с *вратити* пространственное значение приставки *от-* «удаление» выступает с уточняющей функцией, придавая семантике глагола *вратити* «вернуть, возратить» (СРЯ т.1.3:101) пространственное значение направления, противоположное первоначальному семантическому значению беспрефиксного глагола *вратити* «вернуть = действие, направленное в сторону субъекта/объекта». Пространственному значению приставки *от-* в данном случае соответствует метафорическое «движение от, отдаление от».

Следует подчеркнуть, что действие, выраженное глаголом, приобретает пространственную коннотацию не только благодаря префиксации, но и контексту. В обоих примерах пространственное значение приставки сочетается с омонимичным значением предлога *от*, управляющего обстоятельством места в родительном падеже: *от рабища* в примере (1); *от пути* в примере (2). Что касается результативности, возникающей при префиксации, то в данном случае значение внутренней предельности базового глагола *вратити*, указывающее на изменение ситуации, комбинируется с результативным значением приставки *от-*, указывающим на физический предел действия. Достижение предела при этом отнесено в будущее относительно момента, в который производится действие (=произносится обращение к Богу). В данном случае это просьба с негативной коннотацией «не отдалять, не бросать».

Следующий пример пространственно-результативного значения приставки *от-* встречается в ее комбинации с предельным глаголом *пустити*. В «Хождении» выявлено несколько примеров с приставочным глаголом *отпустити*, образованного путем присоединения приставки *от-* к глаголу *пустити*, и встречающегося во всех случаях, выявленных в тексте, в приставочной форме перфекта *отпустили*. Остановимся на двух примерах (3) и (4) и рассмотрим как проявляется пространственно-результативное значение префикса в данном глаголе:

- (3) И тут судно наше *бошее* пограбили и четыре головы взяли рускые, а нас **отпустили** голыми головами за море, а вверх нас не пропустили вѣсти дѣля.(350)

И тут судно наше большее пограбили и четыре русских человека взяли в плен, а нас отпустили с пустыми руками за море, а вверх нас не пропустили, чтобы мы вести не подали.

- (4) И ис Колязина поидох на Углич, и с Углича **отпустили** мя доброволно.(348)
И из Калязина плыл до Углича, и из Углича меня отпустили без препятствий.

Как и в примерах (1) и (2) семантическое значение базового глагола *пустити* «освободить» в комбинации с пространственным значением приставки «удаление» придает действию коннотацию пространственной направленности «отдаление от исходного места». При префиксации к имплицитному значению внутренней предельности базового глагола *пустити* добавляется значение физического (внешнего) предела действия, выраженное результативным значением, которое можно обозначить как «дать (субъекту) свободу».

По семантическому значению к *отпустили* в примерах (3) и (4) приближается и приставочная глагольная форма перфекта *отпросил* от глагола *отпросити*, образованного посредством префикса *от-* от базового глагола *просити*, являющегося, однако, в отличие от *пустити* неопредельным:

- (5) И он ъздил к хану в город да меня **отпросил**, чтобы мя в вѣру не поставили, да и жеребца моего у него взял.(356)
И он ездил к хану в город и просил за меня, чтобы меня в веру не обращали, да и жеребца моего взял у него [обратно].

Пространственное значение приставки *от-* «удаление», комбинируясь с семантическим значением базового глагола *просити* придают приставочной форме глагола *отпросити* пространственно-результативное значение «получить разрешение уйти, отдалиться».

Отношения, в которых находятся базовый глагол *просити* и его приставочный дериват *отпросити* можно выразить формулой «процесс (*просити*) : событие (*отпросити*)». Поскольку семантика неопредельного глагола *просити*, не включает в себя значение внутреннего (имплицитного) семантического предела, то, следовательно, результативное (событийное) значение появляется у глагола только в результате префиксации, и тесно связано с семантическим пространственным значением приставки *от-* «удаление». При этом достижение внешнего (физического) предела действия можно обозначить как «получить разрешение», в данном случае, не производя действие, обозначенное придаточным предложением цели (*чтобы меня в веру не ставили*).

Приставка *пре-/пере-*

Первоначальное пространственное значение приставки *пре-/пере-* можно описать как «пересечение объектом определенной поверхности», в результате чего изменяется локализация этого объекта. Приставка *пре-* восходит к общеславянской форме **per-*, обнаруживающей определенное формально-семантическое сходство с латинским префиксом *per-* (Sacchini 2012: 159), а также имеет этимологические соответствия в славянских и других языках: болг. *пре-*, сербохорв. *пре-*, чеш. *pře-*, польск. *prze-*, др.-прусск. *per-* «пере-, об-», лит. *pér-* «пере-», гот. *fair-* «пере-», греч. *πέρι, περί*.

Следует добавить, что в древнерусских литературных текстах данная приставка встречается как в церковнославянской неполногласной форме *пре-*, включая ее южнославянский вариант *прѣ* (*прѣ-*), либо в плеофонической (полногласной) восточнославянской форме *пере-*. Причем церковнославянская форма ассоциировалась в основном с книжной «высокой» традицией, в то время как полногласная форма была свойственна живой разговорной речи.

Две глагольные формы с неполногласной формой приставки *пре-*, которые встречаются в «Хождении» также связаны с «книжными и религиозными ассоциациями», употреблявшимися как правило «не только в целях фиксации событий, но и с определенной религиозно-назидательной целью» (Улуханов 2004: 134). Таким образом можно утверждать, что употребление глагольных форм с неполногласной приставкой *пре-* в анализируемом тексте определяется контекстом, отсылающим к церковно-книжной традиции.

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Приставка выражает пространственно-результативное значение в том случае, когда к выражению пространственной идеи «пересечение поверхности» добавляется также результативное значение, указывающее на достижение предельности действия.

В «Хождении» встречаются две приставочные формы аориста *преплых* в примере (1) и *преидох* в примере (2), образованные путем префиксации от неопределенных глаголов определенного движения *плыти* и *ити* соответственно. В комбинации с этими глаголами приставка *пре-* выражает пространственно-результативное значение.

Рассмотрим эти примеры:

- (1) не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя, Господи, на путь правый, яко никоея же добродѣтели в нужи тѣй не сътворих тобѣ, Господи Боже мой, яко дни своя **преплых** во злѣ все.(368)

не дай, Господи, свернуть мне с пути истинного, наставь меня, Господи, на путь правый, ибо в нужде не был я добродетелен перед тобой, Господи Боже мой, все дни свои во зле прожил.

- (2) Милостию Божиею **преидох** же три моря;(378)
Милостию Божией прошел я три моря.

В примере (1) приставка *пре-* выражает как пространственное значение «пересечение или переход из одной точки в противоположную», так и результативное значение, указывающее на достижение предела действия. Следует заметить, что пространственная идея префикса *пре-* в глагольной форме *преплых* приближается к абстрактно-временному значению, подразумевающему идею временного пространства. Поэтому «дни своя преплых» может быть интерпретировано как «прожил свою жизнь», в значении «пересек определенный временной отрезок».

В отличие от примера (1) приставка *пре-* в форме аориста *преидох* в примере (2) выражает конкретное пространственное значение «изменение локализации вследствие пересечения поверхности». При этом данное пространственное значение приставки «пересечение поверхности» в сочетании с контекстом (*преидох же три моря*), реализует идею физического пересечения пространства, добавляя семантике глагола результативное значение достигнутого предела действия.

В обоих случаях присоединение приставки *пре-* к предельным глаголам определенного движения *плыти* и *йти* изменяет их аспектуальную принадлежность и добавляет к имплицитной идее внутренней предельности также указание на достижение внешнего предела действия. Кроме этого, при префиксации непереходные глаголы определенного движения приобретают значение переходности.

Приставка *no-*

В «Хождении» приставка *no-* имеет самую высокую частотность в сравнении с другими приставками. Префиксу соответствует омонимичный предлог *no*, с которым ассоциируется значение «вдоль», когда последний управляет дательным падежом. Ученые также указывают на родственную связь с балтийскими языками, в которых префикс принимает форму *pa-*, а предлог соответственно форму *po* или *põ*. В свою очередь славянский **po* отчасти возводится учеными к и.-е. **pos*, который представлен в лит. *pas* «при, у», *pãstaras* «последний», *paskuĩ* «затем», др.-инд. *рассá* «сзади, вслед, позднее», *рассád* «сзади, следом», лат. *post* «после» (ЭСРЯ).

Первоначально приставка *no-* обозначала «распространение какого-то действия по поверхности какого-то предмета». Это видно из таких случаев употребления, когда глагол с приставкой *no-*, выражающий движение от какого-то пункта, противопоставляется глаголу с приставкой *въ-*, выражающему направление этого движения (собственно конечный пункт, куда оно направлено). Примеры, указывающие на такое значение *no-*, а также на то, что глаголы с таким *no-* не дают совершенного вида, встречаются в ранних летописях (Кузнецов 1953: 225). Впоследствии приставка *no-* развивает определенное временное значение. Например, значение начала движения (например, *пошел*) или значение известного отрезка действия во времени, имеющего начальную и конечную границу (например, *походил*, *посидел*) и лишь на основе различных временных значений приставок вырабатывается наиболее отвлеченное и обобщенное значение, соответствующее значению совершенного вида (Кузнецов 1953: 223).

Что касается «Хождения», в данном тексте приставка *no-* с только пространственной функцией уже не встречается. В то время как самым частым значением приставки, с которого мы и начнем анализ, в тексте является результативно-временное (ингрессивное), что связано с употреблением значительного количества глаголов движения.

РЕЗУЛЬТАТИВНО-ВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ (ИНГРЕССИВНОЕ)

Результативно-временное значение приставки *no-* связано с ее первоначальным пространственным значением «распространение действия по поверхности» и связано с начальной фазой действия, обозначенного коренным глаголом. Это значение также можно определить как «ингрессивное», поскольку оно объединяет идею начала действия с его развитием (Ruvoletto 2016: 61).

Данное значение¹¹ приставка *по-* выражает почти исключительно с глаголами определенного движения, которые, как это видно из анализа других префиксов, по своему семантическому значению являются предельными. «Еще в дописьменную эпоху пространственное значение стало совмещаться со значением внутреннего предела самого действия, т.е. со значением совершенного вида. Такое значение первоначально развилось в глаголах конкретного действия (моторно-кратных). Они выражали действие, направленное к конечному пункту (пределу), поэтому прибавление к этим глаголам префиксов, конкретизировавших предел, превращало эти глаголы в глаголы совершенного вида» (Никифоров 1952: 42).

Поскольку текст «Хождения» описывает путешествие, вполне закономерно, что предельные глаголы определенного движения *ити* и *ехати* в комбинации с приставкой *по-* образуют самую многочисленную группу приставочных глаголов с «ингрессивным» значением. Префикс *по-* реализует данное значение в комбинации с предельным глаголом *ити*, встречающимся в приставочной форме аориста *поидох* в примере (1) (в общей сложности в тексте 24 раза), перфекта *пошел* в примере (2) (в общей сложности в тексте в приставочных формах *пошел/пошеть есми* 16 раз), и, в представляющих особый интерес с точки зрения эволюции аспектуальной категории приставочной протоперфективной форме неактуального настоящего *поиду* в примере (3), от приставочного глагола *поити*; а также, данное значение приставка *по-* приобретает в комбинации с глаголом определенного движения *ехати*, представленным в «Хождении» формой перфекта *поѣхали есмя* от *поехати* в примере (4):

- (1) И ис Колязина **поидох** на Углич, и с Углича отпустили мя доброволно. И отгуду **поидох**, с Углича, и приѣхаль есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою великого князя. (348)
Из Калязина пошел на Углич, и из Углича отпустили меня без препятствий. И оттуда пошел, из Углича, и приехал в Кострому к князю Александру с другой грамотой великого князя.
- (2) Меликътучар **пошол** воевати Чюнедара великое княжение индийское;(372)
Мелик-ат-Туджар пошел с войной на Виджаянагар, великое княжество индийское.
- (3) Азь же во многыя в помышления впадох, и рекох в себѣ: «Горе мнѣ, окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже камо **поиду**». (368)

¹¹ В древнерусском языке в основы, образованные прибавлением префикса *по-* к глаголам со значением определенного движения (определенно-моторным) префикс вносил значение начала действия (Никифоров 1952: 44).

Я же впал в глубокое раздумье и сказал себе: «Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и пути не знаю, куда пойду».

- (4) **Поѣхали есмь** мимо Хазтарахан, а месяц светит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: «Качма, не бѣгайте!»(350)
Поехали мы мимо Астрахани, а месяц светит, и царь нас увидел, и татары нам кричали: «Качма, не бегите!»

Во всех примерах (1)-(4) у приставочных глаголов присутствует как временное «ингрессивное» значение, определяющее начало движения, так и результирующее значение. Поскольку глаголы движения с префиксом *по-* включают в себя значение постепенного (поэтапного) передвижения путешественника, в связи с чем можно утверждать, что достижение предела действия, выраженного глаголом определенного движения с префиксом *по-* всегда сопряжено с прохождением и завершением определенного отрезка пути. Так, в примере (1) *поидох на Углич*, достижение внешнего предела действия связано с физическим достижением указанного географического пункта. В примере (2) ингрессивное значение приставочного глагола *пошел*, сочетаясь с семантическим значением инфинитива *воевати*, выражает значение «начал военный поход» против *Чюнедара великое княжение индийское*, который и определяет пространственный предел действия, обозначенного приставочным глаголом.

Заметим при этом, что обстоятельства места и времени, сопровождающие глаголы, могут вводиться самыми разными предлогами: *на* (*поидох на Углич*) в примере (1); *до, на, в, к, от* в прочих примерах.

В примере (3) приставочная форма неактуального настоящего *поиду* также выражает результирующе-временное «ингрессивное» значение, но при этом достижение предела действия отнесено в будущее.

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ (ДИСТРИБУТИВНОЕ) ЗНАЧЕНИЕ

Следующий подтип пространственно- результирующего значения, которое приставка *по-* выражает в сочетании с глаголами в «Хождении», можно определить как дистрибутивный или распределительный. Л. Руволетто приводит данные исследования О.И. Дмитриевой, изучавшей функции префикса *по-* в древнем восточнославянском языке: «результативное значение связано с пространственным и проявляется в развитии действия по координатам, расположенным на поверхности (стадии процесса) и направленным в сторону определенного предела (результат). Вследствие этого семантический компонент такого последовательного развития действия приобретает более абстрактное значение множественности действий или

объектов». Поэтому, по мнению Дмитриевой, большинство глаголов с приставкой *по-* в древнем восточнославянском языке выражало именно дистрибутивное (распределительное) значение, которое являлось, по всей видимости, семантическим инвариантом самой приставки (Ruvoletto 2016: 59-60). Следует также помнить, что обязательным условием реализации этого значения является множественность объекта или субъекта.

В «Хождении» приставка *по-* выражает дистрибутивное (распределительное) значение в сочетании со следующими предельными глаголами: с глаголом *купити*, встречающимся в форме перфекта *покупили* от приставочного глагола *покупити* в примере (5); с глаголом *грабити*, в форме приставочного перфекта *пограбили* от *пограбити* в примере (6); а также в сочетании с предельным глаголом *бити*, встречающимся в форме презенса со значением будущего *побьют* от приставочного глагола *побити* в примере (7):

- (5) А все то камение, да яхонты, да алмаз **покупили** на меликтучара, заповѣдал дѣлярем *пришли* что гостем не продавати, а тѣ пришли о Оспожинѣ дни к Бедерю граду.(372)
И все те камни, и яхонты, и алмазы скупили от имени мелик-ат-туджара, и он запретил мастерам продавать их купцам, которые пришли в Бидар на Успенье.
- (6) Ини Севасть взяли, а Тохат взяли да **пожгли**, Амасию взяли, и много **пограбили** сел, да пошли на караманского воюючи.(376)
Они взяли Сивас, а Токат взяли и сожгли, Амасию взяли, и много сел пограбили, и пошли на караманского [правителя] войной.
- (7) Да кто замает, и они ся жалуют князю своему, и онъ посылает на того свою рать, и оны, пришед на град, дворы развеляют и людей **побьют**.(358)
Если кто их обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на обидчика свою рать, и они, придя в город, разрушают дома и убивают людей.

Во всех примерах (5)-(7) действия, выраженные глаголами с приставкой *по-*, представляют собой совокупность однородных действий, «распределенных» между объектами. При этом очевидно, что во всех трех случаях действие направлено на объект, а также выполняется необходимое для данного значения условие множественности объекта: в примере (5) *покупили все то камение, да яхонты, да алмаз*; в примере (6) *пограбили много сел; побьют людей* в примере (7). Кроме этого, при префиксации приставочные глаголы приобретают и результативное значение, указывающее на достижение глаголом физического предела и исчерпанность действия, а их аспектуальное значение можно определить в случае примеров (5) и (6) как конкретно-фактическое.

Что касается примера (6), в нем, наряду с глаголом *пограбили* с распределительным значением приставки *по-*, также встречается глагол *пожгли*. Однако значение этого глагола не может быть соотнесено с дистрибутивным значением ввиду того, что объект, в данном случае (город) *Тохат*, не может рассматриваться как множество. Поэтому можно предположить, что значение приставки *по-* в этом случае приближается к только результативному и будет рассмотрено ниже.

В связи с этим отметим, что в тексте «Хождения» основа *грабити* образует приставочные глаголы как с приставкой *вы-* (*выграбити*), так и с приставкой *по-* (*пограбити*). При этом обе приставки выражают результативно-пространственное значение. Однако, в отличие от префикса *вы-* с пространственным значением «изнутри наружу», который в сочетании с основой *грабити* образует *выграбили* т.е. действие со значением «тотальное опустошение», в то время как сочетание основы *грабити* с приставкой *по-* образует дистрибутивное (распределительное) значение, лишённое драматической коннотации, свойственной приставке *вы-*.

Поскольку в примере (7) глагол *побити* представлен приставочной глагольной формой презенса со значением будущего *побьют*, его аспектуальное значение возможно определить как приближающееся к наглядно-примерному. Подразумевается повторяющееся действие, которое представлено на примере единичного случая. Кроме прочего, в контексте содержится эксплицитное указание на итеративность действия: из него следует, что действие *побьют* совершается каждый раз, когда субъект подвергается нападению со стороны третьих лиц (*да кто замает*).

Напомним, что в рассматриваемый исторический период приставочные протоперфективные формы находятся в процессе эволюции своего аспектуального значения, вследствие чего у таких глаголов комбинация результативного и итеративного значений является более свободной и встречается гораздо шире, чем в современном русском языке. Что касается современного русского языка, одновременное появление этих значений у перфективных форм, как правило, ограничено определенными частновидовыми случаями совершенного вида (сюда относится, в частности, наглядно-примерное значение). В связи с вышесказанным, пример (7) интересен как раз тем, что в нем единственная протоперфективная форма презенса *побьют* конкурирует в выражении итеративности с вторичными приставочными имперфективами *замает*, *посылает*, *развзляют*.

ТОЛЬКО РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В «Хождении» глаголы с исключительно результативным значением приставки *по-*, представляют самую многочисленную группу среди приставочных глаголов с этим префиксом. Напомним, что данное значение проявляет себя в том случае, когда семантика приставочного глагола более не связана с пространственно-временной идеей, а выражает только результативное значение, и связанную с ним предельность действия.

Со ссылкой на работу S. M. Dickey (Dickey 2005: 47), Л. Руволетто подчеркивает, что *по-* является приставкой, чаще других префиксов выражающей только результативное значение. Вследствие чего, в большей степени, чем другие префиксы развившая абстрактное значение, приставка *по-* является первой среди так называемых «семантически пустых» приставок, полностью утративших пространственное значение, и выражающих только результативность действия (Ruvoletto 2016: 62).

Рассмотрим первую группу, в которой данное значение приставка *по-* выражает в сочетании с предельными глаголами: *жечи*, в форме приставочного перфекта *пожгли* от глагола *пожечи* в примере (6); с глаголом *слати*, встречающимся в форме перфекта *послал* от *послати* в примере (8); с глаголом *ставити* со значением «назначить, определить в веру», представленным формой перфекта *поставили* от приставочного глагола *поставити* в примере (9); и наконец, в сочетании с предельным глаголом с суффиксом *-ну-* *гибнути*, представленным неопределенной приставочной формой *погибнути* в примере (10):

(8) А на турскаго **послал** рати двора своего 40 тысяч. (376)
На турецкого [султана] послал 40 тысяч рати своего двора.

(9) И он ѳздил к хану в город да меня отпросил, чтобы мя в вѣру не **поставили**, да и жеребца моего у него взял.(356)
И он ездил к хану в город и просил за меня, чтобы меня в их веру не обращали, да и жеребца моего взял у него [обратно].

(10) И Господь Богъ смилвался на свой честный праздникъ, не оставил милости своеа от меня грѣшнаго и не велѣлъ **погибнути** в Чюнерѣ с нечестивыми.(354; 356)
И Господь Бог смилвался на свой честной праздник, не оставил меня грешного милостью своей, не дал погибнуть в Джуннаре с неверными.

Приставка *по-* в составе глаголов в примерах (8)-(10) полностью утратила пространственное значение, поэтому префиксные глаголы выражают исчерпанность обозначенного бесприставочным глаголом действия или процесса и, как следствие этого, переход предмета, испытавшего данное действия или пережившего данный процесс в новое

качественное состояние. В «Хождении» такими оказываются приставочные глаголы, образованные от основ, имеющих внутренний предел, со значением процесса: *гибнути* (10); либо со значением действия (в частности, обобщенного сложного (комплексного) действия): *слати* (8) и *ставити* «назначать» (9);

ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

Как было отмечено выше, приставка *по-* является одной из самых высокопродуктивных и часто встречающихся в «Хождении». Этим обстоятельством, вероятно, объясняется и значительное количество вторичных имперфективных приставочных дериватов от протоперфективных глаголов с префиксом *по-*. Рассмотрим некоторые из примеров, выявленных в тексте:

- (11) А едят, **покрываються** платомъ, чтобы никто не видель его.(362)
А едят, покрываются платком, чтобы никто не видел его.
- (12) А меликътучар седит на 20 тмах; а бьется с кафары 20 лѣт есть, то его **побивают**, то он **побивает** ихъ многажды.(354)
А у Мелик-ат-туджара двести тысяч войска, и воует он с кафарами 20 лет: то они его разбивают, то он их разбивает многократно.
- (13) А ѣсти же садятся, и оны омывають руки да ноги, да и рот **пополаскивають**.(362)
А есть садятся - руки и ноги обмывают, да и рот полощут.

В примерах (11)-(13) вторичные имперфективы образованы при помощи суффикса *-ива-/-ыва-*: *покрыватися* от глагола *покрытися*, представленный формой презенса *покрываються* в примере (11), *побивати* от *побити*, в форме приставочного презенса *побивают/побивает* в примере (12); а также *пополаскивати* от протоперфективного глагола *пополаскати*, встречающийся в форме приставочного имперфективного презенса *пополаскивають* в примере (13). Напомним, что в данный исторический период суффикс *-ива-/-ыва-* выступает как высокопродуктивное специализированное средство имперфективации в глаголах с исходом основы на гласный звук (Силина 1982: 170).

Кроме этого, в «Хождении» выявлен еще один пример вторичного имперфективного приставочного глагола *посылати*, образованного от протоперфективного глагола *послати* в примере (14). Этот пример интересен в первую очередь тем, что средством имперфективации здесь выступает чередование гласных *-ь-//-ы-* (*сълати-сылати*) в глагольной основе. «На первом этапе развития славянского глагольного вида в процессе складывания категории

имперфективности для выражения возникавших видовых различий использовались не только суффиксы, но и другие структурные средства». Таким образом, «возникнув в древности на фонетической основе, ряд чередований гласных затем стал выполнять грамматические функции» (Силина 1982: 180).

Поэтому данный приставочный дериват можно справедливо считать самым древним среди выявленных имперфективных глаголов с префиксом *no-*:

- (14) Да кто замает, и они ся жалуют князю своему, и онъ **посылаеть** на того свою рать, и оны, пришед на град, дворы разваляют и людей побьют.(358)
Если кто их обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на обидчика свою рать, и они, придя в город, разрушают дома и убивают людей.

При суффиксации приставочные протоперфективные глаголы изменяют свою видовую принадлежность. Во всех приведенных примерах (11)-(14) аспектуальное значение, которое выражают приставочные имперфективные формы, можно определить как итеративное неограниченно-кратное, поскольку из контекста очевидно, что каждое действие неоднократно повторяется при одних и тех же обстоятельствах.

Показательно, что в «Хождении» наряду с имперфективными формами презенса *побивает/побивают* в примере (12) от глагола *побивати*, а также *посылаеть* от глагола *посылати* в примере (14) встречаются собственные приставочные протоперфективные корреляты, представленные соответственно протоперфективной формой неактуального настоящего *побьют* от *побити* в примере (11) и формой перфекта *послал* от *послати* в примере (7). Этот факт дает основание утверждать, что протоперфективные глаголы *послати* (7) и *побити* (11) образуют протоаспектуальные пары с соответствующими вторичными имперфективными коррелятами *посылати* и *побивати*.

И, наконец, еще один пример вторичного имперфектива представлен приставочным глаголом *поимати* со значением «наступать, приближаться», образованным при помощи древнего малопродуктивного суффикса *-a-* (Силина 1982: 183) от протоперфективного глагола *пояти* (<**im-ti*), с которым составляет протоаспектуальную пару. В тексте глагол представлен формой имперфективного презенса *поимаеть* в примере (15):

- (15) А Гурмызь есть на островѣ, а еждень **поимаеть** его море по двожды на день.(352)
А Ормуз [стоит] на острове, еждневно наступает на него море дважды на дню.

В результате имперфективации происходит изменение видовой принадлежности глагола. В связи с этим аспектуальное значение вторичной имперфективной формы *поимаеть* можно определить как многократное (итеративное). Кроме этого, возможность неограниченной повторяемости действия подчеркивается в контексте обстоятельствами времени: *ежедень* и *по двожды на день*.

Приставка *при-*

Приставка *при-* выражала в древнерусском языке пространственное значение «приближения к определенной точке в пространстве» либо «нахождение какого-либо объекта возле другого объекта, который можно определить как точку в пространстве». Приставке *при-* соответствует омонимичный предлог *при*, обладающий идентичным пространственным значением.

Как отмечает Т.П. Ломтев в своей работе, посвященной анализу синтаксических функций древнерусских предлогов «для обозначения места, около которого совершается действие, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*при* плюс местный падеж». Данная конструкция употребляется также и в современном русском языке для обозначения того факта, что действие осуществляется или предмет пребывает непосредственно около другого предмета» (Ломтев 1956: 296-297). Кроме того, пространственное значение предлога характеризуется следующим образом: «предлог *при* употребляется с предложным падежом при обозначении пространственных отношений, при указании на предмет, или на место, в непосредственной близости от которого происходит действие» (СРЯ XI-XVII: т.19:87).

Следует добавить, что предлог *при* и приставка *при-* имеют родственные этимологические соответствия во всех балто-славянских языках. Приведем некоторые примеры: болг. *при*, сербохорв. *при*, словен. *pri*, чеш. *při*, словц. *pri*, польск. *przy*, лит. *prië* "при, у, к"; др.-прусск. *prei* "к, при", лтш. *prie-* в *prieds* "придача при сделке" и т.д. (ЭСРЯ).

В подавляющем большинстве выявленных в тексте «Хождения» глагольных приставочных форм префикс *при-* выражает пространственно-результативное значение.

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Пространственно-результативное значение приставка *при-* выражает в том случае, когда к ее первоначальной пространственной идее добавляется значение результативности, указывающее на достижение предела действия. Следует также добавить, что в тексте «Хождения» данное значение приставки *при-* является преобладающим над другими типами значений.

Чаще всего приставка *при-* приобретает данное значение с предельными глаголами, описывающими движение или другое физическое действие. В «Хождении» описывается путешествие, поэтому в тексте встречается значительное количество приставочных глаголов определенного движения с приставкой *при-*, в значении «приближение к определенной географической точке в пространстве», часто сопровождающееся обстоятельством места, описывающим направление действия.

Пространственно-результативное значение приставка *при-* выражает в сочетании с предельными глаголами определенного движения *везти* в примерах (1)-(2); *ити* в примерах (3)-(8); *ехати* в примерах (9)-(10). В тексте данные глаголы встречаются как приставочные формы перфекта *привезли/привезль* от глагола *привезти* в примерах (1)-(2); формы перфекта *пришол/пришли/ пришел есми/ пришла* в примерах (4)-(7), форма аориста *приидох* в примере (3), форма инфинитива *приитти* в примере (7), причастная форма прошедшего времени *пришед* в примере (12), а также протоперфективная форма презенса со значением будущего *приидет* в примере (8), образованные от предельного глагола *приитти*; также как приставочные формы перфекта *приѣхал есми/приѣхал* от предельного приставочного глагола *приехати* в примерах (9)-(10).

Рассмотрим некоторые примеры:

- (1) А писание то своею рукою написал, иже его руки тѣ тетради **привезли** гости к Мамыреву Василию, к дьяку к великого князя на Москву.(348)
А записи написал своей рукой, и те тетради с его записями купцы привезли Мамыреву Василию, дьяку великого князя в Москву.
- (2) И яз грѣшный **привезль** жеребца в Ындѣйскую землю;(354)
И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю;
- (3) В Трапизон же **приидох** на Покров святяга Богородица и приснодѣвы Мариа, и бых же въ Трапизоне 5 дни.(378)
В Трабзон же пришел на Покров святой Богородицы и пречистой девы Марии и был в Трабзоне пять дней.
- (4) Меликътучар **пришол** с ратию своею к Бедерю на курбантъ баграм, а по-рускому на Петров день;(372)
Мелик-ат-туджар пришел со своею ратью в Бидар на курбан байрам, а по-нашему — на Петров день.
- (5) И тут есми взял первый Великъ день, а **пришел есми** в Гурмыз за четыре недѣли до Велика дни.(352)
Тут я провел первую Пасху, а пришел в Ормуз за четыре недели до Пасхи.
- (6) А ту есть городок Тархи, а люди вышли на берегъ, и **пришли** кайтаки да людей поймали всѣх.(350)
И тут стоит городок Тарки, и люди вышли на берег, а пришли кайтаки и всех людей взяли в плен.

- (7) На ону же страну **приитти** нѣкуды, сквозѣ градо дрога, а града же взяти нѣкуды, **пришла** гора велика да деберь зла тикень.(374)
Та сторона не проходима — путь через город идет; ни с какой стороны город не взять, гора там огромная да чащоба злая, колючая.
- (8) А проити его не дай Бог никакову костяку:а кто его не увидит, тот поздорову не **приидет** морем;(364)
А пройти его не дай Бог никакому судну: кто его не увидит, тот благополучно по морю не пройдет.
- (9) От Первати же **приѣхал есми** в Бедерь, за пятнадцать день до бесерменьскаго улу багря;(362)
Из Парвата приехал я в Бидар за пятнадцать дней до мусульманского улу байрама.
- (10) И канун Спасова дни **приѣхал** хозяйочи Махмет хорасанец, и бил есми ему челом, чтобы ся о мнѣ печаловал.(356)
Накануне Спасова дня приехал казначей Мухаммед, хорасанец, и я бил ему челом, чтобы он за меня хлопотал.

Во всех рассмотренных примерах приставка *при-* выражает пространственное значение «приближение к определенному месту». Семантика глаголов определенного движения, включающая в себя имплицитное значение внутреннего предела, при префиксации приобретает также значение результативности, указывающее на пространственную предельность этого действия. Предел действия в данном случае может быть интерперетирован как достижение и нахождение возле определенной точки в физическом пространстве. При этом интересно, что внешний предел действия может быть обозначен обстоятельством места, например *на Москву* (1); *в Бндѣйскую землю* (2); *в Бедерь* (9); либо обстоятельством времени, как, например, *И канун Спасова дни* в примере (10); или их комбинацией, как в следующих примерах, *к Бедерю на курбанть багрям* (4), *в Трепизон же на Покров* (3), *в Гурмыз за четыре недѣли до Велика дни* (11).

К следующей группе примеров, в которой приставка *при-* выражает пространственно-результативное значение, относятся приставочные формы перфекта *прислал* в примере (11) и *прибавилъ* в примере (12), от глаголов *прислати* и *прибавити* соответственно, образованных путем сочетания приставки *при-* с предельными глаголами *слати* и *бавити*, а так же протоперфективная форма неактуального настоящего *приимется* от глагола *прииматися* в примере (13), образованного при помощи приставки *при-* от предельного глагола *имати от* *(<*im-ti*):

(11) И ширваншабегъ того же часа послал посла к шурина своему Алиль-бегу, кайтачевскому князю, что: «судно ся *мое* разбило под Тархи, и твои люди, пришед, людей поимали, а товаръ их пограбили; и ты чтобы, меня дѣля, люди ко мнѣ **прислал** и товар их собрал, занже тѣ люди посланы на мое имя.(350)

И ширваншах тотчас послал посла к своему шурина, князю кайтаков Халил-беку: «Судно мое разбилося под Тарками, и твои люди, придя, людей с него захватили, а товар их разграбили; и чтобы ты, меня ради, людей ко мне прислал и товар их собрал, потому что те люди посланы ко мне.

(12) И султан ополѣлся на индѣян, что мало *вышло* с ним, и он еще **прибавиль** 20 тысяч пѣших людей, *двѣ* тысячи конных людей, да 20 слонов.(374)

И султан разгневался на индусов, что мало [людей] *вышло* с ним, и он прибавил еще двадцать тысяч пѣших, две тысячи конных, и двадцать слонов.

(13) А ѣдят брынец, да кичири с маслом, да травы розные ядят, а варят с маслом да с молоком, а ѣдят все рукою правою, а лѣвою не **примется** ни за что.(362)

А едят они рис, да кичри с маслом, да травы разные едят, а варят их с маслом и с молоком, а едят все правой рукой, а левой не берут ничего.

Заметим, что в примерах, рассмотренных выше, пространственное значение приставки *при-* может принимать различные оттенки. Так, например, формы *прислал* в примере (11) и *примется* в примере (13) выражают значение «приближения», в то время как в глагольной форме *прибавиль* в примере (12) пространственное значение приставки характеризуется скорее как «приближение» со значением возрастания количества «добавление».

Отметим также, что протоперфективные приставочные формы неактуального настоящего *приидет* в примере (8) и *примется* в примере (13) выражают итеративно-результативное значение, включающее в себя как указание на повторяемость действия, так и на достижение предела действия.

Еще одним примером, в котором приставка *при-* выражает пространственно-результативное значение, является приставочная форма императива *призри* в примере (14) от *призрети*, образованного от неопределенного глагола *зрети*.

(14) Господи! **Призри** на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание;(368)

Господи! Обрати на меня Твой взор и помилуй меня, ибо я твое создание;

В данном случае приставка *при-* выражает пространственно-результативное значение в сочетании с базовым глаголом (*зрети*), имеющим схожие семантические характеристики с самим префиксом и выражающим пространственное значение «приближения» в прямом

(физическом) или переносном (абстрактном) смысле: *призьрети* в значении «смотреть, видеть, обратить взор»¹² (Ruvoletto 2016: 72). Приставка *при-* в сочетании с неопредельным глаголом *зьрети* приобретает результитивное значение, указывая на достижение предельности действия, отнесенной в данном примере в будущее.

ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

Напомним, что под вторичной имперфективацией подразумевается процесс образования имперфективных коррелятов приставочных глаголов совершенного вида путем суффиксации. По мнению лингвистов, имперфективирующая суффиксация явилась основополагающим фактором в процессе становления глагольного вида как грамматической категории.

Рассмотрим примеры имперфективных форм от глаголов движения: формы презенса *привозят* в примере (15) от предельного приставочного глагола неопределенного движения *привозити*, а также формы презенса *приводят* в примерах (16) и (17) от предельного глагола неопределенного движения *приводити*. Данные приставочные формы являются вторичными имперфективными коррелятами к приставочным протоперфективным глаголам определенного движения *привезти* и *привести* соответственно:

- (15) А **привозят** ихъ из Хоросанские земли, а иные из Орапской земли, а иные ис Туркменские земли, а иные ис Чеботайские земли, а **привозят** все морем в тавах — индѣйские карабли.(354)
А привозят их [коней] из Хорасанской земли, иных из Арабской земли, иных из Туркменской земли, иных из Чаготайской земли, а привозят все морем в тавах — индийских кораблях.
- (16) **Приводят** кони, до 20 тысящ коней продавати, всякий товар свозят;(356)
Приводят коней, до двадцати тысяч коней продавать, всякий товар привозят.
- (17) Дабыло же есть пристанище велми велико, а **приводят** кони из Мисюря, изо Арабьстани, изъ Хоросани, ис Туркустани, из Негостани;(364)
Дабхол - тоже весьма большая пристань, сюда привозят коней из Египта, из Аравии, из Хорасана, из Туркестана, из Бендер-Ормуза;

В комбинации с неопредельными глаголами неопределенного движения *возити* и *водити* приставка *при-* выражает первоначальное пространственное значение «приближения», придавая приставочным глаголам неопределенного движения значение

¹ Словарь древнерусского языка XI-XIV вв: т. 8

предельности, отсутствовавшее у него до префиксации. При этом предельность связана с неограниченно-кратным имперфективным значением приставочного глагола, выражающим итеративность действия, которое может повторяться неограниченное количество раз.

В рассмотренных выше протоперфективных формах перфекта *привезли* в примере (1) и *привезль* в примере (2) приставка также выражает пространственно-результативное значение. При этом конкретно-фактическое значение данных протоперфективных форм, обозначая их как единичное действие в прошлом, тем самым указывает и на их результативность.

Одновременное использование протоперфективной формы и ее вторичного имперфективного коррелята в тексте «Хождения» позволяет говорить о формировании протоаспектуальной пары *привезти-привозити*.

Следующая группа приставочных форм вторичного имперфективного глагола *призывати*, образованного от протоперфективного глагола *призвати* с помощью суффикса *-ыва-*, включает в себя форму перфекта *есми призывал* в примере (18) и форму инфинитива *призывати* в примере (19):

- (18) Да молился есми Христу Вседръжителю, кто сотворил небо и землю, а иного **есми не призывал** никоторого именемъ;(364)
И молился я Христу Вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного Бога именем не призывал.
- (19) А праваа вѣра Бога единого знати, и имя его **призывати** на всяком мѣсте. чисте чисто.(374)
А правая вера — единого Бога знать и имя его во всяком месте чистом в чистоте приывать.

Как и в случае с другими приставками имперфективные формы с префиксом *при-* ассоциируются с итеративным контекстом, описывающим повторяющиеся действия. При суффиксации протоперфективная приставочная глагольная форма изменяет аспектуальную принадлежность и приобретает итеративное неограниченно-кратное значение, выражая регулярную повторяемость действия. При этом в имперфективной форме приставка *при-* сохраняет свое пространственно-результативное значение, указывающее на достижение предела действия, который достигается всякий раз, когда действие повторяется.

Приставка *про-*

Первоначальное пространственное значение древнерусской приставки *про-* тесно связана с понятием пространственного или временного интервала, и может быть определена как «действие, развивающееся в определенный пространственный или временной отрезок». Ссылаясь на исследования Vlasto (1986: 226-227), М. Саккини приводит данные, согласно которым приставка *про-* восходит к предлогу *про*, который, однако, в отличие от других предлогов, уже в древнерусском языке утерял свое первоначальное пространственное значение (Sacchini 2014: 183). Однако имеющиеся этимологические соответствия в балто-славянских языках, например: болг. *про-*, сербохорв. *про-*, словен. *pro-*, чеш. *pro* «для», *prů-*, др.-прусс. *pra* «через, для», *pra-* «про-, пере-, за», лит. *pra-* «про-, пере-, за» позволяют лингвистам говорить о существовании гипотетического предлога *про* с пространственной семантикой «пересечения временного или пространственного интервала». Кроме прочего, семантический профиль приставки близок греческому префиксу *πρό-* «перед», и латинскому *про-*, (наряду с *прō-*).

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В «Хожении» встречаются многочисленные примеры приставочных глагольных форм, образованных при сочетании приставки *про-* с глаголами определенного движения.

Рассмотрим первую группу, в которой приставка *про-* выражает пространственно-результативное значение в комбинации с предельным глаголом определенного движения *ити*. В «Хожении» данный глагол представлен приставочными формами аориста *проидоша* в примерах (3) и (4) и *проидохъ* в примере (1), формой перфекта *прошел* в примере (5), и, наконец, инфинитивной формой *проити* в примере (2):

- (1) И море же **проидохъ**, да занесе насъ сыс къ Баликаеѣ, а оттудова к Токорзову, и ту стояли есмя 5 дни.(378)
Море перешел, да занесло нас к Балаклаве, и оттуда в Гурзуф, и тут стояли мы пять дней.
- (2) А **проити** его не дай Бог никакову костяку: а кто его не увидит, тот поздорову не приидет морем;(364)
А пройти его не дай Бог никакому судну: кто его не увидит, тот благополучно не пройдет по морю.
- (3) Уже **проидоша** 4 Великая говѣйна и 4 **проидоша** Великыя дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день или говѣйно, ни Рожества Христова не знаю, ни иных праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не вѣдаю — а книг у меня нѣту.(368)

Уже прошло четыре Великих поста и четыре Пасхи, а я, грешный, не знаю, когда Пасха или пост, ни Рождества Христова не знаю, ни других праздников, ни среды, ни пятницы не ведаю, а книг у меня нет.

- (4) Уже **проидоша** Великия дни четыре в бесерменской землѣ, а крестьянства не оставих;(368)
Уже прошло четыре Пасхи, как я в мусульманской земле, а христианства я не оставил.
- (5) Мѣсяць мартъ **прошел**, и яз заговѣлъ з бесермены в недѣлю, да говѣл есми мѣсяць, мяса есми не ѣлъ и ничего скоромнаго, никакие ѣсты бесерменские, а ѣлъ есми по двожды на день хлѣбъ да воду, авратыйля ятм адым.(362; 364)
Месяц март прошел, и начал я пост с мусульманами в воскресенье, постился месяц, мяса не ел и ничего скоромного, никакой еды мусульманской не принимал, а ел хлеб да пил воду два раза на дню, с женщиной не ложился я.

Следует отметить, что в примерах (1) и (2) приставка *про-* выражает результативно-пространственное значение, в то время как в примерах (3)-(5) значение приставки сдвигается в сторону более абстрактного результативно-временного значения. В примерах (1) и (2) пространственное значение приставки в комбинации с глаголом определенного движения *ити* выражает идею движения в пространстве, а именно «пересечение поверхности моря». В то время как в глагольных приставочных формах *прошел* и *проидоша* примерах (3)-(5) значение приставки *про-* акцентирует временную протяженность действия, а подлежащее (*Великая говѣйна* (3), *Великия дни четыре* (4), *мѣсяць мартъ* (5)) определяет временной отрезок, в течение которого оно длится.

В отличие от значения внутреннего предела, свойственного всем глаголам определенного движения, и глаголу *ити*, в частности, во всех примерах (1)-(5) физическая (внешняя) предельность действия достигается в тот момент, когда завершается прохождение пространственного или временного отрезка.

Рассмотрим еще одну группу глаголов, с которыми приставка *про-* выражает пространственно-результативное значение. В нее входят глагольные формы перфекта с приставкой *про-* *проѣхал* в примере (6) и *есмя проѣхали* в примере (7), образованные при присоединении приставки *про-* к предельному глаголу определенного движения *ехати*; приставочная форма перфекта *провели* в примере (8) от предельного глагола определенного движения *вести*; а также примыкающая к ним по конфигурации своего пространственного значения приставочная форма перфекта *пропустили* от предельного глагола *пустити* в примере (10):

- (6) Василей Папин **проѣхал** мимо город двѣ недѣли¹³, и яз ждал в Новѣгороде в Нижнем две недѣли посла татарскаго ширваншина Асанбега;(350)
А Василий Папин уже проехал город на 2 недели раньше, и я в Нижнем Новгороде две недели ждал Хасан-бека, посла ширваншаха татарскаго.
- (7) И Казань **есмя проѣхали** доброволно, не видали никого, и Орду **есмя проѣхали**, и Усланъ, и Сарай, и *Берекезаны* **есмя проѣхали**.(350)
Казань проехали без препятствий, не видали никого, и Орду проехали, и Услан, и Сарай, и Берекезан проехали.
- (8) И посол ширваншин Асанбѣгъ дал имъ по однорядке да по полотну, чтобы **провели** мимо Хазтарахан.(350)
Посол ширваншаха Хасан-бек дал им по кафтану-однорядке и по полотну, чтобы провели нас мимо Астрахани.
- (9) И тут судно наше *болшее* пограбили и четыре головы взяли рускые, а нас отпустили голыми головами за море, а вверхъ нас не **пропустили** вѣсти дѣля.(350)
И тут наше большее судно пограбили и четыре русских человека взяли в плен, а нас отпустили с пустыми руками за море, а вверх нас не пропустили, чтобы мы вести не подали.

Особенностью, объединяющей данные глагольные формы, является то, во всех примерах пространственное значение приставки *про-* связано с «необходимостью преодоления определенного пространственного интервала».

Действие в данных примерах осмысляется через пространственный интервал, при этом акцент делается на самом действии, а не на протяженности данного интервала. В примерах (6)-(8) пространственное значение приставки определяется отрезком пути, соответствующим протяженности населенных пунктов: *проѣхал мимо город* в примере (6), *Казань есмя проѣхали* в примере (7) и *провели мимо Хазтарахан* в примере (8), в то время как результативное значение приставки выражается в указании на внешний предел действия, достигаемый при завершении прохождения заявленного в контексте пространственного интервала. Таким образом в примерах (6)-(8) результативное значение соотносится с достижением пространственного предела границы города, мимо которого идут корабли;

В примере (9) понятие длительности интервала является имплицитным, и включено в семантику приставки *про-*. Пространственное значение приставки в протоперфективной форме *пропустили* в данном примере предполагает преодоление некоего препятствия, которое воспринимается как пространственный интервал. Поскольку базовый глагол

¹³Очевидно, ошибка переписчика; эти слова (в Троицкой редакции их нет) повторяются далее в той же фразе. (Прим. редакции)

пустити является предельным, его семантика включает в себя понятие внутреннего предела. Результативное значение приставки, указывающее на достижение физического предела действия уточняется обстоятельством причины *въсти дѣля*, определяющим причину невозможности преодоления препятствия.

Рассмотрим еще один любопытный, с этимологической точки зрения, пример (11). Приставка *про-* выражает пространственно-результативное значение в комбинации с предельными глаголом **стерети*, представленном в тексте формой перфекта *простеръ* в примере (11). По данным этимологического словаря слияние приставки *при-* с корнем *стерети* произошло еще в праславянском языке: (праслав. **(pro-)sterti*, **(pro-)stero*, связано чередованием гласных с *простор* (**storna*). Старославянское *простръти*, *простърж*.) (СДЯ XI-XVII т.IX: 193).

(11) В бутхане же бут вырезан ис камени ис черного, велми великъ, да хвостъ у него через него, да руку правую поднѣль высоко да **простеръ** еѣ, аки Устенеянь царь Цареградскый, а в лѣвой руцѣ у него копие.(360)

В бутхане же бут вырезан из черного камня, огромный, да хвост у него через него, и руку правую поднял высоко и простер ее, как Юстиниан, царь цареградский, а в левой руке у него копьё.

Хотя уже в древнерусском языке глагольная бесприставочная форма **стерети* не является употребительной, тем не менее вплоть до современного русского языка сохранилась плеофоническая форма *сторона* в значении «протяженность», вероятно восходящее к (**storna*). Возможно предположить, что в праславянском языке мог существовать глагол **стерети* с омонимичным значением «*протягивать / протянуть*». Исходя из данной предпосылки, получается, что семантика глагола **стерети* очень близка в данном случае пространственному значению приставки *про-*, тесно связанного с концепцией «пространственного интервала».

Пространственно-результативное значение приставки *про-* предполагает разворачивание действия в пространстве, предельность которого достигается в тот момент, когда исчерпана физическая возможность продолжения действия. Таким образом, в примере (11) предел определяется физической невозможностью продолжать действие, поскольку рука, которую он *простеръ* (*еѣ*) ограничена определенными параметрами, в данном случае конечной длиной.

ТОЛЬКО РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Приставка *про-* выражает только результативное значение в том случае, когда последнее становится преобладающим над пространственным и временным значениями. Как отмечает Л. Руволетто, результативное значение приставки *про-* встречается достаточно часто благодаря тому факту, что пространственно-результативная семантика приставки «развитие действия в течение определенного пространственного или временного отрезка» свободно сочетается с результативным значением «разворачивание действия вплоть до достижения им своего внутреннего предела» (Ruvoletto 2016: 81). Приставка развивает результативное значение как с предельными так и с непредельными глаголами, поскольку семантика самого префикса, кроме результативного значения содержит в себе значение «длительности», рассматриваемая как однородный «гомогенный» пространственный или временной отрезок, как «развитие» действия вдоль этого пространственно-временного сегмента. Эта характеристика является типичной для стальных и процессуальных глаголов, но также не противоречит семантике глаголов с событийным значением. (Ruvoletto 2016: 82).

В «Хождении» приставка *про-* выражает только результативное значение в приставочной глагольной форме *прокляль* от *прокляти* в примере (14), образованного с помощью приставки *про-* от непредельного глагола *кляти*, а также с формами перфекта и аориста *продал/продахъ* в примерах (12) и (13), образованных от предельного глагола *дати*:

- (12) А яз жеребца своего **продал** в Бедери.(360)
Я продал своего жеребца в Бидаре.
- (13) Приидох же в Бедерь о заговейнѣ о Филиповѣ ис Кулонгѣря, и **продахъ** жеребца своего о Рожествѣ.(360)
Пришел я в Бидар из Кулонгири на Филиппов пост, и продал жеребца своего на Рождество.
- (14) А ту убили Шаусеня, Алеевых детей и внучать Махметевых, и онѣ их **прокляль**, ино 70 городовъ ся розвалило.(352)
А тут убили шаха Хусейна, из детей Али и внуков Мухаммеда, и он их проклял - семьдесят городов разрушилось.

В примерах (12) и (13) приставка *про-* определяет результативность действия, указывая на достижение им своего предела. Хотя пространственное значение приставки *про-* в глаголе *продати* и апеллирует к действию, привязанному к определенному пространственно-временному промежутку, тем не менее само действие воспринимается как более абстрактное, акцентирующее результат, а не временную или пространственную

длительность. Поэтому след пространственного значения в данном случае следует рассматривать скорее гипотетически.

В примере (14) особенно заметно проявляется только результитивное значение приставки *про-*. Как и в примерах (12) и (13) пространственная идея приставки отсылает к действию, имеющему определенную временную протяженность, однако ее результитивное значение в данной глагольной форме является преобладающим. Отношения между базовым глаголом *кляти* и его приставочным дериватом можно рассмотреть в плоскости процесс:событие, где *кляти* процесс, а *прокляти*, соответственно, событие. Поскольку *кляти* является неопределенным глаголом, то есть не имеющим внутреннего (имплицитного) сематического предела, то, следовательно, результитивное (событийное) значение глагол приобретает благодаря семантическому значению приставки, указывающему на завершение действия и достижения им своего временного предела. Кроме того, результитивность действия косвенно подразумевается и в контексте, указывающем на последствия совершения действия: *прокляль, вследствие чего ино 70 городовъ ся розвалило*.

ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

В «Хождении» описывается торговое путешествие, в связи с чем глаголы *продати* и *продавати* являются одними из самых частотных в произведении. Кроме рассмотренных выше протоперфективных форм глагола *продати* в тексте также встречается значительное количество вторичных имперфективных форм глагола *продавати*, образованного от предельного глагола *продати* при помощи суффикса *-ва-*, который в данный исторический период выступает как высокопродуктивное специализированное средство имперфективации в глаголах с исходом основы на гласный звук (Силина 1982: 170).

В анализируемом тексте глагол встречается в имперфективной форме перфекта *продавали* в примере (14), в форме презенса *продают* в примере (15), а также в инфинитивной форме *продавати* примерах (17) и (18). Рассмотрим эти примеры:

- (14) А **продавали** голову полону по 10 тенекъ, а иную по 5 тенекъ, а робята по две тенки.(376)
А продавали человека по десять тенек, а иных и по пять, а детей — по две тенки.

- (15) Ины гундустанцы тѣх имают, да учат ихъ всякому рукодѣлю, а иных **продают** ночи, чтобы взад не знали бежать, а иных учат базы миканет.(358)
Иные гундустанцы их подбирают и учат всякому ремеслу, а других продают ночью, чтобы они назад не могли бежать, а иных учат людей забавлять.

- (10) Приводят кони, до 20 тысящъ коней **продавати**, всякий товар свозят;(356)

Приводят коней, до двадцати тысяч коней продавать, да всякий товар свозят.

(18) А все то камение, да яхонты, да алмаз покупили на меликтучара, заповѣдал дѣлярем *пришли* что гостем не **продавати**, а тѣ пришли о Оспожинѣ дни к Бедерю граду.(372)

И все те камни, и яхонты, и алмазы скупили от имени мелик-ат-туджара, и он запретил мастерам продавать их купцам, что пришли в Бидар на Успенье.

При суффиксации приставочный протоперфективный глагол изменяет свою аспектуальную принадлежность, приобретая имперфективное значение длительности и итеративности действия. Аналогично другим импрефективным приставочным формам вторичные имперфективы с приставкой *про-* связаны с итеративным контекстом. При имперфективации к результативному значению приставки, рассмотренному в протоперфективных формах *продал* и *продахъ* в примерах (12) и (13) добавляется значение итеративности действия. Таким образом, предельность действия в имперфективном глаголе *продавати* реализуется каждый раз в итеративном контексте, то есть всякий раз когда действие повторяется.

В «Хождении» наряду с приставочными имперфективными формами перфекта *продавали* в примере (4) и презенса *продают* в примере (15) от глагола *продавати* встречаются также его приставочные протоперфективные корреляты, представленные формой перфекта *продал* в примере (12) и формой аориста *продахъ* в примере (13). Можно утверждать, что протоперфективный глагол *продати* с конкретно-фактическим значением образует протоаспектуальную пару со своим вторичным имперфективным коррелятом *продавати*, выражающим итеративное неограниченно-кратное значение.

Приставка *раз(ь)/роз(ь)-*

Первоначальное пространственное значение приставки *раз(ь)/роз(ь)-* описывает действие, которое совершается «из центра в разные стороны» и семантически приближается к латинскому префиксу *dis-*. Очень часто к этому значению добавляется негативная коннотация «разрушения», «разделения» и даже «уничтожения», как это видно в том числе из примеров, выявленных в «Хождении».

Л. Руволетто определяет пространственное значение приставки как «характеризующееся центробежным динамизмом, по отношению к воображаемому месту, из которого развивается действие, выраженное базовым глаголом» (Ruvoletto 2016: 123). Другой лингвист, М. Саккини, указывает в своем исследовании на тот факт, что приставка *раз(ь)/роз(ь)-* является одной из немногих, наряду с префиксом *в(ь)з-*, у которой как в древнерусском, так и в современном русском языке отсутствует формально соответствующая ей предложная форма с тем же пространственным значением. При этом, однако, соответствующий предлог в форме *roz* сохранился в польском и других (кроме восточнославянских) славянских языках (Sacchini 2014: 198).

В тексте «Хождения» приставка представлена следующими фонетическими вариантами: *роз-/ раз-/ рас-*. Приставка *рас(ь)-* употребляется перед глухими согласными, в то время как вариант *раз(ь)-* перед звонкими. Как отмечает Л. Руволетто, в «Повести временных лет» приставка *раз(ь)/роз(ь)-* сохраняет (ь) только в церковных контекстах на религиозную тематику, которые характеризуются лингвистической консервативностью (Ruvoletto 2016: 84). Что касается «Хождения», в тексте не выявлены приставочные формы с данным префиксом, сохранившие (ь).

При этом, приблизительно с одинаковой частотностью встречаются как приставочные формы с церковнославянским вариантом *раз(ь)/рас(ь)-*, так и собственной древнерусской формой *роз(ь)-*. Т.П. Ломтев приводит данные, согласно которым форма *роз(ь)-* была восточнославянским вариантом той приставки, церковнославянским (южнославянским) вариантом которой являлась форма *разь-*. В русском языке закрепился по преимуществу церковнославянский вариант *раз-*, заместивший исконно-русский *роз-*, *рос-*. В белорусском языке вариант *раз-* закрепился на другом (фонетическом) основании: здесь *-a-* отражает акающее правописание. В украинском языке мы находим форму *роз-*. Однокоренного предлога *раз (роз)* в восточнославянских языках нет (Ломтев 196: 246).

Этимологически приставка восходит к праславянскому **orz-* (<**ord-z*), где *-z* аналогично *без-*, *воз-*, *из-* (ЭСРЯ).

Исключительно пространственное значение приставка *раз(ъ)-/роз(ъ)-* может принимать в комбинации с неопределёнными глаголами. В «Хождении» данное значение встречается лишь однократно в примере (11), который мы рассмотрим в разделе, посвященном вторичной имперфективации.

Преобладающим значением приставки *раз(ъ)-/роз(ъ)-* в анализируемом тексте является пространственно-результативное, встречающееся в комбинации с предельными глаголами.

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Когда к первоначальному пространственному значению приставки добавляется результативность, в этом случае ее значение можно определить как пространственно-результативное.

В «Хождении» приставка *раз(ъ)-/роз(ъ)-* выражает пространственно-результативное значение в сочетании с предельным глаголом определенного движения *ити*, представленным формой перфекта *розошлись* от глагола *разойтися* в примере (1); с предельным глаголом *грабити*, выраженным формой перфекта *разграбили* от глагола *разграбити* в примере (2); с предельным глаголом *дати*, встречающимся в форме аориста *раздаша* от *раздати* в примере (3); с предельным глаголом *бити*, в форме перфекта *разбило* от глагола *разбити* в примере (4); и наконец, с предельным глаголом *валити* в значении «ломать», также представленным формой перфекта *ся розвалило* от глагола *развалитися* в примере (4):

- (1) И мы, заплакавъ, да **розошлись** кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь;(352)
И мы, заплакав, разошлись кто куда: у кого что осталось на Руси, тот пошел на Русь;
- (2) И судно наше *меньшее* стало на ѣзу, и они нас взяли да того часу **разграбили**, а моя была мѣлкая рухлядь вся в меньшем судне.(350)
А меньшее наше судно у еза застряло, и они его тут же взяли и разграбили, а вся моя поклажа была на том судне.
- (3) Много **раздаша** брынцу, да перцу, да хлѣбы эфиопом, ини судна не пограбили.(376)
Много раздали рису, да перцу, да хлеба эфиопам, чтобы они судно не грабили.
- (4) А встала фуртовина на море, да судно меньшее **разбило** о берег.(350)
И поднялась на море буря, и судно меньшее разбило о берег.
- (5) А ту убили Шаусеня, Алеевых детей и внучать Махметевых, и онъ их прокляль, ино 70 городовъ **ся розвалило**.(352)
А тут убили шаха Хусейна, из детей Али и внуков Мухаммеда, и он их проклял - семьдесят городов разрушилось.

Пространственное значение приставки *раз(ъ)-/роз(ъ)-* в комбинации с глаголом определенного движения *ити* в примере (1) выражает движение в пространстве, а именно «движение из одной точки в разных направлениях». Данное значение «центробежного» разнонаправленного движения в контексте также поддерживается обстоятельством места *кои куды*.

В отличие от примера (1), в котором пространственное значение приставки *раз(ъ)-/роз(ъ)-* проявляется в своем первоначальном виде, пространственное значение этой приставки в примерах (2)-(5) смещается в сторону более абстрактного значения «дезинтеграция, разрушение, распад». Семантика базовых глаголов *грабити* в примере (2) и *дати* в примере (3), с имплицитным значением «действие, направленное в противоположную от объекта или субъекта сторону» приобретает в сочетании с пространственным значением приставки *раз(ъ)-/роз(ъ)-* «в разные стороны» значение дивергентного действия, совершающегося или производимого одновременно в разных направлениях: *раздаша* и *разграбили*. В то же время комбинация первоначального пространственного значения приставки *раз(ъ)-/роз(ъ)-* с глаголами *бити* в примере (4) и *валити* в примере (5), семантика которых включает концепт «разрушение», усиливает данное семантическое значение приставочных глаголов, внося значение «полное разрушение или дезинтеграция единого целого на части вследствие воздействия внешней силы».

Все приведенные базовые глаголы являются терминативными, поскольку их семантика включает в себя имплицитное значение внутренней предельности действия. Вследствие чего при префиксации, кроме первоначального пространственного значения приставки, семантика соответствующих приставочных глаголов приобретает еще и значение результативности, указывающее на произошедшую смену ситуации и достижение внешнего (физического) предела действия.

РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Напомним, что только результативное значение у приставки возникает, когда последняя утрачивает свое первоначальное пространственное значение, становящееся в результате десемантизации неочевидным или трудно определяемым.

В «Хождении» результативное значение приставка *раз(ъ)-/роз(ъ)-* приобретает в комбинации с неопредельным глаголом *говети* в значении «поститься» и с предельным глаголом *пытати* в значении «спрашивать», представленными соответствующими формами приставочного аориста *розговѣхся* в примере (6) и *распытах* в примере (7):

(6) А Велика дни крестьянскаго не вѣдаю Христова въскресения, а говѣино же ихъ говѣх з бесермены, и **розговѣхся** с ними, и Велик день взял в Кельбери от Бедери 10 ковов.(374)

А когда великий день христианский Христова Воскресения не знаю, постился же с мусульманами в их пост, и разговелся с ними, а Пасху отметил в Гулбарге, от Бидара в десяти ковах.

(7) Да о вѣрѣ же о их **распытах** все, и оны сказывают: вѣруем въ Адама, а буты, кажутъ, то есть Адамъ и род его весь.(360)

Да о вере я у них все расспросил, и они говорят: веруем в Адама, а буты, говорят, и есть Адам и весь род его.

Следует подчеркнуть, что разновидность результативного значения, которое приставка *раз(ъ)-/роз(ъ)-* приобретает в комбинации с базовыми глаголами *говети* и *пытати*, можно определить как результативное интенсивно-ингрессивное. Данное значение связано с переходом субъекта в новое состояние в связи с достижением самой высокой степени интенсивности в развитии действия. Данная интерпретация выявляет как ингрессивное значение (возникновение нового состояния), так и результативное значение (достижение предела интенсивности и последующий переход в новое состояние). Л. Руволетто в своей работе ссылается на исследование А.В. Исаченко, посвященное глаголам этого типа, в котором они определяются как примеры «эволютивной совершаемости», поскольку «эти глаголы отличаются от ингрессивной результативности тем, что выражают не начало действия, а достижение максимальной интенсивности этого действия как результат постепенного ее нарастания в начальной фазе этого действия» (Ruvoletto 2016: 87).

Это происходит в том случае, когда действие, выраженное неопредельным глаголом, выражает физическое или психическое состояние субъекта, чаще всего в комбинации с возвратным циркумфиксом *-ся*, имплицитно указывающим на то, что действие направлено на сам субъект. Рассмотрим как данное значение приставки *раз(ъ)-/роз(ъ)-* проявляется в примерах (6) и (7).

В примере (6) семантика неопредельного базового глагола *говети* выражает процессное значение «соблюдать пост». В комбинации с префиксом *раз(ъ)-* приставочный глагол *розговѣтися* приобретает результативное значение, указывающее на достижение процессом (*говети*) своего временного предела и на переход к новому состоянию (вновь обретенное разрешение принимать скоромную пищу). Кроме прочего, результативность действия подчеркивается параллельным употреблением бесприставочного глагола *говѣх* и его приставочного коррелята с возвратным циркумфиксом *-ся розговѣхся*, которые соотносятся

между собой как процесс (*говѣх*): событие (*розговѣхся*), в результате которого происходит смена ситуации (окончание поста).

Что касается примера (7), в приставочном глаголе *распытати* приставка *раз(ъ)-/роз(ъ)-* выражает результативное значение, описывающее переход субъекта в новое психическое состояние (=знание). Новое состояние возникает вследствие накопления некоторого количества результата во время происходящего процесса, выраженного предельным бесприставочным глаголом *пытати* в значении «спрашивать» и последующего перехода его в новое качественное состояние, выраженное приставочной формой аориста *распытах* (=получил знание (сведения) в результате расспроса).

ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

Аналогично другим приставочным глаголам, в «Хождении» встречаются примеры вторичных имперфективных коррелятов, образованные от соответствующих приставочных протоперфективных глаголов с префиксом *раз(ъ)-/роз(ъ)-*.

В примерах (8) и (9) средством имперфективации выступает суффикс *-ива-/ыва-*, который в сочетании с предельным приставочным глаголом *разбити* образует вторичный имперфективный глагол *разбивати*, в данном случае, со значением «заниматься разбоем», представленный в тексте «Хождения» формой презенса *разбивают* в примере (8), а также формой имперфективного перфекта *разбивали* в примере (9). В то время как вторичный имперфективный коррелят *разваляти*, представленный в тексте формой презенса *разваляют* в примере (10), образуется от протоперфективного приставочного глагола *развалити* при помощи суффикса *-ја-*. Как отмечает В.Б. Силина, данный суффикс обнаруживал слабую продуктивность в качестве средства образования неопределенных глаголов, а также первичного средства имперфективации. Однако образования на *-ја-* сохраняли употребительность на протяжении всего древнерусского периода (Силина 1982: 166).

Рассмотрим следующие примеры (8)-(10):

- (8) А **разбивают** все кафары, ни крестияне, не бесермене;(356)
А разбойничают кафары, не христиане, не мусульмане;
- (9) Меликътучар два города взял индийских, что **разбивали** по морю Индийскому.(370)
Мелик-ат-туджар взял два города индийских, что разбойничали на Индийском море.
- (10) Да кто замает, и они ся жалуют князю своему, и онъ *посылает* на того свою рать, и оны, пришед на град, двory **разваляют** и людей побьют.(358)

А кто обидит, и жалуются они своему князю, и он посылает на того свою рать, и они, к городу придя, дома разрушают и людей убивают.

Аналогично вторичным имперфективам с другими приставками, имперфективные приставочные глаголы *разбивати* в примерах (8)-(9) и *разваляти* в примере (10) ассоциируются с итеративным контекстом и выражают неограниченно-кратное значение.

Примечательно, что оба имперфективных глагола встречаются в тексте наряду с собственными протоперфективными приставочными коррелятами, от которых они были образованы, соответственно: *разбити*, представленный формой перфекта *разбило* в примере (4) и *розвалитися*, также в форме перфекта *ся розвалило* в примере (5). Этот факт позволяет говорить о том, что протоперфективные глаголы *разбити* и *розвалити*, выражающие конкретно-фактическое значение, образуют протоаспектуальные пары с собственными имперфективными приставочными дериватами с итеративным значением, соответственно *разбивати* и *розваляти*.

Рассмотрим еще один пример вторичного приставочного имперфектива, представленный формой презенса *розвозят* от глагола неопределенного движения *развозити* в примере (11).

(11) А в Кулури же родится ахикъ, и ту его дѣлают, на весь свѣтъ оттуду его **розвозят**;(376)

А в Каллуре родится сердолик, и тут его обрабатывают, и по всему свету оттуда его розвозят.

Напомним, что вторичный импрефективный коррелят *развозити* восходит к древним приставочным итеративам на *-и-*. Данный способ имперфективации оказался непродуктивной моделью в ходе развития видовых оппозиций, однако древние парные соотношения, включающие итеративы данного типа оказались очень устойчивыми. Свидетельством их устойчивости служит и тот факт, что, к примеру корреляция *развезти-развозити* дошла в неизменном виде до современного русского языка.

Приставка *раз(ъ)-/роз(ъ)-* в комбинации с непередельным глаголом неопределенного движения *возити* реализует первоначальное пространственное значение, придавая семантике приставочного глагола *развозити* значение точного направления «в разные стороны», а также имплицитное значение внутреннего предела, отсутствовавшее у него до префиксации.

Кроме этого, обстоятельство места, выраженное наречием *оттуду*, эксплицитно указывает на начальный пространственный предел действия, т.е. «место в пространстве, откуда берет начало действие», выраженное приставочным глаголом неопределенного движения *развозити*».

Приставка *с(ъ)-*

Первоначальное пространственное значение приставки *с(ъ)-*, встречающееся в «Хождении» как с неопределёнными глаголами неопределённого движения, так и в составе пространственно-результативного значения, можно определить как «приближение - схождение», что во многом приближается к пространственному значению омонимичного предлога *с(ъ)*, управляющего творительным падежом.

Следует подчеркнуть, что среди лингвистов до сих пор нет единого мнения по поводу толкования первоначального пространственного значения приставки *с(ъ)-*, которое интерпретируется достаточно неоднозначно в исследованиях, посвященных данному префиксу. Например, по мнению М. Саккини, первоначальное пространственное значение приставки *с(ъ)-*, к которому можно было бы свести все сложное семантическое разнообразие значений приставочных глаголов с префиксом *с(ъ)-*, наиболее правильно было бы рассматривать с точки зрения концепта «приближение сверху, сбоку, в сторону определенной точки в пространстве» (Sacchini 2014: 205). В то время как С.Д. Никифоров считает, что первоначальным пространственным значением префикса *с(ъ)-* в древности было «удаление от какого-либо места, чаще с поверхности какого-либо предмета, вниз или в сторону (глаголы обозначают физическое действие): *сечь-ссечь, бежать-сбежать*» (Никифоров 1952: 39). Л. Руволетто описывает данное значение префикса в терминах «приближение-схождение» (Ruvoletto 2016: 131-132). В современном русском языке пространственное значение префикса определяется как «движение вниз», проявляющееся исключительно с глаголами определенного движения или значение «перемещения туда и обратно», встречающееся только с глаголами неопределённого движения (Зализняк, Шмелёв 2000: 91).

Следует добавить, что приставка *с(ъ)-*, аналогично рассмотренной ранее приставке *в(ъ)з-*, встречается в тексте «Хождения» как в полногласной форме *со-*, возникшей при вокализации (*ъ*), как это происходит в примерах (1), (2), (7), так и в варианте *с-*, образованном при выпадении редуцированной гласной (*ъ*) (в остальных примерах).

Кроме этого, в приставочной форме *зговорих* в примере (3) можно наблюдать явление фонетической ассимиляции, при которой приставка *с(ъ)-* употребляется в форме звонкого аллофона *з-*, согласуясь по звонкости/глухости со следующим за ним согласным звуком.

ПРОСТРАНСТВЕННО- РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Пространственно-результативное значение объединяет в себе первоначальное пространственное значение префикса *с(ъ)-* со значением результативности, указывающим на

достижение физического предела действия. Как правило, данное значение приставка *с(ъ)-* приобретает в сочетании с предельными глаголами. В большинстве случаев, результативно-пространственное значение приставки *с(ъ)-* проявляется в комбинации с переходными глаголами, управляющими эксплицитно выраженным прямым дополнением (Ruvoletto 2016: 92).

В «Хождении» пространственно-результативное значение приставка *с(ъ)-* выражает в сочетании с переходным предельным глаголом *брати*, представленным формой перфекта *собрал* от приставочного глагола *собрати* в примере (1):

- (1) и ты чтобы, меня дѣля, люди ко мнѣ прислал и товар их **собрал**, занже тѣ люди посланы на мое имя.(350)
и чтобы ты, ради меня, людей ко мне прислал и товар их собрал, потому что те люди посланы ко мне.

В примере (1) пространственное значение приставки *с(ъ)-* в сочетании с глаголом *брати* может быть интерпретировано как «схождение, конвергенция». При этом, к имплицитному значению внутреннего предела, которое включает в себя семантика предельного глагола *брати*, при префиксации добавляется значение результативности, указывающее на достижение пространственного предела действия.

Внешний предел достигается в тот момент, когда действие, направленное на объект, в форме прямого дополнения *товар их*, не может быть продолжено, поскольку исчерпало свой физический лимит. Вследствие чего предел действия в примере (1) может интерпретироваться как достижение определенной точки пространства в результате «схождения, конвергенции» направленного действия, обозначенного приставочным глаголом *собрати*.

ТОЛЬКО РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В тексте «Хождения» результативное значение приставки *с(ъ)-* является самым часто встречающимся среди приставочных глаголов, образованных посредством префикса *с(ъ)-*.

Напомним, что результативное значение становится доминирующим, когда в результате десемантизации приставка полностью утрачивает свое пространственное значение. Как правило, данное значение приставки *с(ъ)-* проявляется в сочетании с предельными глаголами. Примечательно, что префикс *с(ъ)-* с исключительно результативным значением чаще всего встречается в комбинации с глаголами, принадлежащими к определенному семантическому полю. Например, к такому как

«создание, изготовление, производство, выполнение, осуществление» или «сохранение». Л. Руволетто выдвигает гипотезу, что, по всей вероятности, это происходит благодаря первоначальной пространственной семантике приставки *с(ъ)*- «схождение, конвергенция», отсылающей к идее «объединенных элементов» (Ruvoletto 2016: 94).

В анализируемом тексте приставка *с(ъ)*- выражает только результативное значение в сочетании со следующими предельными глаголами: с глаголом *творити*, встречающимся в форме аориста *сътворих* от приставочного глагола *сотворити* в примере (2); с глаголом *говорити*, представленным формой *зговорих* от *сговорити* в примере (3); с глаголом *казати* в значении «говорить», в приставочной форме аориста *сказах* от глагола *сказати* в примере (4):

- (3) не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя, Господи, на путь правый, яко никоея же добродѣтели в нужи тѣй не **сътворих** тобѣ, Господи Боже мой, яко дни своя преплых во злѣ все.(368)
не дай, Господи, свернуть мне с пути истинного, наставь меня, Господи, на путь правый, ибо в нужде не был я добродетелен перед тобой, Господи Боже мой, все дни свои во зле прожил.
- (3) И внидох же в таву, и **зговорих** о *налонѣ* корабленем, а от своеса главы два златых до Гурмыза града *дати*;(376)
Взошел я на судно и договорился о плате корабельной – со своей головы до Ормуза два золотых дать.
- (4) И **сказах** имъ вѣру свою, что есми не бесерменинь *исаядениени* есмь христианинь, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани.(360)
И сказал им веру свою, что не мусульманин я, а *веры Иисусовой* христианин, а имя мое Афанасий, а мусульманское имя ходжа Юсуф Хоросани.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в примерах (2)-(4), семантика глаголов *творити*, *казати* и *говорити* в сочетании с пространственным значением приставки *с(ъ)*- «сближение, схождение» реализует общее значение «выполнения, осуществления». Рассмотрим каждый пример по отдельности.

Глагол *творити* в примере (2) может быть определен как терминативный¹⁴, поскольку именно присутствие прямого дополнения *добродѣтели* указывает на внутреннюю предельность. Таким образом, базовый глагол *творити* со значением «делать» в сочетании с приставкой *с(ъ)*- реализует значение «сделать, совершить». При этом префиксация, изменяя

¹⁴ Оба глагола *казати* и *творити* могут быть как неопредельными (activity), так и предельными (accomplishments): *казати* в первом случае означает «говорить», во втором «сказать»; *творити* означает в первом случае «действовать, вести себя», во втором «делать» (Руволетто 2016: 92)

аспектуальную принадлежность глагола, выдвигает на первый план результативное значение приставки, связанное с достижением глаголом внешнего предела действия.

В примере (3) в результате сочетания процессного значения глагола *говорити* с пространственным значением префикса *с(ъ)*- «схождение» семантика приставочного глагола *сговорити* приобретает результативное значение «договориться». Влияние «длительной» семантики базового глагола *говорити* позволяет рассматривать достижение предела как результат некоторого процесса, то есть в терминах процесса : событие, где *говорити* (процесс) : *сговорити* «достичь некоторой договоренности» (событие).

Результативное значение приставки, возникающее в результате префиксации, вкупе с формой аориста *сговорих* указывает на то, что действие достигло своего предела, что, в свою очередь, привело к смене ситуации. Таким образом, смена ситуации в данном случае может означать «получение возможности дальнейшего действия» (=ехать дальше), возникшей как результат «достижения договоренности».

Аналогично примеру (2), наличие прямого дополнения *въру* в примере (4) играет ключевую роль в развитии результативного значения у приставочного глагола *сказати*, поскольку именно переходность коренного глагола *казати* указывает на наличие у него внутреннего имплицитного предела. При префиксации внутренняя предельность глагола трансформируется в значение результативности, указывающее на достижение действием своего физического предела.

Несмотря на то, что в некоторых случаях пространственное значение приставки может гипотетически проявляться в той или иной степени, тем не менее, результативное значение приставки *с(ъ)*- во всех рассмотренных приставочных глагольных формах является доминирующим.

Следующая группа глаголов, в комбинации с которыми приставка *с(ъ)*- выражает только результативное значение: с глаголом *пасти*, встречающимся в форме императива *спаси* от приставочного глагола *спасити* в примере (5); с глаголом *миловатися*, представленного формой перфекта *смиловался* от глагола *смиловатися* в примере (6); с глаголом *жалитися*, в форме аориста *сжалихся* от глагола *сжалитися* в примере (7):

- (5) Господи Боже мой, на тя уповах, **спаси** мя, Господи Боже мой». (368)
Господи Боже мой, на тебя уповал, спаси меня, Господи Боже мой.

- (6) И Господь Богъ **смиловался** на свой честный праздникъ, не оставил милости своа от меня грѣшнаго и не велѣлъ погибнути в Чюнерѣ с нечестивыми. (354; 356)

И Господь Бог смилвался на свой святой праздник, не оставил милостью своей меня грешного, не дал погибнуть в Джуннаре с нечестивыми.

- (7) Аз же, рабище Божий Афонасий, **сжалихся** по вѣре крестьянской.(368)
Я же, раб Божий Афанасий, истосковался по вере христианской.

В примерах (4)-(6) семантика глаголов *пасти* (4), *миловати* (5) и *жалитися* (6) объединяется общим значением, предполагающим некое действие, направленное на сохранение целостного единства элементов, вовлеченных в процесс, и которое может быть определено как «сохранение, спасение». Интересно, что во всех трех примерах (4)-(6) данное фигуративное значение тесно связано с религиозным контекстом и выражает в разных вариациях идею «сохранения единства человека и Бога» как в примерах (4) и (5), либо «человека и веры» как это происходит в примере (6).

В частности, в примере (5) концепт «сохранение единства элементов» поддерживается также использованием параллельных синтаксических конструкций с омонимичным семантическим значением: наряду с формой перфекта *смилвался* в этом же предложении находим *не оставил милости своеа от меня грѣшнаго*.

При этом, при префиксации, изменяющей аспектуальную принадлежность глагола, на первый план выходит результативное значение приставки, которое становится доминирующим и указывает на достижение предела действия.

Рассмотрим еще один пример (7), в котором приставка *с(ѣ)*- выражает результативное значение в сочетании с предельным глаголом *жечи*, представленным протоперфективной формой презенса со значением будущего *сожжет* от приставочного глагола *сжечи* :

- (8) А в Гурмызе есть солнце варно, чловѣка **сожжет**.(352)
А в Ормузе солнце очень горячее, человека сожжет.

В результате префиксации, у приставочного глагола *сжечи* возникает значение «тотального всеобъемлющего действия» с негативной коннотацией, обусловленной «деструктивной» семантикой коренного глагола *жечи* «уничтожение посредством огня». Отметим также, что в данном случае результативное значение приставки *с(ѣ)*- также является преобладающим над её первоначальным пространственным значением.

С точки зрения выражения аспектуальности, протоперфективный приставочный глагол *сжечи* в примере (8) употреблен в форме так называемого неактуального настоящего *сожжет*, выражающей наглядно-примерное значение.

ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

Как уже было сказано ранее, развитие средств имперфектирующей суффиксации явилось главным фактором формирования аспектуальной категории русского глагола. Данный процесс подразумевает образование вторичных имперфективных коррелятов от приставочных глаголов совершенного вида (или *протоперфективного* в древнерусском языке) посредством суффиксации.

В тексте «Хождения» встречается достаточное количество примеров вторичных имперфективных форм, образованных от приставочных глаголов с префиксом *с(ъ)-*, среди которых приставочные имперфективы от глаголов определенного движения.

Рассмотрим первую группу имперфективов от глаголов движения, представленных формами презенса: *съезжается* в примере (9) от глагола неопределенного движения *съезжати*, а также формой *свозят* в примере (10) от глагола неопределенного движения *свозити*:

- (9) На год единь базарь, **съезжается** вся страна Индийская торговати, да торгуют 10 дни;(356)
Раз в год на тот базар съезжается торговать вся Индийская страна, и торгуют тут десять дней;
- (10) Приводят кони, до 20 тысящ коней продавати всякий товар **свозят**;(356)
Приводят коней, до двадцати тысяч коней продавать, да всякий товар привозят.

В приставочном имперфективном глаголе *съезжаться* в примере (9), аналогично рассмотренному ранее имперфективному глаголу с приставкой *вы-* *выезжати*, имперфективация происходит посредством продуктивного для данного периода суффикса -*ја-*. По аналогии с глаголом *выезжати*, можно предположить, что *съезжаться* первоначально также входил в тройную корреляцию *съехатися- съездитися, съезжаться* (Силина 1982: 205). Как и в случае с *выезжати*, в «Хождении» не встречаются примеры приставочного импрефектива на *-и-* *съездитися*, поскольку, гипотетически, он уже мог подвергнуться активно продолжавшейся в данный период лексической специализации имперфективов на *-и-* и сопровождавшей ее перфектизацией. Если провести параллель с современным русским языком, можно увидеть, что *съездити* обозначает «движение туда обратно».

В то время как в примере (10) вторичный имперфектив *возити* восходит к еще более древнему приставочному итеративу на *-и-*, оказавшемуся малоустойчивой моделью имперфективации, но проявивший большую устойчивость в древних парных протоперфективных корреляциях.

Таким образом, можно утверждать, что приставочные формы *съезжается* в примере (9) и *свозят* в примере (10) являются вторичными имперфективными коррелятами к протоперфективным приставочным глаголам определенного движения *съехатися* и *свезти* соответственно.

Приставка *с(ъ)-* в сочетании с неопределенными глаголами неопределенного движения выражает только пространственное значение «схождения (конвергенции) в единую точку пространства», придавая семантике приставочных глаголов *съезжатися* и *свозити* значение внутренней предельности, которое отсутствовало у них до префиксации. Кроме этого, в примере (9) на имплицитный пространственно-временной предел действия, выраженного приставочным глаголом неопределенного движения *съезжатися*, указывают и обстоятельства места и времени: *на год единъ базаръ (раз в год на тот базар)*. Поэтому в обоих примерах (9) и (10) приставка *с(ъ)-*, с одной стороны, придает глаголу значение внутреннего предела, а, с другой стороны, неопределенная семантика базового глагола, включающая в себя значение многонаправленности движения, приобретает в приставочном имперфективном глаголе неограниченно-кратное значение, связанное с итеративным контекстом и описывающее данное действие как регулярно повторяющееся событие.

Еще одна группа вторичных имперфективов представлена приставочными формами презенса *сказывают* в примере (11) и перфекта *сказывали* в примере (12), обе формы от глагола *сказывати*, образованного с помощью суффикса *-ыва-* от приставочного протоперфективного глагола *сказати*:

(11) Да о вѣрѣ же о ихъ распытахъ все, и оны **сказывают**: вѣруемъ въ Адама, а буты, кажутъ, то есть Адамъ и род его весь.(360)

Да о вере я у нихъ все расспросил, и они говорят: веруемъ в Адама, а буты, говорят, и есть Адам и весь род его.

(12) Мене залгали псы бесермены, а **сказывали** всего много нашего товара, ано нѣтъ ничего на нашу землю: все товаръ бѣлой на бесерменьскую землю, перецъ да краска, то и дешево.(356)

Мне солгали псы мусульмане, говорили, что много нашего товара, а нет ничего для нашей земли: все товар белый для мусульманской земли, перец да краска, да дешево.

В примерах (11) и (12) при суффиксации имперфектирующая функция суффикса *-ива-/-ыва-* изменяет аспектуальную принадлежность приставочного глагола. Обе имперфективные формы *сказывают* (11) и *сказывали* (12) выражают конкретно-процессное значение, описывающее процесс или состояние, длящееся в момент наблюдения. Напомним, что данное значение реализуется в настоящем, прошедшем и будущем времени.

Кроме этого, напомним, что суффикс *-ива-/-ыва-* является в данный период одним из наиболее активных средств при создании новых видовых корреляций. Подтверждением этому может служить и одновременное использование в тексте «Хождения» протоперфективной формы *сказати* и ее вторичного имперфективного коррелята *сказывати*, образующих протоаспектуальную пару.

Приставка у-

Первоначальное пространственное значение приставки у- можно определить как «в точном, определенном месте», по отношению к которому производится действие, выраженное базовым бесприставочным глаголом. Данное значение связано с омонимичным предлогом, управляющим родительным падежом (Ruvoletto 2016: 95).

Этимологически древнерусское у произошло частично из праславянского *и*, частично - из праславянского *о*. Последнее передается на письме с помощью *ж*. Обе эти гласные *и* и *о*, уже в «Остромировом евангелии», совпали в одном -у- (ЭСРЯ).

Что касается функционирования приставки в современном русском языке, по мнению некоторых лингвистов, приставка у- описывает ситуацию «подчинения процесса итогу» или «взгляд на процесс от итога». В толковании у- кроется следующая идея: в объекте заложена возможность приобрести определенное состояние и именно в связи достижением этого состояния и рассматривается процесс (Добрушина, Меллина, Пайар 2001: 51). В связи с чем «неконтролируемость достижения результата» означает, что достижение результата у глаголов с приставкой у- не определяется усилиями, не зависит от количества действия (потому что определяется не субъектом, а объектом). Вероятно поэтому, приставка у- достаточно часто сочетается с основами, не функционирующими вне приставок (например: *уточнить, удалить, уменьшить* и т.д.). Это происходит вследствие того, что для у- не слишком важен сам способ произведения действия, важен только результат (Добрушина, Меллина, Пайар 2001: 52).

Думается, что эта характеристика справедлива и применима в равной степени и к древнерусским приставочным глаголам с префиксом у-. Можно также предположить, что именно с данной функцией приставки у- и связано наличие в «Хождении» большого количества приставочных глаголов, в которых приставка у- приобретает исключительно результативное значение. Одновременно с этим в анализируемом тексте встречается очень незначительное число примеров с пространственно-результативным или только пространственным значением приставки у-.

ПРОСТРАНСТВЕННО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Пространственно-результативное значение приставки у- объединяет первоначальную пространственную идею приставки с результативным значением, возникающим при префиксации и определяющим достижение действием своего предела. Примечателен тот факт, что в некоторых случаях одновременно с возникновением результативного значения, может несколько видоизменяться и пространственная семантика префикса у-.

Пространственно-результативное значение приставка *у-* приобретает в комбинации со следующими предельными глаголами: с глаголом *вертети* в значении «круговое поступательное движение», представленным формой неактуального настоящего *увертит* от глагола *увертети* в примере (1), а также с глаголом *стремитися*, встречающимся в форме аориста *устремихся* от глагола *устремитися* в примере (2):

- (1) а князи и бояре толды на себя въздевают *порткы*, да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою опояшет, а третьєю голову **увертит**.(354)
а князья и бояре тогда на себя надевают порты, да сорочку, да кафтан, да фата по плечам, другой фатой [себя] опояшет, а третьей голову обернет.
- (2) Ту же и окаянный аз рабище Афонасей Бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣре по крестьяньской, и по крещении Христовѣ, и по говѣйнех святых отець устроеных, по заповедех апостольских и **устремихся** умом поитти на Русь.(376)
Тут я, окаянный Афанасий, раб Бога Вышнего, творца неба и земли, задумался о вере христианской, и о крещении Христовом, и о постах, устроенных святыми отцами, об апостольских заповедях и устремился умом пойти на Русь.

Значение, которое протоперфективная приставочная форма неактуального настоящего *увертит* выражает в примере (1) можно охарактеризовать как наглядно-примерное, описывающее обычное повторяющееся действие, которое для «наглядности» представлено как единичное. Данное значение реализуется в контексте, содержащем эксплицитное указание на повторяемость этого действия (в определенный период каждого года), в том числе и посредством употребления уточняющего обстоятельства времени *зима же у них* в значении «каждую зиму у них». С точки зрения развития аспектуальной системы интересно отметить тот факт, что одновременно с формой презенса со значением будущего *увертит* в этом же предложении встречается и вторичная имперфективная форма презенса *въздевают*, выражающая многократное или узувальное значение.

Пространственное значение приставки *у-* «в определенном месте в пространстве», по отношению к которому производится действие, в сочетании с семантикой базового глагола *вертети* «вращать, крутить» выражает действие, совершаемое «в точном, известном говорящему месте в пространстве», а именно «возле объекта» (головы). Что касается аспектуального значения приставочного глагола, протоперфективная форма неактуального настоящего *увертит*, аналогично двум другим приставочным формам в этом же предложении *въздевают* и *опояшет*, выражает итеративность и одновременно

результативность действия. Вследствие чего оно достигает своего физического предела всякий раз, когда совершается.

Что касается примера (2), при префиксации семантика приставочного глагола *устремится* не только приобретает результативное значение, но и в свою очередь несколько модифицирует первоначальное пространственное значение приставки *у-*, которое может быть интерпретировано как «удаление» по отношению к определенному месту в пространстве, в котором изначально находился субъект. Как видно из примера (2) приставка *у-* реализует данную разновидность пространственно-результативного значения в комбинации с глаголами определенного движения или с глаголами, которые выражают общее значение перемещения в пространстве.

ТОЛЬКО РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Только результативное значение становится преобладающим, когда в результате десемантизации приставка полностью утрачивает свое первоначальное пространственное значение. Чаще всего данное значение приставки *у-* проявляется в сочетании с предельными глаголами.

В «Хождении» приставка *у-* реализует исключительно результативное значение со следующими предельными глаголами: с глаголом *мерети*, встречающимся в форме перфекта *умерь* от глагола *умерети* в примере (5); с глаголом *бити* в значении «наносить удары», представленным формой перфекта *убили* от глагола *убити* в примере (6); с глаголом *чинити* в значении «совершать», встречающимся в форме перфекта *учинил* от глагола *учинити* в примере (7); с глаголом *дати*, в форме инфинитива *удатися* в примере (8); с глаголом **повати*, в значении «надеяться», представленным формой аориста *уповах* от глагола *уповати* в примере (9):

(5) Се же написано не обретох, в кое лѣто пошел или в кое лѣто пришел из Ындѣя, **умерь**, а сказывают что, деи, Смоленска не дошед, **умерь**.(348)

В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году пришел из Индии и умер, а говорят, что умер, не дойдя до Смоленска.

(6) А ту **убили** Шаусеня, Алеевых детей и внучать Махметевых, и онъ их прокляль, ино 70 городовъ ся розвалило.(352)

А тут убили шаха Хусейна, из детей Али и внуков Мухаммеда, и он их проклял - семьдесят городов разрушилось.

(7) А срок **учинил** на четыре дни, в Оспожино говѣйно на Спасов день.(354)

И срок назначил четыре дня, в Успенский пост на Спасов день.

- (8) А война **ся** имъ не **удала**, один город взяли индийской, а людей их много изгибло, и казны много истеряли.(374)

Война им не удалась — один город взяли индийский, а людей много у них погибло и казны много поистратили.

- (9) Господи Боже мой, на тя **уповах**, спаси мя, Господи Боже мой». (368)

Господи Боже мой, на тебя уповал, спаси меня, Господи Боже мой.

В приведенных выше примерах приставочные глаголы выражают действие, достигшее своего предела. Во всех случаях результативное значение приставки *у-* является преобладающим, в то время как ее пространственное значение абсолютно неочевидно.

В примере (5) результативное значение приставки *у-*, сочетаясь с глаголом *мерети* со значением «прекращение физического существования» придает его семантике значение предела, указывающего на наступление нового состояния, в данном случае смерти. В примере (6) глагол *бити* в комбинации с префиксом *у-* также приобретает результативное значение, указывающее на достижение физического предела действия и смену ситуации *убити* в значении «лишить жизни».

В примерах (7) и (8) присоединение приставки *у-* придает семантике коренных глаголов *чинити* в примере (7) и *дати* в примере (8) результативное значение предельности действия. При этом пространственное значение приставки *у-* полностью десемантизируется, становясь неочевидным, а приставочные формы перфекта принимают следующие значения: *учинил* «назначил» в примере (7), *война ся не удала* «не имела успеха» в примере (8).

И, наконец, пример (9), который является, безусловно, самым интересным с этимологической точки зрения. Приставочный глагол *упъвати* восходит к праславянскому языку и, по всей вероятности, образовался при сочетании приставки *у-* с коренным глаголом **пъвати*, восходящим к тому же гипотетическому основанию, что и польские существительное *рwa* «надежда» и прилагательное *реwnу́* «надежный». Отсюда следует, что в данном приставочном глаголе приставка *у-* приобрела характерное для нее чистовидовое значение уже в более ранний период, предшествовавший появлению древнерусского языка (ЭСРЯ).

Представляется, что *упъвати* это единственный в «Хождении» глагол с префиксом *у-*, в котором наряду с результативным значением приставки, возможно также гипотетически выявить остаточный след ее первоначального пространственного значения. Вследствие чего, сочетание пространственной идеи префикса *у-* «в определенном месте» с семантикой глагола

**пъвати* в приставочной форме *упъвати* предположительно может означать «надеяться у Бога», то есть просить защиты и покровительства у Бога.

Рассмотрим еще одну группу глаголов, которые Бермел относит к классу *punctual atelic* (Bermel 1997: 55, 127-128). В современном русском языке эти глаголы образуют с соответствующими приставочными коррелятами так называемые «перфектные» пары, в которых глагол несовершенного вида обозначает состояние, в то время как его приставочный дериват совершенного вида обозначает переход к этому состоянию (например: *видеть/увидеть*; *узнавать/узнать* и т.д.) (Зализняк, Шмелев 2000: 57).

В «Хождении» приставка *у-* выражает рассмотренное выше «перфектное» значение в сочетании с неопределенными глаголами физического восприятия: с глаголом *ведати* в значении «знать», представленным формой перфекта *увъдал* от глагола *увъдати* в примере (10), и с глаголом *видети*, встречающимся в форме презенса со значением будущего неактуального настоящего *увидит* от глагола *увидети* в примере (11):

- (10) А в том в Чюнерѣ ханъ у меня взял жеребца, а **увъдал**, что яз не бесерменянин — русинь.(354)
А в том Джуннаре хан забрал у меня жеребца, когда узнал, что я не мусульманин, а русский.

- (11) А пройти его не дай Бог никакову костяку: а кто его не **увидит**, тот поздорову не приидет морем;(364)
А пройти его не дай Бог никакому судну: кто его не увидит, тот благополучно по морю не пройдет.

Семантика приставочных глаголов *увъдати* в примере (10) и *увидети* в примере (11) предполагает наличие какого-то внешнего элемента, вызывающего определенное состояние субъекта в определенный момент времени. Функциональное значение приставки *у-* может интерпретироваться в данном случае как «ингрессивное», указывающее на начальный временной предел самого действия. Семантика глаголов *ведати* и *видети*, даже при наличии выраженного прямого дополнения, не обладает значением внутреннего имплицитного предела, вследствие чего эти глаголы могут рассматриваться подобно глаголам деятельности или стательным глаголам.

Так, в примере (3) глагол *въдати* выражает абстрактное «состояние знания», неограниченное временными рамками, в то время как приставочная форма *увъдал* «узнал» совершенно конкретно указывает не только на наступление нового состояния, но и на тот временной момент, в который данное состояние наступило (*когда хан забрал жеребца*). Аналогичным образом в примере (4) значение приставки *у-* в форме неактуального

настоящего *увидит* указывает на ограничение действия временным «ингрессивным» пределом, указывающим на смену ситуации и наступление нового состояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая дипломная работа посвящена исследованию приставочных глагольных форм в древнерусском языке на примере литературного материала, датируемого второй половиной XV века. В результате анализа, представленного в данной работе, были получены некоторые данные, касающиеся процесса формирования древнерусской аспектуальной категории на том историческом этапе развития языка, когда видовая категория еще не достигла абсолютной грамматикализации, представляя собой смешанное лексико-грамматическое явление. Полученные данные могут представлять интерес при дальнейших исследованиях эволюции аспектуальной категории глагола, и в особенности, развития вторичной имперфективации, в древнерусском языке.

В Предварительных замечаниях представлены историко-филологическая и археографическая справки, кратко характеризующие литературное произведение, послужившее источником материала для лингвистического анализа. В первой части Главы I приводятся обзорные сведения по истории исследования вопроса как российскими, так и зарубежными лингвистами в диахронической перспективе, начиная с конца XVIII века, в то время как во второй части этой же Главы I описываются основные теоретические положения, лежащие в основе исследуемой проблематики. В Главе II представлен анализ приставочных глаголов, на основе материала «Хождения». Для всех приставок: *в(ь)-*; *в(ь)з-*; *вы-/из-*; *до-*; *за-*; *на-*; *о-/об-*; *от-*; *пере-*; *по-*; *при-*; *про-*; *раз(ь)-/роз(ь)-*; *с(ь)-*; *у-*; анализ выполнен по двум основным направлениям: во-первых, перечисленные выше приставки были исследованы с точки зрения их взаимодействия с семантикой бесприставочной образующей основы, а также с точки зрения способности приставки в зависимости от семантики базового глагола развивать то или иное значение. Во-вторых, учитывая, что произведение относится к периоду интенсивного развития категории глагольного вида, особый интерес для нашего исследования представил анализ так называемых вторичных приставочных имперфективов. Каждый префикс был рассмотрен на предмет наличия в тексте вторичных имперфективных глаголов с этим префиксом, встречающихся в некоторых случаях в тексте одновременно с собственным протоперфективным коррелятом.

Результаты анализа значений приставок

В данной дипломной работе представлен анализ древнерусских приставочных глаголов с целью рассмотреть как соответствующие значения приставок, являющихся по происхождению пространственными, взаимодействуют со значением производящей

бесприставочной глагольной основы, в зависимости от акциональной принадлежности глагола.

Анализ значений приставок производился в соответствии с определенной схемой: были рассмотрены значения, которые каждая отдельная приставка развивает в сочетании с образующими глагольными основами, (как с предельными, так и с непредельными), с выделением лексических, акциональных и аспектуальных преобразований, возникающих у глаголов в результате присоединения приставки с целью выявить способы эволюции морфологической функциональности, связанной с префиксацией. Данная схема предполагает три варианта значений (пространственное, пространственно-результативное и только результативное). Первое значение, которое можно обозначить как пространственное или пространственно-временное, возникает у приставки в сочетании с непредельными глаголами, которые благодаря лексическому значению префикса могут развивать разные вариации значений от только лексического до акционального, выражающего какой-либо способ действия. Второе значение, пространственно-результативное, чаще всего образуется в комбинации с предельными (терминативными) глаголами, семантика которых включает в себя понятия пространственности и предельности и состоит в появлении у глагола пространственного и одновременно результативного значения. И, наконец, третье значение, результативное, которое глагол приобретает в результате префиксации, не связано ни с пространственными ни с временными характеристиками протекания действия, а лишь обозначает тот факт, что действие достигло своего физического предела (т.е. действие завершено и не может развиваться далее). Вероятно, именно данное значение, возникающее в комбинации с предельными (терминативными) глаголами, когда происходит частичная или полная десемантизация префикса с потерей им своего первоначального пространственного значения, и явилось предпосылкой для возникновения собственно протоаспектуального значения у древнерусского глагола.

Таким образом, из представленного анализа приставочных глагольных форм можно сделать следующие выводы: приставка в комбинации с образующими глагольными бесприставочными основами, в лексическом значении которых содержится имплицитное значение внутреннего предела, (т.е. предельные глаголы), превращает данное значение в эксплицитное, развивая у глагола результативное значение. Напомним, что результативное значение с течением времени начинает приобретать статус и восприниматься в качестве истинного аспектуального значения именно в тот период, когда процесс формирования аспектуальных пар (глаголы сов. и несов. видов), становится особенно продуктивным. Напомним, что под явлением глагольной имперфективации подразумевается процесс

образования вторичных имперфективных коррелятов от соответствующих перфективных глаголов посредством специализированных имперфективирующих средств (чаще всего суффиксов).

Далее в сжатой форме приводятся значения, выявленные при анализе приставок. Приставки (в общем количестве 15), каждая из которых описывается в отдельном абзаце, расположены в (русском) алфавитном порядке. Для всех приставок кратко приводится первоначальное пространственное значение, а также рассматриваются значения видового типа, которые приставка развивает в сочетании с глаголами, относящимся к различным акциональным классам. Кроме этого, приводятся некоторые данные о количестве и соотношении выявленных значений.

Приставка *в(ь)*-

Пространственное значение приставки *в(ь)*- «внутри» соотносится со значением омонимичного предлога *в(ь)*, употребляющегося с винительным и предложным падежами. В «Хождении» приставка получает пространственно-результативное значение со следующими предельными глаголами: во-первых, с группой глаголов определенного движения, которые выражают как пространственную направленность движения, так и указание на достижение предела действия (результативная функция). Во-вторых, приставка *в(ь)*- приобретает вышеуказанное значение в комбинации с предельным глаголом (не движения), который встречается в тексте одновременно с собственным вторичным имперфективным коррелятом.

Приставка *в(ь)з*-

Пространственное значение приставки *в(ь)з*- может быть определено как «вверх, наверх». Данный префикс относится к типу приставок, которые не имеют материально соответствующего им предлога в современном русском языке, но имели его в древнерусском и старославянском. В «Хождении» приставка *в(ь)з*- выражает пространственно-результативное значение в сочетании с глаголами движения либо с глаголами, семантика которых включает значение «перемещение в пространстве». Кроме этого, в тексте встречаются два примера с пространственно-результативным значением «ингрессивного» типа (т.е. представляют собой мгновенное действие, наблюдаемое в момент его совершения). В «Хождении» также выявлено несколько глагольных форм с только результативной функцией префикса, поскольку его пространственное значение больше не представляется очевидным. И наконец, в произведении выявлена одна вторичная имперфективная форма с приставкой *в(ь)з*-.

Приставка *вы-/из-/ис-*

Приставки *вы-/из-* рассматриваются вместе, поскольку обладают сходным пространственным значением «перемещение изнутри наружу». Приставка *вы-* не имеет соответствующего омонимичного предлога, по значению ей соответствует предлог *из*, в соответствии с которым существует также приставка *из-*. В «Хождении» данные приставки выражают пространственно-результативное значение в комбинации с глаголами определенного движения, а также с группой предельных глаголов, семантика которых также подразумевает метафорическое движение «изнутри наружу». Кроме того, в тексте выявлены некоторые примеры предельных глаголов, с которыми приставка *из-* приобретает только результативное значение, отодвигая пространственное значение на второй план. В то же время примеры с приставкой *из-* с только результативным значением в работе выявлены не были. И наконец, в работе встречается значительное количество вторичных имперфективных глаголов движения с префиксом *вы-* (по форме приставочные глаголы неопределенного движения), и при этом не обнаружено ни одного приставочного глагола движения, образованного при помощи приставки *из-*.

Приставка *до-*

В «Хождении» приставка *до-* является менее употребительной в сравнении с другими префиксами. Ее первоначальное пространственное значение «достижение предела» приближается к значению омонимичного предлога *до*, управляющего родительным падежом. В тексте встречается многочисленная группа производных от *доити*, (образованного сочетанием приставки *до-* с глаголом определенного движения *ити*), в которых приставка *до-* выражает пространственно-результативное значение. Кроме этого, выявлен единственный пример с предельным глаголом (не движения) *дотычут*, в котором префикс *до-* также приобретает пространственно-результативное значение. Следует подчеркнуть, что данный приставочный глагол представлен формой так называемого «неактуального настоящего», широко употреблявшегося в древнерусском языке и сопоставимого по значению с наглядно-примерным значением в современном русском языке.

Приставка *за-*

Первоначальное пространственное значение приставки *за-* можно обозначить как «преодоление предела и направленность действия в пространство, находящееся за этим пределом». Это значение соотносится со значением омонимичного предлога *за* «позади, сзади», употребляющимся с винительным падежом, если контекст подразумевает

перемещение в пространстве, или с творительным падежом, если контекстом указывается на действие как состояние. В «Хождении» выявлен пример, в котором приставка *за-* приобретает пространственно-результативное значение в сочетании с предельным глаголом, со значением перемещения в пространстве. В тексте также встречаются некоторые примеры, в которых приставка *за-* принимает значение так называемого «ингрессивного» типа. В нашей работе мы определили данное значение как ингрессивно-результативное, поскольку оно, кроме прочего, указывает на достижение действием своего предела. Затем, в некоторых примерах значение приставки *за-* приближается к только результативному. В случае с приставкой *за-* утрата первоначального значения возникает чаще всего по причине десемантизации, происходящей, по всей вероятности, вследствие наложения (частичного совпадения) значений префикса и производящей глагольной основы. И наконец, в «Хождении» с данным префиксом встречаются также две вторичные имперфективные формы.

Приставка *на-*

Пространственное значение приставки *на-* «сверху, против» также связано со значением омонимичного предлога, управляющего винительным и предложным падежами. Значения, которые приставка *на-* развивает в комбинации с глагольными основами в «Хождении», могут быть определены как пространственно-результативное значение I и пространственно-результативное значение II.

Пространственно-результативное значение I реализуется с предельными глаголами, среди которых также присутствуют глаголы определенного движения. Таким образом, приставочные глаголы, которые выражают движение, либо перемещение в пространстве в общем смысле, образуют в тексте самую многочисленную группу предельных глаголов, которые присоединяют этот префикс.

Второй тип пространственно-результативного значения является более абстрактным, и может быть определено как «кумулятивное» (накопления) либо «насыщение», что подразумевает постепенное развитие ситуации в отношении субъекта / субъекта, приводящее к «накоплению» результата. С данным значением в «Хождении» выявлен только один пример.

Приставка *о-/об-*

Первоначальное пространственное значение приставки *о-/об-* подразумевает, что действие, выраженное глаголом, происходит «рядом, по сторонам, предельно близко, вокруг» объекта / субъекта (логически выводимого из контекста, в том случае, если текст не

содержит прямого указания на него). По значению приставке *о-/об(ь)-* соответствует омонимичный предлог *о/об*, управляющий винительным и предложным падежами. В «Хождении», выявлено значительное количество примеров, в которых приставка выражает пространственно-результативное значение в сочетании с предельными глаголами. В большинстве случаев такие глаголы называют конкретное описательное действие, имеющее явную пространственную направленность. Кроме того, в тексте встречается большая группа глаголов, в которых приставка выступает в результативной функции, потому как ее значение больше не связывается с понятием пространства, а лишь содержит указание на достижение предел действия. Наконец, были рассмотрены два случая вторичных имперфективных форм, одна из которых встречается в тексте одновременно с соответствующим проперфективным глаголом, с которым образует аспектуальную пару.

Приставка *от-*

Первоначальное пространственное значение приставки *от-* можно определить как «удаление от исходной точки». Приставке соответствует предлог *от*, с омонимичным пространственным и временным значением, который управляет родительным падежом. В «Хождении» приставка *от-* развивает пространственно-результативное значение в сочетании с предельными глаголами.

Кроме этого, в тексте встречается один пример, в котором приставка *от-* приобретает данное значение в комбинации с неопредельным глаголом *просити*. Отношения между образующим глаголом и его приставочным коррелятом могут быть описаны как соотношение *процесс (просити базовый глагол) : событие (отпросити приставочный глагол)*. Префиксация в этом случае влечет за собой изменение акциональной принадлежности приставочного глагола, поскольку добавляет его семантике значение предела действия.

Приставка *по-*

Приставка *по-* с первоначальным пространственным значением «распространение какого-то действия по поверхности какого-то предмета» является в «Хождении» самой высокочастотной в сравнении с другими приставками, употребляясь в большинстве случаев в результативной функции. Другая большая группа представлена глаголами определенного движения, (в общей сложности в тексте выявлено 24 формы глагола), с которыми приставка *по-* выражает значение, которое можно определить как пространственно-результативное «ингрессивного» типа, поскольку оно объединяет идею начала действия с его развитием. Наличие большого количества глаголов определенного движения в тексте можно объяснить

тем фактом, что произведение описывает путешествие и относится к жанру *хождений*. Кроме того, в работе выявлены три случая, когда префикс *по-* приобретает пространственно-результативное распределительного «дистрибутивного» типа в сочетании с предельными глаголами. Напомним, что реализация «дистрибутивного» значения приставки *по-* всегда обусловлена наличием множественного субъекта / объекта, к которому относится действие. Кроме того, в тексте присутствует несколько вторичных имперфективных форм, две из которых появляются в тексте одновременно с соответствующими протоперфективными формами, с которыми они образуют протоаспектуальные пары.

Приставка *пре-/пере-*

Приставка *пре-/пере-* обладает первоначальным пространственным значением «пересечение объектом определенной поверхности», в результате чего изменяется локализация этого объекта. В «Хождении» встречаются только два примера, в которых приставка, сочетаясь с предельными глаголами определенного движения, приобретает пространственно-результативное значение. В обоих случаях семантика глаголов в комбинации с приставкой развивает значение «движение, ориентированное на пересечение поверхности». Кроме того, обе формы представлены церковнославянским фонологическим вариантом *пре-*, а исконно русская полногласная форма *пере-* в работе полностью отсутствует. Существует вероятность, что в анализируемом тексте предпочтение церковнославянской формы *пре-* русской форме *пере-* может быть связано сугубо со стилистической функцией. Как это происходит и в случае с использованием аориста во всех контекстах, касающихся христианской веры. Действительно, оба глагола определенного движения *преплых* и *преидох* употреблены в форме аориста и связаны с контекстом, описывающим религиозный опыт путешествующего купца.

Приставка *при-*

Приставка *при-* выражает первоначальное пространственное значение «приближения / нахождение вблизи». Приставке соответствует омонимичный предлог *при*, обладающий идентичным пространственным значением. Первая обширная группа, выявленная в «Хождении», в которой приставка выражает пространственно-результативное значение «приближение к определенной точке в пространстве», включает в себя глаголы определенного движения. Аналогично приставке *по-*, большое количество глаголов движения, которые присоединяют данный префикс, объясняется литературным жанром произведения, описывающего торговое путешествие. В отличие от глагольных форм с приставкой *по-*, которые в большинстве случаев описывают начальную «ингрессивную»

фазу перемещения, приставочные формы с *при-* в «Хождении» указывают на пункт прибытия путешественника («приближение»). Кроме этого, в тексте выявлено большое количество вторичных имперфективных глаголов движения (в форме приставочных глаголов неопределенного движения). Многие из этих форм встречаются в тексте параллельно с соответствующими протоимперфективными формами (т.е. приставочными глаголами определенного движения), с которыми образуют протоаспектуальные пары.

Приставка *про-*

Первоначальное пространственное значение приставки *про-* тесно связано с понятием пространственного или временного интервала и подразумевает «действие, развивающееся в определенный пространственный или временной отрезок». В «Хождении» приставка *про-* приобретает пространственно-результативное значение, когда пространственное значение в приставочных глагольных формах сочетается со значением достижения действием своего предела. Чаще всего приставка *про-* развивает данное значение с предельными глаголами, выражающими перемещение в пространстве. В «Хождении» подавляющее большинство таких глаголов являются глаголами определенного движения. Кроме этого, в тексте выявлен один пример, в котором семантика глагола (не движения) подразумевает пространственное значение «пространственного интервала», приближая его по значению к глаголам движения. Как показывает анализ, приставка *про-*, наряду с приставкой *по-* (перемещение «ингрессивного» типа) и приставкой *при-* (перемещение типа «приближение»), создает большое количество дериватов с глаголами определенного движения (перемещение типа «на протяжении определенного пространственного интервала»). Таким образом, высокая частотность глаголов движения в сочетании с тремя данными приставками (семантика которых подразумевает буквально поставку *по-* «начало», *про-* «продолжительность», *при-* «приближение») объясняется тем, что описание движения в пространстве тесно связано с жанром *хождение* «путешествие» литературного произведения.

Кроме того, в «Хождении» префикс *про-* развивает только результативное значение как с предельными, так и с непредельными глаголами, поскольку семантика приставки в дополнение к результативной функции также имеет значение «длительность», понимаемое как «развитие действия на протяжении определенного пространственно-временного отрезка». В тексте представлено значительное количество форм от глагола *продати*, семантическое значение которого связано с торговой тематикой. Данная тематика является в «Хождении» ключевой наряду с тематикой, связанной с семантическим полем «путешествие». И наконец, данные приставочные формы встречаются в «Хождении»

одновременно с соответствующими вторичными имперфективными формами (от *продавати*), с которыми образуют протоаспектуальные пары.

Приставка *раз(ъ)-/роз(ъ)-*

Пространственное значение приставки *раз(ъ)-/роз(ъ)-* описывает действие, характеризующееся центробежным динамизмом, которое совершается «из центра в разные стороны», семантически приближаясь к латинскому префиксу *dis-*. В «Хождении» приставка встречается в вариантах *раз(ъ)-/роз(ъ)-/рас(ъ)*. Аналогично другим префиксам, рассмотренным ранее, данная приставка развивает пространственно-результативное значение в тех случаях, когда к ее пространственному значению добавляется значение предельности действия. В тексте приставка *раз(ъ)-/роз(ъ)-* приобретает данное значение в комбинации с предельными глаголами, включая некоторые примеры глаголов определенного движения, которые сочетаясь с приставкой *раз(ъ)-/роз(ъ)-*, приобретают значение «центробежного перемещения», т.е. движение из одной точки в пространстве в разные стороны. В то время как семантике остальных предельных глаголов (не движения), встречающихся в тексте, приставка *раз(ъ)-/роз(ъ)-* чаще всего придаёт отрицательную коннотацию в значении «дезинтеграция, разрушение».

Что касается только результативного значения, в большинстве случаев префикс *раз(ъ)-/роз(ъ)-* развивает данное значение с предельными глаголами. В тексте, однако, встречается пример *розговѣхся*, в котором приставка приобретает результативное значение в комбинации с неопредельным глаголом, который может интерпретироваться аналогично подобному случаю с префиксом *от(ъ)-*.

Кроме того, в тексте выявлено несколько случаев вторичных имперфективных форм, одна из которых образована от глагола движения. Все выявленные в «Хождении» вторичные имперфективы встречаются в тексте одновременно с соответствующими протоперфективными формами, с которыми образуют протоаспектуальные пары.

Приставка *с(ъ)-*

Пространственное значение приставки *с(ъ)-* в выявленных в «Хождении» приставочных формах, может быть определено как «сближение / схождение», что во многом приближается к омонимичному значению предлога *с(ъ)*, управляющего творительным падежом. В «Хождении» выявлен только один случай, когда приставка *с(ъ)-* приобретает пространственно-результативное значение. В то время как в абсолютном большинстве проанализированных примеров, префикс *с(ъ)-* развивает значение, которое можно определить как только результативное. Существуют некоторые основания предполагать, что

результативная функция приставки *с(ъ)*- возникает в основном в сочетании с предельными образующими глаголами, значение которых связано с определенным семантическим полем, как, например, «создание, производство, реализация». И приставочные формы с данным префиксом, выявленные в тексте, как представляется, подтверждают эту гипотезу. Кроме того, в «Хождении» встречается пример с результативным значением префикса, который, аналогично двум случаям с приставками *от(ъ)*- и *раз(ъ)*-/*роз(ъ)*-, может быть рассмотрен в терминах *процесс* (*говорити* «говорить») : *событие* (*сговорити* «достичь соглашения, договориться»). И, наконец, в произведении выявлен ряд вторичных имперфективных форм, в числе которых два глагола движения.

Приставка у-

Первоначальное пространственное значение приставки *у-* определяется как «в точном, определенном месте», по отношению к которому производится действие, выраженное семантикой образующего глагола. Это значение также связано с омонимичным предлогом, управляющим родительным падежом. В «Хождении» встречаются два примера, в которых приставка *у-* приобретает пространственно-результативное значение в комбинации с предельными глаголами. В то время как самой многочисленной группой в тексте являются глагольные формы с результативной функцией приставки *у-*. В данных приставочных глаголах на первый план выходит результативное значение префикса, указывающее на достижение действием своего предела, а его пространственное значение, напротив, становится практически нераспознаваемым. Добавим, что во всех случаях, выявленных в «Хождении», приставка *у-* реализует результативное значение исключительно в сочетании с терминативными глаголами.

Результаты анализа значений вторичных имперфективных форм

Вторым важным направлением в исследовании приставочных форм, выявленных в «Хождении» является анализ явления вторичной глагольной имперфективации. На результатах данного анализа нужно остановиться подробно. Напомним, что период написания «Хождения» отмечен не только интенсивным развитием аспектуальной категории, но и появлением и развитием собственно древнерусского узкоспециализированного средства имперфективации, а именно, суффикса *-ива-/ -ыва-*. Именно по этой причине анализируемый нами текст характеризуется гораздо более значительным количеством вторичных имперфективных форм, чем, например, «Повесть временных лет», появившаяся тремя веками ранее.

Итак, на обширном материале, полученном из корпуса текста «Хождения», выявлен ряд следующих имперфективирующих средств, которые перечисляются в порядке убывания их частотности в тексте:

а) закономерно, что самым часто встречающимся в «Хождении» является собственно древнерусский имперфективирующий суффикс *-ива-/-ыва-*. Этот суффикс развился на собственно древнерусской почве и очень быстро получил широкое распространение, поскольку был неоднородным, универсальным и регулярным по применению и специализированным по функции. Он встречается у вторичных приставочных имперфективов со следующими префиксами: *за-* *записывати* (8); *о-/об-* *омывати* (8), *обивати* (10), *обыскивати* (9), образующий протоаспектуальную пару с *обыскати* (3); *по-* *покрыватися* (11), *пополаскивати* (13), *побивати* (12), образующий протоаспектуальную пару с *побити* в примере (7); *при-* *призывати* (18); *раз-* *разбивати* (8, 9), встречающийся в тексте одновременно с собственным перфективным коррелятом *разбити* (4); *с(ь)-* *сказывати* (11,12), образующий протоаспектуальную пару с перфективным коррелятом *сказати* (4);

б) кроме этого, в «Хождении» выявлено несколько примеров, образованных при помощи суффикса *-ва-*, который в данный исторический период (2^я пол.-конец XV в.) является очень продуктивным способом имперфективации. Хотя этот суффикс является более древним, но он также является специализированным средством, возникшим уже в праславянский период и выступавшим в имперфективных образованиях от глаголов с исходом основы на гласный звук. К концу XVII в. стал малопродуктивен, полностью уступив новейшему *-ива-/-ыва-*. При помощи данного суффикса образованы следующие вторичные приставочные имперфективы: с приставкой *в(ь)з-* *въздевати* (8); с приставкой *про-* *продавати* (14), встречающийся в тексте одновременно с собственным протоперфективным коррелятом *продати* (12, 13);

в) в «Хождении» встречается несколько примеров вторичных имперфективов, в которых средством имперфективации является древний суффикс *-а-*, который в праславянском языке служил морфологическим средством тематизации глагольных основ при образовании неопределенных глаголов в раннем праславянском языке. Вследствие этого имперфективирующая функция являлась для него вторичной. Вероятно, именно этим фактом и объясняется его малопродуктивность. В тексте выявлен один пример вторичного имперфектива с префиксом *в(ь)-* *впадати* (5), образованный посредством суффикса *-а-* от протоперфективного приставочного глагола *впасти* (<**впад-ти*) в примере (5). Данный приставочный имперфектив образует протоаспектуальную пару с собственным протоперфективным коррелятом *впасти*, также встречающимся в тексте в примере (4); с

приставкой *за-* встречается имперфективный глагол *заимати* (9) от глагола *заяти* (<*im-ti), аналогичен ему приставочный имперфектив с префиксом *по-* *поимати* (15) от глагола *пояти* (<*im-ti), оба образованы также посредством суффикса *-a-/-*j-* (где *j - показатель морфонологического чередования согласных в исходе основы (Силина 1982: 164)).

г) также в тексте встречается незначительное количество примеров вторичных имперфективов, где средством имперфективации выступает либо утративший свою продуктивность древний неспециализированный суффикс либо чередование гласных. Так, с приставкой *по-* встречается вторичный имперфектив *посылати* (14), образованный путем чередования гласных *-ь-/-ы-* (*сьлати-сылати*) и встречающийся в тексте с собственным протоперфективным коррелятом *послати* в примере (8); а также, с приставкой *раз(ь)-* глагол *разваляти* (10), образованный при помощи суффикса *-ja-*, который обнаруживал слабую продуктивность в качестве средства образования неопределенных глаголов, а также первичного средства имперфективации. В современном языке этот суффикс в качестве средства имперфективации не сохранился, полностью утратив продуктивность.

Вторичная имперфективация глаголов движения

Особый интерес представляет собой процесс вторичной имперфективации у глаголов движения, поскольку видовые корреляции у приставочных глаголов движения восходят к еще более древним бесприставочным соотношениям глаголов определенного и неопределенного движения (*vesti-voditi*, *nesti-nositi* и т.п.). Поскольку произведение описывает путешествие, вполне закономерно, что в тексте встречается значительное количество приставочных глаголов движения, многие из которых представлены в тексте одновременно вторичным имперфективным и соответствующим ему перфективным коррелятами.

В тексте данные корреляции были выявлены у глаголов со следующими префиксами: с префиксом *вы-*, в тексте встречаются *выйти-выходити*; *выехати-выезжати*; значительное количество вторичных имперфективов с префиксом *при-*: *приводити* (16), *привозити* (15), встречающегося в тексте одновременно с собственным перфективным коррелятом *привезти* (1, 2); с префиксом *раз(ь)-* *развозити* (11); с префиксом *с(ь)-* *съезжатися* (9), *свозити* (10);

Особенности употребления времен в «Хождении»

Развитие праславянского, а затем и древнерусского глагольного вида было процессом длительным и многофакторным, поскольку определялось рядом причин и обстоятельств. Одним из самых важных было то, что возникновение видовых отношений произошло в

рамках определенной системы глагольных времен, а также тот факт, что развитие форм времени шло параллельно и взаимосвязано с развитием видовой системы и во многом определялось потребностями и неравномерностью развития этой системы. Дальнейшее развитие аспектуальной категории сопровождалось параллельным процессом разрушения и видоизменения сложной системы древних времен. Что касается характеристики временной системы глагола по ее состоянию на период написания «Хождения», по результатам проведенного анализа выявленных в тексте примеров приставочных глаголов можно отметить следующие особенности:

Во-первых, в тексте полностью отсутствуют формы имперфекта, являвшегося неограниченным во времени или неограниченно повторяющимся простым прошедшим временем, которое описывало действие, полностью отнесенное к прошлому. Поскольку, как мы уже определили, что в этот период бурно развиваются аспектуальные отношения и, в частности, процесс вторичной имперфективации, можно предположить, что функцию обозначения итеративности и процессуальности действия в этот период на себя уже частично взяли вторичные имперфективные формы, образованные посредством специальных суффиксов от протоперфективных глаголов.

Формы аориста остаются употребительными дольше имперфекта. При этом следует помнить, что аорист утрачивается раньше в южных говорах и позже на севере. Более того, отсутствие аориста в древнейших южных надписях, по мнению некоторых исследователей, говорит о том, что на юге аорист утратился еще в эпоху, предшествовавшую древнейшим дошедшим до нас памятникам. На более длительное сохранение аориста на севере указывают, в частности, новгородские грамоты, в которых встречаются случаи употребления аориста. Текст анализируемого здесь произведения с большой долей вероятности отображает северный древнерусский говор, поскольку рассказывает о торговом путешествии тверского купца и содержит достаточное количество форм аориста. Следует отметить два основных момента, касающихся употребления аориста в «Хождении». Во-первых, наибольшее количество форм аориста (в 1 лице ед. числа) в тексте встречается с глаголами определенного движения, и особенно часто в глаголах с приставкой *по-* в форме *поидох* (30 примеров), а также с *до-* *доидох* (1 пример); с *в(ъ)-* *внидох* (2); с *при-* *приидох* (3); с приставкой *с(ъ)-* *зговорих* (1); с приставкой *у-* встречается пример в форме 3 л. мн.ч. *учиниша* (1 пример). В этих случаях употребление аориста приближается к своему первоначальному историческому значению, указывавшем в древнерусском языке на мгновенное или длительное действие, целиком отнесенное в прошлое и осознаваемое (говорящим) как целое, нерасчлененное на отдельные моменты.

- И **внидох** же в таву, и **зговорих** о *налонѣ* корабленем, а от своеса главы два златых до Гурмыза града *дати*; (376)

Второй особенностью употребления данного прошедшего времени в «Хождении» является тот факт, что кроме вышеуказанных форм от глаголов определенного движения, в тексте также выявлены приставочные формы аориста, использование которых является скорее стилистически обусловленным, поскольку эксплицитно или имплицитно, связано с духовно-религиозным контекстом. Формы аориста употребляются во всех следующих случаях, где пишущий обращается с молитвой к Богу, или упоминает самые значительные христианские праздники (Пасха, Рождество и т.д.), большинство из этих глаголов употреблены в 1-м лице ед.ч.: два примера с глаголами определенного движения с приставкой *пре-* *преидох* (1), *преплых* (1); с приставкой *при-* *приидох* (3); с приставкой *про-* *проидоша* две формы (в 3-м лице мн.ч.); *за-* *заблудихся*; *в(ъ)-* *впадох*; *в(ъ)з-* *възмыслих ся, воскричаша* (в 3-м лице мн.ч.), *възврати* (в 3-м лице ед.ч.); *на-* *написах*; *о-/об(ъ)-* *опытах*; *про-* *продахъ*; *роз(ъ)-/рас(ъ)-* *распытах, розговѣхся, раздаша* (в 3-м лице мн.ч.); *с(ъ)-* *сказах, сжалихся, сътворих, зговорих*; *у-* *уповах, устремихся*;

- Аз же, рабище Божий Афонасий, **сжалихся** по вѣре крестьянской.(368)
- А Велика дни крестьянскаго не вѣдаю Христова въскресения, а говѣино же ихъ говѣхъ з бесермены, и **розговѣхся** с ними, и Велик день взял в Кельбери от Бедери 10 ковов.(374)

Вышесказанное еще раз подтверждает общепринятое мнение среди лингвистов, что в этот исторический период аорист уже в значительной степени утратил свое первоначальное функциональное значение. Поэтому, как очевидно из анализа, употребление форм аориста в «Хождении», за исключением указанных примеров с приставочными глаголами движения, чаще диктуется не грамматической нормой, а связано, по крайней мере в половине случаев, с исключительно стилистической функцией. Использование форм аориста в данных примерах, по всей вероятности, должно сообщать написанному черты «высокого стиля», отделяя тем самым религиозный контекст от описательно-повествовательного, в котором, как правило, употребляется перфект.

Во всех других случаях употребляются формы перфекта, который по своему первоначальному значению обозначал состояние в настоящее время, являвшееся результатом прошедшего действия. К XIV веку в народно-разговорном древнерусском языке форма бывшего перфекта вытеснила древние формы аориста и имперфекта и стала единственной

формой прошедшего времени, приобретающая общее значение предшествования действия моменту речи (Силина 1982: 196). Впоследствии перфект становится единственным прошедшим временем в русском языке, принимая на себя функции всех исчезнувших времен. На протяжении истории языка меняется его форма: в древности перфект характеризовался, как известно, аналитической формой – образовывался посредством сочетания несклоняемого действительного причастия прошедшего времени на -л и формы вспомогательного глагола настоящего времени. Довольно рано вспомогательный глагол теряется и причастие начинает функционировать как глагол, и перфект, таким образом, превращается в простую не аналитическую форму. По значению перфект был не собственно прошедшим временем, поскольку выражал отнесенное к настоящему времени состояние, являющееся результатом завершенного в прошлом действия. Как отмечают ученые, утрата вспомогательного глагола начинается с очень раннего времени, причем раньше всего вспомогательный глагол утрачивается в 3-м лице. В 1-м и 2-м лице вспомогательный глагол сохраняется несколько дольше (Кузнецов 1953: 245).

Исходя из вышесказанного, можно отметить следующие особенности употребления форм перфекта в «Хождении», также указывающих на продолжающийся распад старой временной системы. Во-первых, вспомогательные глаголы в анализируемом тексте встречаются, как правило, только в 1-м лице ед. и мн. числа и чаще всего (за немногочисленными исключениями) с глаголами определенного движения. В примерах, выявленных в тексте, перфект представлен как сложными аналитическими (со вспомогательным глаголом), так и простыми формами, уже утратившими глагол-связку. Если глагольная форма представлена сложной аналитической формой перфекта, состоящего из вспомогательного глагола настоящего времени и несклоняемого действительного причастия прошедшего времени на -л-, личное местоимение в таких примерах, как правило, не употребляется, поскольку указание на лицо, к которому относится действие, содержится во вспомогательном глаголе. Если же глагол, в форме причастия прошедшего времени, употреблен в сочетании с личным местоимением, в этом случае глагол-связка опускается. Употребление глагола в данном случае максимально приближается к его употреблению в современном русском языке. Оба случая хорошо иллюстрируются в следующем примере:

- И яз грѣшнѣй **привезль** жеребца в Ындѣйскую землю, и **дошелъ есми** до Чюнеря: Богъ даль поздорову все, а стал ми во сто рублев.(354)

В первой части предложения перфект употреблен без глагола-связки, поскольку присутствует личное местоимение, уточняющее лицо, к которому относится действие. В то

время как во второй части сложносочиненного предложения употребляется сложная аналитическая форма перфекта, в которой функция, указывающая на субъект действия (в 1 лице ед. числа), принадлежит вспомогательному глаголу-связке в наст. времени.

Из приведенного анализа очевидно, что в данный период продолжается постепенное замещение сложной аналитической формы перфекта простой формой прошедшего времени, требующей обязательного употребления личного местоимения. Форма перфекта без глагола-связки во второй части фразы приближается к форме прошедшего времени в современном русском языке, нуждающейся в уточняющей функции личного местоимения, поскольку изменяется только по родам, без указания на лицо, производящее действие.

Кроме этого, в «Хождении» довольно употребительны приставочные формы, в которых результативное значение не вступает в противоречие со значением итеративности (а иногда и процессуальности). Данное сосуществование может являться остаточным следом того периода эволюции языка, в который результативное значение еще не приобрело статус грамматической категории, являющейся определяющей для видовых отношений в современном русском языке. При анализе данных форм А.А. Потебня определяет их как «формы настоящего, которые в современном русском языке имеют значение будущего», объясняя это тем фактом, что в древнерусском языке приставки еще не обладали аспектуальной функцией в современном понимании данного значения (Потебня 1977: 60-61). Другие лингвисты определяют перфективные формы настоящего как примеры так называемого *неактуального настоящего* в древнем восточнославянском языке.

- а князи и бояре толды на себя въздевают *порткы*, да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою *опояшет*, а третью голову увертит.(354)

Если рассматривать развитие данного значения в диахронической перспективе, можно утверждать, что итеративно-результативное значение некоторых приставочных форм *неактуального настоящего* в «Хождении», приближается, если использовать терминологию современного русского языка, к *наглядно-примерному* значению. Таким образом, данные анализа примеров позволяют сделать вывод, что свободное сочетание результативного и итеративного значений у форм настоящего в период написания «Хождения» проявляется у глаголов настоящего времени на достаточно регулярной основе. В то время как в современной русской аспектологии *наглядно-примерное* значение является периферийным частновидовым значением совершенного вида, связанным с определенным контекстом, который должен обязательно содержать эксплицитное указание на повторяемость. При

невыполнении данного условия значение глагола интерпретируется как конкретно-фактическое.

Список использованной литературы

АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ, ГРЕКОВ 1948

Адрианова-Перетц, В.П / Греков, Б.Д. (под ред.), *Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466-1472*, Москва, АН СССР.

АВАНЕСОВ, ИВАНОВ 1982

Аванесов, Р.И. / Иванов, В.В., *Историческая грамматика русского языка. Морфология, Глагол*, Москва, Наука.

БЛДР 1999

БЛДР: Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Том 7 (Вторая половина XV века); Под ред. Лихачева, Д. С. / Дмитриева, Л. А. / Алексеева, А. А. / Поньрко, Н. В; СПб., Наука.

БОГДАНОВА 1961

Богданова, В.А., «Приставки *вы-* и *из-* в древнерусском языке», *Вопросы русского языкознания*, Саратов, Издательство Саратовского Университета, 5-19.

БОНДАРКО 2002

Бондарко, А.В., *Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка*, Москва, Языки славянской культуры.

БОНДАРКО 1962

Бондарко, А.В., «К вопросу о состоянии видовой дифференциации глагола в древнерусском языке», в кн.: Аванесов, Р.И. (отв. ред.), *Историческая грамматика и лексикология русского языка. Материалы и исследования*, Москва, АН СССР, 76-84.

БОРКОВСКИЙ, КУЗНЕЦОВ 1963

Борковский, В.И. / Кузнецов, П.С., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, АН СССР.

ВИНОГРАДОВ 1954

Виноградов, В.В., *Грамматика русского языка*, Москва, АН СССР.

ВИНОГРАДОВ 1978

Виноградов, В.В., *Избранные труды. История русского литературного языка*, Москва, Наука.

ДОБРУШИНА, МЕЛЛИНА, ПАЙАР 2001

Добрушина, Е.Р. / Меллина, Е.А. / Пайар, Д. *Русские приставки: многозначность и семантическое единство*, Москва, Русские словари.

ЗАЛИЗНЯК, ШМЕЛЕВ 2000

Зализняк, Анна А. / Шмелев, А.Д., *Введение в русскую аспектологию*, Москва, Языки русской культуры.

ЗАЛИЗНЯК 1994

Зализняк, Анна А., «Принципы описания приставочных глаголов в русском языке (на примере глаголов с приставкой за-)», в кн.: Fici Giusti, F. (a cura di), *Problemi di morfosintassi delle lingue slave*, 4, Padova, Unipress: 125-148.

ИВАНОВ 1990

Иванов, В.В., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, Просвещение.

ИВАНОВ 1995

Иванов, В.В., *Древнерусская грамматика XII-XIII вв.*, Москва, Наука.

ИСАЧЕНКО 1960

Исаченко, А.В., *Грамматический строй русского языка. Морфология*, т.2, Братислава, Издательство Словацкой Академии Наук.

КОЛЕСОВ 2009

Колесов, В.В., 2009, *Историческая грамматика русского языка*, Москва, Академия.

КРОНГАУЗ 1998

Кронгауз, М.А., *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*, Москва, Языки русской культуры.

КУЗНЕЦОВ 1953

Кузнецов, П.С., «К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка», *Труды Института языкознания*, Москва, АН СССР, II, 220-253.

КУЗНЕЦОВ 2002 (1961)

Кузнецов, П.С., *Очерки по морфологии праславянского языка*, Москва, УРСС.

КУЗНЕЦОВ 1953

Кузнецов, П.С., *Историческая грамматика русского языка. Морфология*, Москва, Издательство Московского Университета.

ЛОМТЕВ 1948

Ломтев, Т.П., «К характеристике видовой дифференциации претеритальных форм глагола в древнерусском языке». *Ученые записки, Труды кафедры русского языка*, Москва, Московский Государственный Университет, 137, 2: 70-88.

ЛОМТЕВ 1961

Ломтев, Т.П., *Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков (Морфология)*, Москва, Высшая школа.

ЛОМТЕВ 1956

Ломтев, Т.П., *Очерки по историческому синтаксису русского языка*, Москва, Издательство Московского Университета.

МАСЛОВ 1961 (1958)

Маслов, Ю.С., «Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида», *Исследования по славянскому языкознанию*, Москва, АН СССР.

МЕЙЕ 2001

Мейе, А., *Общеславянский язык*, пер. с фр./общ.ред. С.Б. Бернштейна, Москва, Прогресс.

НИКИФОРОВ 1952

Никифоров, С.Д., *Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века*, Москва, АН СССР.

ПАДУЧЕВА 1986

Падучева, Е.В., *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва, Языки русской культуры.

ПЕТРУХИНА 2000

Петрухина, Е.В., *Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками)*, Москва, Издательство Московского Университета.

ПОТЕБНЯ 1977² (1941)

Потебня, А.А., *Из записок по русской грамматике*, т. IV, вып. II, Москва, Просвещение.

РАССУДОВА 1982

Рассудова, О.П., *Употребление видов глагола в современном русском языке*, Москва, Русский Язык.

СИЛИНА 1982

Силина, В.Б., «История категории глагольного вида», в книге: Аванесов, Р.И. / Иванов, В.В. (под ред), *Историческая грамматика русского языка. Морфология, Глагол*, Москва, Наука: 158-279.

ТАБАЧЕНКО 1994

Табаченко, Л.В., «Структурно-семантическое развитие конструкций с глаголами движения в русском языке XI-XVII вв. (на материале конструкций с глаголами с приставкой до-)», в кн.: *Вопросы славяно-русского языкознания*, Ростов-на-Дону, Издательство Ростовского госпедуниверситета.

УЛУХАНОВ 2004

Улуханов, И.С., *Славянизмы в русском языке (глаголы с неполногласными приставками)*, Москва, Управление технологиями.

ЧЕРНЫХ 1962

Черных, П.Я., *Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк*, Москва, Учпедгиз.

BERMEL 1997

Bermel, N., *Context and Lexicon in the Development of Russian Aspect*, Berkeley (Ca), University of California Press.

FORSYTH 1970

Forsyth, J., *A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb*, Cambridge, Cambridge University Press.

JANDA 1986

Janda, L.A., *A semantic analysis of the Russian verbal prefixes za-, pere-, do-, and ot-*, Slavistische Beiträge, Band 192, München, Verlag Otto Sagner.

KURYŁOWICZ 1929

Kuryłowicz, J., «La genèse d'aspects verbaux slaves», *Prace filologiczne* 14: 644- 657.

RUVOLETTO 2016

Ruvoletto, L., *I prefissi verbali nella Povest' vremennykh let*, Università degli studi di Firenze, Firenze University Press.

SACCHINI 2014

Sacchini, M., *Proto-coppie aspettuali nella Zadonščina*, tesi di dottorato, ciclo XXV, Università degli studi di Padova.

SERAFINI AMATO 1993

Serafini Amato, L., *Profilo storico della lingua russa*, Padova.

VENDLER 1957

Vendler, Z., «Verbs and Times», *The Philosophical Review*, 66, 2: 143-160.

Словари и энциклопедии

СЖВЯ

Даль, В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва, Терра, 2000.

ТСРЯ

Ожегов, С.И., *Толковый словарь русского языка*, Москва, Мир и Образование, 2008.

СДЯ

Аванесов, Р.И., (под ред.), *Словарь Древнерусского Языка (XI-XIV вв.)*, (т. I-VIII), Москва, Русский язык, 1988-2012.

СРЯ

Бархударов, С.Г., (под ред.), *Словарь Русского Языка (XI-XVII вв.)*, (т. I-VIII), Москва, Наука, 1976.

ЭССЯ

Трубачев, О.Н., *Этимологический словарь славянских языков*, Москва, Наука, 1977.

ЭСРЯ

Фасмер, М., *Этимологический словарь русского языка*, (т. I-IV), Москва, Прогресс, 1964-1973.

ИЭССРЯ

Черных, П.Я., *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, Москва, Русский язык, 2001.

ЛЭС

Ярцева, В.Н., *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва, Советская энциклопедия, 1990.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

<i>в(ѵ)-</i>	
<i>впадают / впадох</i>	<p>О благовѣрнии рустии крестьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды впадают и вѣры ся да лишают крестьяньские.(366; 368)</p> <p>Азь же во многыя в помышления впадох, и рекох в себѣ: «Горе мнѣ, окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже камо поиду.(368)</p>

<i>в(ѵ)з-</i>	
<i>въздевают</i>	а князи и бояре толды на себя въздевают порткы, да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою опояшет, а третьєю голову увертит.(354)
<i>възврати</i>	Идох же по морю вѣтром 10 дни, доидох до Вонады, и ту нас срѣтили великий вѣтръ полунощный, възврати нас къ Трапизону.(378)
<i>воскричаша</i>	На другой же мѣсяць увидѣх горы Ефиопскыя, ту же людие вси воскричаша : «Олло переводигер, олло конькар, бизим баши мудна насинь больмышьти», а по-рускый языком молвят: «Боже осподарю, Боже, Боже вышний, царю небесный, здѣ нам судил еси погибнути!»(376)
<i>воскликнув</i>	Ино, братие рустии християня, кто хочет поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да поити в Гундустанскую землю.(356)

<i>възмыслихся</i>	В пятый же Велик день възмыслих ся на Русь.(374)
<i>въстала</i>	А въстала фуртовина на море, да судно меньшее разбило о берег.(350)
<i>взял</i>	Меликътучар два города взял индийских, что разбивали по морю Индийскому. А князей поималъ семь да казну их взял , юкъ яхонтов, да юкъ алмазу да кирпуков, да сто юков товару дорогово, а иного товару безчислено рать взяла .(370)

<i>вы-</i>	
<i>выбил</i>	То вездѣ <i>булгакъ</i> стал; князей вездѣ выбил . (370)
<i>высѣкли</i>	А город взял, ини высѣкли 20 тысяч поголовья мужскаго и женскаго, а 20 тысяч полону взял великаго и малаго.(376)
<i>выграбили</i>	Хлам мой весь к себѣ възнесли в город на гору, да обыскали все — что мѣлочъ добренкая, ини выграбили все.(378)

<i>ис-/из-</i>	
<i>ся истягнет</i>	Обе руки поднимают высоко, да кладут на тѣмя, да ложатся ницъ на землѣ, да весь ся истягнет по земли, то их поклоны.(362)
<i>истеряли / изгибло</i>	А война ся имѣ не удала, один город взяли индийской, а людей их много изгибло , и казны много истеряли .(374)

<i>до-</i>	
<i>дотычют</i>	Пошел или пришелъ, ини ся кланяют по чернеческыи, обе руки до земли дотычют , а не говорит ничего;(362)

<i>за-</i>	
<i>застрелили</i>	И у нас застрелили челоуѣка, а у них дву татаринов застрѣлили .(350)
<i>заплакавъ</i>	И мы, заплакавъ , да розошлися кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли.(352)
<i>залгали</i>	Мене залгали псы бесермены.... а сказывали всего много нашего товара, ано нѣтъ ничего на нашу землю: все товаръ бѣлой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево.(356)
<i>замает</i>	А у них есть князь обезьяньскый, да ходит ратию своею. Да кто замает , и они ся жалуют князю своему, и онъ посылаетъ на того свою рать, и оны, пришед на град, дворы разваляют и людей побьют.(358)
<i>записывают</i>	В салтанове же дворѣ семеры ворота, а в воротех сedit по сту сторожев да по сту писцов кафаров. Кто поидет, ини записывают , а кто выйdet, ини записывают .(358)
<i>зачнется</i>	А у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужи дают алафу;(366)
<i>заговѣл</i>	Мѣсяць мартъ прошел, и яз заговѣл з бесермены в недѣлю, да говѣл еси мѣсяць, мяса еси не ѣлъ и ничего скоромнаго, никакие ѣствы бесерменские, а ѣлъ еси по двжды на день хлѣбъ да воду, авратыйля ятмадым.(362; 364)
<i>заблудихся</i>	Азь же во многыя в помышления впадох, и рекох в себѣ: «Горе мнѣ, окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже камо поиду.(368)
<i>заповѣдал</i>	А все то камение, да яхонты, да алмаз покупили на меликтучара, заповѣдал дѣлярем <i>пришли</i> что гостем не продавати, а тѣ пришли о Оспожинѣ дни к Бедерю граду.(372)

--	--

<i>на-</i>	
<i>написал</i>	А писание то своею рукою написал , иже его руки тѣ тетради привезли гости к Мамыреву Василью, к дияку к великого князя на Москву.(348)
<i>написах</i>	Се написах свое грѣшное хождение за три моря: 1-е море Дербеньское, дориа Хвалитьскаа; 2-е море Индѣйское, дорѣя Гундустанскаа, 3-е море Черное, дориа Стебольшкая.(348)
<i>наложил есми</i>	А яз жеребца своего продал в Бедери. Да наложил есми у него шестьдесят да осмь фугунов, а кормил есми его год.(360)
<i>настави</i>	не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя, Господи, на путь правый;(368)
<i>наступил</i>	Да за ним благой слонъ идет, а весь в камкѣ наряжень, да обивает люди, да чѣпъ у него желѣзна велика во рте, да обивает кони и люди, кто бы на салтана не наступил блиско.(370)

<i>о-/об-</i>	
<i>опояшет</i>	а князи и бояре толды на себя въздевают <i>порткы</i> , да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою опояшет , а третьєю голову увертит.(354)
<i>оставил</i>	И Господь Богъ смилвался на свой честный праздникъ, не оставил милости своеа от меня грѣшнаго и не велѣль погибнути в Чюнерѣ с нечестивыми.(354; 356)
<i>остави</i>	Ино, братие рустии хрестияня, кто хочет поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да поити в Гундустанскую землю.(356)

<i>оболочат</i>	А к слоном вяжут к рылу да к зубом великие мечи по кентарю кованых, да оболочат ихъ в доспѣхи булатные, да на них учинены городкы, да в городкѣх по 12 человекъ в доспѣсах, да всѣ с пушками да с стрелами.(356)
<i>омывают</i>	А ѣсти же садятся, и оны омывают руки да ноги, да и рот пополаскивают.(362)
<i>осталось</i>	Азъ же от многия беды поидох до Индѣя, занже ми на Русь поити нѣ с чем, не осталось у меня товару ничего.(368)
<i>обивает</i>	Да за ним благой слонъ идет, а весь в камкѣ наряжень, да обивает люди, да чѣпъ у него желѣзна велика во рте, да обивает кони и люди, кто бы на салтана не наступил блиско.(370)
<i>окормыли /ся окрепила</i>	Яишу мырзу убил Узоасанбѣгъ, а султан Мусяитя окормыли , а Узюосанбекъ на Ширязе сѣлъ, и земля ся окрепила , а Едигерь Махмет, а тот к нему не ѣдет, блюдется.
<i>обыскали</i> <i>обыскивают</i>	Хлам мой весь к себѣ възнесли в город на гору, да обыскали все — что мѣлочъ добренкая, ини выграбили все.(378) А обыскивают грамот, что есми пришел из орды Асанбега.(378)
<i>опытах</i>	Азъ же опытах , коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми — за год до казанского похода пришел из Орды, коли князь Юрьи под Казанию был, тогда его под Казанью застрелили.(348)

<i>от-</i>	
<i>отврати</i>	Господи Боже Вседръжителю, творецъ небу и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко въ скорби есмь. (368) не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя, Господи, на

	путь правый; (368)
<i>отпустили</i>	И тут судно наше <i>болшее</i> пограбили и четыре головы взяли русские, а нас отпустили голыми головами за море, а вверх нас не пропустили вѣсти дѣля.(350) И ис Колязина поидох на Углич, и с Углича отпустили мя доброволно.(348)
<i>отпросил</i>	И он ѣздил к хану в город да меня отпросил , чтобы мя в вѣру не поставили, да и жеребца моего у него взял.(356)

<i>по-</i>	
<i>поимаетъ</i>	А Гурмызь есть на островѣ, а еждень поимаетъ его море по двожды на день.(352)
<i>побивают/побивает</i>	А меликъгучар сedit на 20 тмах; а бьется с кафары 20 лѣт есть, то его побивают , то он побивает ихъ многажды.(354)
<i>погибнути</i>	И Господь Богъ смиловался на свой честный праздникъ, не оставил милости своеа от меня грѣшнаго и не велѣлъ погибнути в Чюнерѣ с нечестивыми.(354; 356)
<i>поставили</i>	И он ѣздил к хану в город да меня отпросил, чтобы мя в вѣру не поставили , да и жеребца моего у него взял.(356)
<i>послал / посылаетъ / побьют</i>	А на турскаго послал рати двора своего 40 тысяч. (376) Да кто замает, и они ся жалуют князю своему, и онъ посылаетъ на того свою рать, и оны, пришед на град, дворы разваляют и людей побьют .(358)
<i>покрываются</i>	А едят, покрываются платомъ, чтобы никто не видель его.
<i>пополаскивают</i>	А ѣсти же садятся, и оны омывают руки да ноги, да и рот

	пополаскивают. (362)
<i>покупили</i>	А все то камение, да яхонты, да алмаз покупили на меликтучара, заповѣдал дѣлярем <i>пришли</i> что гостем не продавати, а тѣ пришли о Оспожинѣ дни к Бедерю граду.(372)
<i>пожгли/ пограбили</i>	Ини Севастъ взяли, а Тохат взяли да пожгли , Амасию взяли, и много пограбили сел, да пошли на караманского воюючи.(376)

<i>при-</i>	
<i>прислал</i>	И ширваншабегъ того же часа послал посла к шурина своему Алиль-бегу, кайтачевскому князю, что: «судно ся <i>мое</i> разбило под Тархи, и твои люди, пришед, людей поимали, а товаръ их пограбили; и ты чтобы, меня дѣля, люди ко мнѣ прислал и товар их собрал, занже тѣ люди посланы на мое имя.(350)
<i>примется</i>	А ѣдят брынец, да кичири с маслом, да травы розные ядят, а варят с маслом да с молоком, а ѣдят все рукою правою, а лѣвою не примется ни за что.(362)
<i>призывал/ призывати</i>	Да молился есми Христу Вседръжителю, кто сотворил небо и землю, а иного есми не призывал никоторого именемъ;(364) А праваа вѣра Бога одинаго знати, и имя его призывати на всяком мѣсте. чисте чисто.(374)
<i>призри</i>	Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание;(368)
<i>прибавиль</i>	И султан ополѣлся на индѣян, что мало <i>вышло</i> с ним, и он еще прибавиль 20 тысяч пѣших людей, <i>двѣ</i> тысячи конных людей, да 20 слонов.(374)

<i>про-</i>	
<i>пропустили</i>	И тут судно наше <i>болшее</i> пограбили и четыре головы взяли рускые, а нас отпустили голыми головами за море, а вверх нас не пропустили вѣсти дѣля.(350)
<i>прокляль</i>	А ту убили Шаусеня, Алеевых детей и внучать Махметевых, и онѣ их прокляль , ино 70 городовъ ся розвалило.(352)
<i>продал / продахъ/ продавали / продают /продавати</i>	<p>А яз жеребца своего продал в Бедери.(360)</p> <p>Приидох же в Бедерь о заговейнѣ о Филиповѣ ис Кулонгѣря, и продахъ жеребца своего о Рожествѣ.(360)</p> <p>А продавали голову полону по 10 тенекъ, а <i>иную по 5 тенекъ</i>, а робята по две тенкы.(376)</p> <p>Ины гундустаньцы тѣх имают, да учат ихъ всякому рукодѣлию, а иных продают ночи, чтобы взад не знали бежать, а иных учат базы миканет.(358)</p> <p>Приводят кони, до 20 тысящъ коней продавати, всякый товар свозят;(356)</p> <p>А все то камение, да яхонты, да алмаз покупили на меликтучара, заповѣдал дѣлярем <i>пришли</i> что гостем не продавати, а тѣ пришли о Оспожинѣ дни к Бедерю граду.(372)</p>
<i>простеръ</i>	В бутхане же бут вырезан ис камени ис чернаго, велми великъ, да хвостъ у него через него, да руку правую поднйаль высоко да простеръ еѣ, аки Устеняень царь Цареградскый, а в лѣвой руцѣ у него копие.(360)

<i>раз(ъ)-/роз(ъ)-</i>	
<i>разграбили</i>	И судно наше <i>меншее</i> стало на ъзу, и они нас взяли да того часу разграбили , а моя была мѣлкая рухлядь вся в меншем судне.(350)
<i>разбило</i>	А вѣстала фуртовина на море, да судно меньшее разбило о берег.(350)
<i>розвалило</i>	А ту убили Шаусеня, Алеевых детей и внучать Махметевых, и онѣ их проклялъ, ино 70 городовъ ся розвалило .(352)
<i>разваляют</i>	Да кто замает, и они ся жалуют князю своему, <i>и онѣ посылаетъ на того свою рать</i> , и оны, пришед на град, дворы разваляют и людей побьют.(358)
<i>распытах</i>	Да о вѣрѣ же о их распытах все, и оны сказывають: вѣруем въ Адама, а буты, кажутъ, то есть Адамъ и род его весь.(360)
<i>разбивают / разбивали</i>	А разбивают все кафары, ни крестяне, не бесермене;(356) Меликътучар два города взял индийских, что разбивали по морю Индийскому.(370)
<i>розговѣхся</i>	А Велика дни крестянского не вѣдаю Христова вѣскресения, а говѣино же ихъ говѣх з бесермены, и розговѣхся с ними, и Велик день взял в Кельбери от Бедери 10 ковов.(374)
<i>раздаша</i>	Много раздаша брынцу, да перцу, да хлѣбы ефиопом, ини судна не пограбили.(376)

<i>с(ъ)-</i>	
<i>собрал</i>	и ты чтобы, меня дѣля, люди ко мнѣ прислал и товар их собрал , занже тѣ люди посланы на мое имя.(350)
<i>сожжет</i>	А в Гурмызе есть солнце варно, челоуѣка сожжет .(352)
<i>смиловался</i>	И Господь Богъ смиловался на свой честный праздникъ, не оставил

	милости своеа от меня грѣшнаго и не велѣль погибнути в Чюнерѣ с нечестивыми.(354; 356)
<i>сказах / сказывают/ сказывали</i>	И сказах имъ вѣру свою, что есми не бесерменинъ <i>исаядениени</i> есмь христианинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани.(360) Да о вѣрѣ же о их распытах все, и оны сказывают : вѣруемъ въ Адама, а буты, кажуть, то есть Адамъ и род его весь.(360) Мене залгали псы бесермены, а сказывали всего много нашего товара, ано нѣтъ ничего на нашу землю: все товаръ бѣлой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево.(356)
<i>сжалихся</i>	Аз же, рабище Божий Афонасий, сжалихся по вѣре крестьянской.(368)
<i>сѣтворих</i>	не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя, Господи, на путь правый, яко никоея же добродѣтели в нужи тѣй не сѣтворих тобѣ, Господи Боже мой, яко дни своя преплых во злѣ все.(368)
<i>спаси мя</i>	Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя, Господи Боже мой». (368)
<i>зговорих</i>	И внидох же в таву, и зговорих о <i>налонѣ</i> корабленем, а от своеа главы два златых до Гурмыза града <i>дати</i> ;(376)

у-	
<i>убили</i>	А ту убили Шаусеня, Алеевых детей и внучать Махметевых, и онъ их прокляль, ино 70 городовъ ся розвалило.(352)
<i>увертит</i>	а князи и бояре толды на себя въздевают <i>порткы</i> , да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою опояшет, а третьєю голову увертит .(354)

<i>увѣдал</i>	А в том в Чюнерѣ ханъ у меня взял жеребца, а увѣдал , что яз не бесерменянин — русинь.(354)
<i>учинил</i>	А срок учинил на четыре дни, в Оспожино говѣино на Спасов день.(354)
<i>увидит</i>	А пройти его не дай Бог никакову костяку: а кто его не увидит , тот поздорову не приидет морем;(364)
<i>уповах</i>	Господи Боже мой, на тя уповах , спаси мя, Господи Боже мой». (368)
<i>ся удала</i>	А война ся имъ не удала , один город взяли индийской, а людей их много изгибло, и казны много истеряли.(374)
<i>устремихся</i>	Ту же и окаянный аз рабище Афонасей Бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣре по крестьяньской, и по крещении Христовѣ, и по говѣинех святых отецъ устроеных, по заповедех апостольских и устремихся умом поитти на Русь.(376)
<i>умерь</i>	Се же написано не обретох, в кое лѣто пошел или в кое лѣто пришел из Ындѣя, умер , а сказывают что, деи, Смоленська не дошед, умерь .(348)

Таблица 2

ПРИСТАВОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ

<i>в(ѣ)-</i>	
<i>внидох</i>	И внидох же в таву, и зговорих о налонѣ корабленем, а от своа главы два златых до Гурмыза града дати; Внидох же в корабль из Дабыля града до Велика дни за три мѣсяцы бесерменьскаго говѣйна; (376)
<i>въѣхали есмя</i>	И въѣхали есмя в Бузань;

<i>в(ѣ)з-</i>	
<i>възнесли</i>	Хлам мой весь к себѣ възнесли в город на гору, да обыскали все – что мѣлочь добренкая, ины выграбили все.(378)

<i>вы-</i>	
<i>выйдет/вышли/ есмя вышли</i>	Кто поидет, ини записывають, а кто выйдет , ини записывають;(358) А ту есть городок Тархи, а люди вышли на берегъ, и пришли кайтакты да людей поимали всѣх.(350) А ис Чюнеря есмя вышли на Оспожин день к Бедерю, к болшому их граду;(355)
<i>выходят</i>	А с салтаном выходят триста тысящ рати своей;(358)
<i>выѣхал/выехало</i>	Султан выѣхал из града Бедеря восмой мѣсяць по Велице дни; Да с нимъ возыревѣ выехало 26 возыревѣ;(372)
<i>выѣзжает/ выводят</i>	Салтан же выезжает на потѣху с матерью да з женою, ино с нимъ челоуѣкъ на конех 10 тысящ, а пѣших пятьдесят тысящ, а слонов выводят двѣсте, наряженных в dospѣсех золоченых;(358)

<i>до-</i>	
<i>доидох/дошель есми/ доидох/ дошед</i>	<p>Идох же по морю вѣтром 10 дни, доидох до Вонады, и ту нас срѣтили великий вѣтръ полунощный, възврати нас къ Трапизону;(378)</p> <p>И яз грѣшный привезлъ жеребца в Ындѣйскую землю, и дошель есми до Чюнеря: Богъ даль поздорову все, а стал ми во сто рублев.(354)</p> <p>Идох же по морю вѣтром 10 дни, доидох до Вонады, и ту нас срѣтили великий вѣтръ полунощный, възврати нас къ Трапизону;(378)</p> <p>Се же написано не обретох, в кое лѣто пошел или в кое лѣто пришел из Ындѣя, умер, а сказывают что, деи, Смоленьска не дошед, умерь.(248)</p>

<i>на-</i>	
<i>наѣхали</i>	<p>Ту наѣхали на нас три татарины поганые и сказали нам лживые вѣсти: «Кайсым салтан стережет гостей в Бузани, а с ним три тысящи татар».(350)</p>

<i>по-</i>	
<i>поидох /пошол /поиду</i>	<p>И ис Колязина поидох на Углеч, и с Углеча отпустили мя доброволно. И оттуду поидох, с Углеча, и приѣхаль есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою великого князя. (348)</p> <p>Меликътучар пошол воевати Чюнедара великое княжение индийское;(372)</p> <p>Азь же во многыя в помышления впадох, и рекох в себѣ: «Горе мнѣ, окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже</p>

	камо поиду ».(368)
<i>поѣхали есмя</i>	Поѣхали есмя мимо Хазтарахан, а месяц светит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: «Качма, не бѣгайте!»(350)

<i>пре-</i>	
<i>преплых</i>	не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя, Господи, на путь правый, яко никоєя же добродѣтели в нужи тѣй не сътворих тобѣ, Господи Боже мой, яко дни своя преплых во злѣ все.(368)
<i>преидох</i>	Милостию Божиєю преидох же три моря;(378)

<i>при-</i>	
<i>привезли / привезль</i>	А писание то своею рукою написал, иже его руки тѣ тетрати привезли гости к Мамыреву Василью, к дияку к великого князя на Москву.(348) И яз грѣшный привезль жеребца в Ындѣйскую землю;(354)
<i>приидох / приишол/ пришел есми/ пришли / приитти / пришла приидет</i>	В Трепизон же приидох на Покров святыя Богородица и приснодѣвны Мариа, и бых же въ Трапизоне 5 дни.(378) Меликътучар пришол с ратию своею к Бедерю на курбанть баграм, а по-рускому на Петров день;(372) И тут есми взял первый Великъ день, а пришел есми в Гурмыз за четьре недѣли до Велика дни.(352) А ту есть городок Тархи, а люди вышли на берегъ, и пришли кайтакты да людей поимали всѣх.(350) На ону же страну приитти нѣкуды, сквозѣ градо дрога, а града же взяти нѣкуды, пришла гора велика да деберь зла тикень.(374)

<i>приѣхал есми/ приѣхал</i>	<p>От Первати же приѣхал есми в Бедерь, за пятнадцать день до бесерменьскаго улу багря;(362)</p> <p>И канун Спасова дни приѣхал хозяйочи Махмет хоросанецъ, и бил есми ему челом, чтобы ся о мнѣ печаловал.(356)</p>
<i>привозят</i>	<p>А привозят ихъ из Хоросанские земли, а иные из Орапской земли, а иные ис Туркменские земли, а иные ис Чеботайские земли, а привозят все морем в тавах — индѣйские карабли.(354)</p>
<i>приводят</i>	<p>Приводят кони, до 20 тысящъ коней продавати, всякый товар свозят;(356)</p> <p>Дабыло же есть пристанище велми велико, а приводят кони из Мисюря, изо Арабьстани, <i>изъ Хоросани, ис Туркустани, из Негостани</i>;(364)</p>

<i>про-</i>	
<i>проидохъ / проити /проидоша / прошел</i>	<p>И море же проидохъ, да занесе насъ със къ Баликаеѣ, а оттудова к Токорзову, и ту стояли есмя 5 дни.(378)</p> <p>А проити его не дай Бог никакову костяку: а кто его не увидит, тот поздорову не приидет морем;(364)</p> <p>Уже проидоша 4 Великая говѣйна и 4 проидоша Великия дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день или говѣино, ни Рожества Христова не знаю, ни иных праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не вѣдаю — а книг у меня нѣту.(368)</p> <p>Уже проидоша Великия дни четыре в бесерменской землѣ, а крестьянства не оставих;(368)</p>

	<p>Уже проидоша Великия дни четыре в бесерменской землѣ, а крестьянства не оставих;(368)</p> <p>Мѣсяць мартъ прошел, и яз заговѣль з бесермены в недѣлю, да говѣл есми мѣсяць, мяса есми не ѣль и ничего скоромнаго, никакие ѣствы бесерменские, а ѣль есми по двожды на день хлѣбъ да воду, авратыйля ятм адым.(362; 364)</p>
<i>проѣхал /есмя проѣхали</i>	<p>Василей Папин проѣхал мимо город двѣ недѣли, и яз ждал в Новѣгородѣ в Нижнем две недѣли посла татарскаго ширваншина Асанбега;(350)</p> <p>И Казань есмя проѣхали доброволно, не видали никого, и Орду есмя проѣхали, и <i>Усланъ</i>, и Сарай, и <i>Берекезаны</i> есмя проѣхали.(350)</p>
<i>провели</i>	<p>И посол ширваншин Асанбѣгъ дал имъ по однорятке да по полотну, чтобы провели мимо Хазтарахан.(350)</p>

<i>раз(ъ)-/роз(ъ)-</i>	
<i>розошлись</i>	<p>И мы, заплакавъ, да розошлись кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь;(352)</p>
<i>розвозят</i>	<p>А в Кулури же родится ахикъ, и ту его дѣлают, на весь свѣтъ отгуду его розвозят;(376)</p>

<i>с(ъ)-</i>	
<i>съезжается</i>	<p>На год единъ базарь, съезжается вся страна Индийская торговати, да торгуют 10 дни;(356)</p>
<i>свозят</i>	<p>Приводят кони, до 20 тысящъ коней продавати всякый товар свозят;(356)</p>

RIASSUNTO

Introduzione

La categoria aspettuale che contrassegna in larga misura il sistema verbale russo è estremamente complessa e presenta delle caratteristiche del tutto particolari. Tale tematica è stata oggetto di infinite polemiche e discussioni tra i linguisti. Nonostante il fatto che, sia nella linguistica russa, sia in quella occidentale, già da tempo esista un sufficiente numero di approcci e di ipotesi teoreticamente e scientificamente fondate, tutta una serie di domande relative all'aspettualità, alla sua interpretazione, ai mezzi grammaticali usati, rimangono tuttora aperte.

Uno dei problemi più rilevanti che riguardano l'aspetto delle lingue slave (e di quella russa in particolare) è lo sviluppo semantico dei preverbi all'interno delle forme verbali prefissate nonché le loro caratteristiche e funzioni aspettuative. Nell'ambito di questa tesi affronteremo tale problema tramite l'analisi di alcuni verbi prefissati e degli eventuali imperfettivi secondari derivati attestati nel *Choždenie za tri morja Afanasija Nikitina (Viaggio oltre i tre mari di Afanasij Nikitin)*¹⁵. Si tratta di un testo russo-antico risalente alla fine del XV secolo, un periodo in cui la categoria aspettuale attraversa un periodo di veloce sviluppo contrassegnato dalla comparsa di caratteristiche funzionali che la avvicinano rapidamente al suo stato moderno¹⁶.

La derivazione verbale di tipo aspettuale nella lingua russa, sia nei tempi antichi che nelle sue fasi più recenti, si verifica in due modi principali: mediante prefissazione o suffissazione. Occorre, tuttavia, aggiungere che il carattere storicamente primario, così come la prevalenza di un procedimento morfologico sull'altro sono tuttora l'oggetto di discussioni accese tra gli studiosi.

Inoltre, è importante ricordare che la categoria aspettuale nel russo antico differisce morfologicamente dal suo stato odierno. Per esempio, forme prefissate, che nel russo moderno sono considerate perfettive, possono ancora presentare nel russo antico caratteristiche funzionali che il russo moderno attribuirebbe unicamente ai loro equivalenti imperfettivi. Visto che la grammaticalizzazione completa della categoria aspettuale nel periodo antico non è ancora avvenuta, le forme verbali perfettive russo-antiche possono combinare il valore risultativo con quello iterativo, mentre in russo moderno l'uso contemporaneo di questi valori è limitato ad alcuni casi particolari (per es. per esprimere il significato *nagljadno-primernoje*, quando un'azione usuale, iterativa viene presentata come un'azione singola ecc.). Ovviamente più un testo è arcaico, e più

¹⁵ D'ora in poi il titolo dell'opera sarà indicato come *Choždenie*.

¹⁶ Da questo punto di vista *Choždenie* rappresenta tante novità morfo-funzionali rispetto ai testi più antichi come quelli di *Povest' vremennyh let* (analizzato in precedenza da L. Ruvoletto) come pure *Zadonščina* da M. Sacchini (ad es. l'assenza assoluta nell'opera delle forme verbali dell'imperfetto contemporaneamente con un progressivo aumento delle forme secondarie imperfettive).

saranno maggiori le divergenze esprimibili dalle forme verbo-aspettuali rispetto al sistema tempo-aspettuale del russo moderno sia a livello formale che funzionale.

Il testo da noi scelto per l'analisi rappresenta un valido strumento per comprendere queste problematiche per il motivo che l'opera risale al periodo in cui la categoria aspettuale attraversa un periodo di rapido sviluppo contrassegnato dalla comparsa di caratteristiche funzionali che la avvicinano velocemente al suo stato moderno. Da questo punto di vista lo *Choždenie* rappresenta tante novità morfo-funzionali rispetto ai testi più antichi come quelli di *Povest' vremennyh let* (analizzato in precedenza da L. Ruvoletto) come pure *Zadonščina* da M. Sacchini (ad es. l'assenza assoluta nell'opera delle forme verbali dell'imperfetto contemporaneamente con un progressivo aumento delle forme secondarie imperfettive).

Come è stato accennato prima, la presente tesi di laurea ha come oggetto di studio l'evoluzione dei mezzi morfologici (prefissazione e suffissazione) messi in funzione per esprimere i valori aspettuali nelle forme prefissate verbali. A tale scopo vengono analizzati alcuni esempi di forme verbali prefissate, attestate nello *Choždenie* di Afanasij Nikitin. L'analisi verterà sui valori dei prefissi riscontrati nel testo nonché su alcune forme imperfettive prefissate formatesi tramite suffissazione (la cosiddetta imperfettivizzazione secondaria) delle corrispettive forme prefissate protoperfettive.

Obiettivo del presente lavoro è definire i significati principali che ogni prefisso sviluppa in combinazione con il valore semantico del verbo di base non prefissato, analizzare l'interazione del significato del prefisso con il valore lessicale del verbo di partenza (a seconda dell'appartenenza del verbo a uno delle classi azionali); determinare l'impatto/il ruolo del contesto sul valore aspettuale delle forme verbali analizzate; individuare l'eventuale presenza delle corrispettive forme imperfettive e, infine, individuare delle potenziali coppie (proto-coppie) aspettuali che si formino tra il verbo protoperfettivo prefissato e la sua corrispettiva forma secondaria imperfettiva.

La pertinenza dell'argomento trattato in questa tesi è condizionata dal fatto che la categoria grammaticale dell'aspetto, come pure il rapporto tra l'aspetto perfettivo e quello imperfettivo, rientrano tra le più complesse e interessanti questioni della grammatica russa, ma contengono anche un numero elevato di questioni finora aperte che richiedono ulteriori studi e approfondimenti. La necessità di prestare molta attenzione allo studio dei verbi prefissati, secondo alcuni scienziati, è determinata in primo luogo dal fatto che proprio in questa categoria verbale inizialmente sono emerse le prime specifiche differenze protoaspettuali, le quali più tardi nel corso dell'evoluzione si sono estese anche ai verbi non prefissati. Dunque, il lavoro svolto nella presente tesi potrebbe contribuire a evindenziare il notevole progresso nell'evoluzione della categoria aspettuale nonché a

definire il grado di sviluppo di tale categoria nel dato periodo storico (alla fine del XV secolo). Analizzando i brani prescelti abbiamo provato a fornire delle risposte a questa problematica.

Struttura della tesi

La presente tesi è composta da un'Introduzione, da alcune Note preliminari, dal Capitolo I che introduce i presupposti teorici del lavoro, e dal Capitolo II in cui è proposta l'analisi degli esempi, dalle Conclusioni, dalla Bibliografia, da un'Appendice (che include due tabelle 1 e 2) nonché un Riassunto della tesi redatto in lingua italiana.

Nell'Introduzione sono spiegate le ragioni per cui è stata intrapresa questa tesi, vengono messi in rilievo l'oggetto dello studio, motivati e giustificati gli obiettivi e le finalità della tesi; viene descritta la base metodologica e teorica dello studio, nonché delineata la struttura della tesi.

Nelle Note preliminari, di carattere filologico, vengono fornite brevi informazioni storico-filologiche sulla fonte letteraria da cui vengono prelevati i brani utilizzati nell'analisi dei verbi prefissati, sui principali manoscritti pervenuti e sulle edizioni critiche più recenti e autorevoli.

Il Capitolo I consiste di due parti: nella prima parte Lo stato d'arte vengono succintamente esposti, a partire dalla seconda metà dell'Ottocento, gli studi più rilevanti che inquadrano la storia delle origini, come pure dell'evoluzione della categoria aspettuale delle lingue slave; vengono prese in esame alcune ipotesi e teorie che hanno dato un contributo particolarmente valido allo studio della questione; infine vengono elencati gli studi più importanti. Nella seconda parte Presupposti teorici della ricerca si affrontano le principali questioni teoriche trattate nella tesi. Vengono presentati alcuni concetti teorici principali, concernenti la formazione e lo sviluppo della categoria aspettuale nella lingua russa antica, il suo posto nel sistema antico verbale dei tempi, come pure le principali differenze funzionali del sistema protoaspettuale della lingua russa rispetto al suo stato nella lingua russa moderna), così come l'evoluzione dei principali meccanismi morfologici dell'aspetto, vale a dire, quelli della prefissazione e della suffissazione.

Il Capitolo II, che rappresenta il nucleo della presente tesi è dedicato all'analisi dei singoli prefissi nelle forme verbali rilevate nello *Choždenie*. Si fornisce una sequenza di sottovoci (sezioni) secondo il numero dei prefissi esaminati (in totale sono 15), i quali sono disposti in ordine alfabetico russo: $v(\mathfrak{b})-$; $v(\mathfrak{b})z-$; $vy-/iz-$; $do-$; $za-$; $na-$; $o-/ob(\mathfrak{b})-$; $ot(\mathfrak{b})$; $pere-$; $po-$; $pri-$; $pro-$; $raz(\mathfrak{b})-/roz(\mathfrak{b})-$; $s(\mathfrak{b})-$; $u-$. Fanno eccezione i preverbi $iz-$ e $vy-$ che vengono trattati insieme in quanto presentano dei valori simili. Ciascuno dei prefissi analizzati è stato esaminato dal punto di vista della sua capacità di apportare alla forma verbale di base sia il valore lessicale sia quello aspettuale. Un'analisi approfondita degli esempi analizzati consente di determinare come la semantica del prefisso interagisca con il significato lessicale della base verbale non prefissata. Si può vedere come

a seconda dell'appartenenza del verbo ad una classe azionale, il prefisso può sviluppare una funzione solo lessicale, oppure lessicale-aspettuale, oppure anche puramente aspettuale. Nel primo caso (funzione solo lessicale) in combinazione con un verbo non prefissato, il prefisso acquisisce un valore puramente spaziale. Come afferma L. Ruvoletto, in questo caso «l'unione del preverbo con il verbo assomiglia ad una giustapposizione di elementi autonomi nella frase, con apporto di significato generalmente di tipo spaziale» (Ruvoletto 2016: VIII). Inoltre, occorre aggiungere che nello *Choždenie* i verbi in cui il prefisso assume tale significato sono piuttosto rari.

Nel secondo caso, (funzione lessicale e aspettuale), invece, la semantica originaria spaziale del prefisso si associa al valore risultativo che racchiude in sé l'idea di raggiungimento del limite d'azione. Ricordiamo che il valore risultativo delle forme prefissate si riferisce a una semantica già aspettuale, che nel processo evolutivo della categoria dell'aspetto verrà assorbito dal polo perfettivo dell'opposizione binaria «perfettivo vs imperfettivo» (Ruvoletto 2016: VIII).

Infine, nel terzo caso (funzione solo aspettuale), il valore lessicale del preverbo sembra diventare poco o nulla evidente, passando in secondo piano, mentre il valore risultativo in tal caso assume un ruolo dominante prevalendo su quello lessicale. Probabilmente, è stato proprio il valore risultativo, il quale compare in combinazione con i verbi terminativi, e che comporta una desemantizzazione (parziale o completa) del prefisso, con perdita dei loro valori spaziali originali, che è servito come un presupposto per la comparsa del vero e proprio valore protoaspettuale nel russo antico.

Oltre alla classe lessicale (azionale) del verbo di partenza, anche il contesto della frase in cui si trova il verbo prefissato (ossia i costituenti della frase) incide sull'espressione di valori aspettuale (del valore risultativo).

Una parte importante del presente lavoro (analizzato sempre nel Cap. II) riguarda l'analisi delle cosiddette forme secondarie imperfettive, che è di particolare interesse per il nostro studio. Com'è già stato accennato in precedenza il periodo in cui appare *Choždenie* è caratterizzato da uno sviluppo particolarmente intenso della categoria verbale, in particolare dalla proliferazione dei mezzi morfologici imperfettivizzanti (per es. la comparsa del suffisso imperfettivizzante proprio del russo antico *yva-/-iva-* specializzato per la sua funzione morfologica). A questo proposito, per una serie di prefissi, vale a dire: *v(ʋ)-*; *v(ʋ)z-*; *vy-*; *za-*; *o-/ob(ʋ)-*; *po-*; *pri-*; *pro-*; *raz(ʋ)-/roz(ʋ)*; *s(ʋ)-* è stato identificato un numero significativo di forme imperfettive secondarie, l'analisi delle quali è presentata nei capitoli di rispettivi prefissi.

E infine, seguono le Conclusioni e, dopo di queste, un'Appendice che racchiude il materiale testuale che è servito come base per l'analisi linguistica presentata in questa tesi. I verbi affissati sono elencati nelle tabelle 1 e 2, in ordine alfabetico.

Lo stato d'arte

La questione è già da molto tempo di grande interesse per gli esperti in materia, si può dire fin dalla seconda metà del XIX secolo.

Durante quasi tutto il XIX secolo, utilizzando approcci e metodi scientifici diversi, gli studiosi hanno cercato di identificare un'unica base logica per dividere i verbi russi secondo gli aspetti. Uno dei primi linguisti ad opporsi risolutamente all'uso di criteri eterogeni per classificare i verbi è stato A.A. Potebnja. In una delle sue opere più significative *Iz zapisok po russkoj grammatike* lo scienziato ha introdotto il concetto di *grado della durata d'azione* come base della categoria aspettuale. Tuttavia, Potebnja non ha trattato la questione dell'origine della categoria aspettuale nel senso moderno, perciò il suo lavoro fornisce solo un materiale preliminare per lo studio dello sviluppo storico degli studi sulla categoria aspettuale.

Il dibattito sul problema dell'espressione e del contenuto dell'aspetto verbale dopo A.A. Potebnja ha gradualmente portato alla comprensione della natura binaria della categoria aspettuale che abbraccia due categorie dei verbi contrapposte, dell'aspetto perfettivo e di quello imperfettivo. Quest'idea si è evoluta nelle opere di G.K. Ul'janov, F.F. Fortunatov, A.A. Šachmatov e di altri.

Poiché il traguardo di questa tesi è quello di analizzare i significati (valori) semantici e aspettuati di alcuni prefissi nella lingua russa antica, si deve sottolineare che alla fine del XIX secolo, parallelamente alla ricerca di un criterio affidabile per la definizione dell'aspetto verbale, gli scienziati hanno iniziato ad interrogarsi sul ruolo dei prefissi nell'evoluzione di tale categoria. Visto che la differenza aspettuale nella lingua russa moderna si esprime principalmente tramite l'uso o non-uso dei prefissi, la questione delle origini autoctone delle differenze aspettuati si è concentrata principalmente sulla questione se i verbi in combinazione con i prefissi potevano assumere da sempre il valore aspettuale perfettivo oppure se la funzione aspettuale fosse comparsa più tardi.

Secondo il parere di alcuni, per esempio di G.K. Ul'janov, il quale nella sua opera *Značenijs glagol'nych osnov v litovsko-slavjanskom jazyke* del 1895 scriveva che «nelle epoche più antiche, in tutte le lingue slave in generale, le basi (derivate o non derivate), aggiungendo i prefissi non necessariamente transformavano il valore imperfettivo in quello perfettivo». Secondo altri linguisti, contemporanei di Ul'janov, come F.F. Fortunatov, così come A.A. Šachmatov, i prefissi potevano sviluppare il valore perfettivo in combinazione con i verbi di qualsiasi tipo. Da questo punto di vista, i verbi prefissati perfettivi devono essere considerati come originari, mentre i loro corrispettivi derivati, cioè i verbi imperfettivi secondari prefissati, rappresentano una nuova formazione.

Nel 1924 è stato pubblicato il lavoro di A. Meillet *Le slave commun*. Nel capitolo sull'origine dell'aspetto verbale slavo, il linguista francese esamina il problema nei termini della tradizione della

linguistica indoeuropea comparativa, ipotizzando che la categoria aspettuale slava fosse evoluta dalla giustapposizione delle basi verbali del presente (come un processo in via di sviluppo) e quelle dell'aoristo (come un processo completato terminato). Per quanto riguarda il ruolo dei prefissi nella formazione dell'aspetto verbale slavo, secondo Meillet, le lingue, in cui la contapposizione dell'aoristo e del presente sta gradualmente scomparendo, ricorrono alla prefissazione verbale per distinguere un processo "completato" da quello "in via di sviluppo". Inoltre, va sottolineato che, fino agli anni '20 del secolo scorso, la maggior parte dei linguisti, compreso Meillet, ha accettato come un assioma la teoria della genesi dell'aspetto verbale slavo direttamente dalla categoria aspettuale indoeuropea.

Il linguista olandese N. van Wijk fu il primo a ipotizzare che l'aspetto verbale slavo sarebbe potuto evolversi sul suolo slavo stesso dall'opposizione categoriale binaria di determinazione / indeterminazione. Secondo lo studioso nello slavo comune il sistema aspettuale rappresentava una "novità" la quale nelle prime fonti attestate non aveva ancora raggiunto il suo stato odierno.

Contemporaneamente a van Wijk il linguista polacco J. Kuryłowicz nel suo articolo *La genèse d'aspects verbaux slaves* del 1929 tenta di identificare l'elemento da cui sarebbe poi scaturita l'opposizione aspettuale tipica delle lingue slave. Secondo lo studioso tale opposizione avrebbe avuto inizio, come ipotizzato anche da van Wijk, in un imprecisato momento del protoslavo, con la suffissazione binaria di un verbo di partenza in *-nq-* (*-n-*) e *-a-*, come nella coppia di verbi *dvignŋti* e *dvigati*. Il suffisso *-nq-*, di origine indoeuropea, sottolineava il momento iniziale o quello finale dell'azione, mentre il suffisso *-a-*, sempre di origine indoeuropea, aveva significato frequentativo. (Ruvoletto 2016: 6-7).

Nei primi decenni del dopoguerra l'interesse per la categoria aspettuale slava, in particolare nella lingua russa, guadagna nuovo slancio. Negli anni Cinquanta e Sessanta del XX secolo, sia in Unione Sovietica che in Europa emerge un gran numero di pubblicazioni e articoli che continuano a sviluppare l'argomento dell'origine e dell'evoluzione dell'aspetto verbale.

Ad esempio, nel 1953 nella rivista specializzata *Voprosy jazykoznanija*, uscì un articolo di V.V. Borodič *K voprosu o formirovanii soveršennogo i nesoveršennogo vida v slavjanskich jazykach*. In questo lavoro, la studiosa avanza l'ipotesi che «il processo di sviluppo dell'aspetto (perfettivo e imperfettivo) abbia avuto luogo sulla base delle singole lingue slave, mentre nello slavo comune si sono formate soltanto le premesse per il loro sviluppo ulteriore». Secondo la linguista, la codificazione del sistema aspettuale si è verificata in un momento in cui «l'idea di determinatezza / indeterminatezza ha cessato di essere un concetto di sola natura lessicale e lessicale-grammaticale, ma è diventato una vera e propria categoria grammaticale».

Il linguista ceco I. Němec nell'articolo *Categoria determinovanosti un indeterminovanosti Jako základ Slovanské kategorie vidu* e più tardi anche nel libro *Genese slovanského systému vidového*, continua ad esplorare il rapporto tra la categoria aspettuale slava e il sistema indoeuropeo dei tempi verbali. Nel suo lavoro, lo scienziato critica e rivede l'ipotesi secondo la quale l'aspettualità originariamente non è stata una categoria slava, ma è emersa successivamente dalla correlazione di determinatezza / indeterminatezza. Lo studioso tenta di conciliare la versione più radicale di questa teoria proposta in precedenza dalla Borodič e quella proposta da van Wijk. Inoltre, occorre menzionare i linguisti A. Dostál e H. Kölln che hanno contribuito allo studio dell'origine dell'aspetto verbale slavo dalla lingua proto indoeuropea.

Vanno inoltre menzionate le ricerche di A.V. Isačenko, che per descrivere le caratteristiche particolari della derivazione prefissale del verbo russo introduce il termine *soveršaemost'* (corrispondente al tedesco *Aktionsart*), che è stato molto diffuso negli anni 1960-1980. Isačenko ritiene che l'aspetto e *soveršaemost'* (ovvero *способ глагольного действия*), rappresentino manifestazioni differenti dello stesso fenomeno in distribuzione complementare.

Nel 1958 uscì il celebre articolo di Ju. S. Maslov *Rol' tak nazyvaemoj perfektiivacii i imperfektivacii v processe vznikovenija slavjanskogo glagol'nogo vida*, scritto in occasione del IV Congresso Internazionale degli Slavisti. Le posizioni espresse nell'articolo riguardano gli stessi temi che dominano il dibattito degli anni Cinquanta. Lo scienziato giunge alla conclusione che il processo di suffissazione imperfettivizzante nell'evoluzione del sistema aspettuale svolge il ruolo della forza motrice, attorno a cui avviene il processo di codificazione dell'aspetto imperfettivo. E in seguito in opposizione all'aspetto imperfettivo si codifica anche l'aspetto perfettivo. Inoltre, il linguista ha interpretato la complessa interazione tra la morfologia e la semantica dei verbi a seguito della quale si è gradualmente sviluppata l'opposizione aspettuale. La prospettiva che emerge dal suo lavoro contrassegna una nuova fase nella ricerca sulle origini e sull'evoluzione dell'aspetto.

Nel 1957 viene pubblicato l'articolo *Verbs and Times* del filosofo inglese Z. Vendler che analizza il sistema temporale dei verbi inglesi, individuando quattro classi verbali sulla base dei loro significati lessicali. Nella stessa misura in cui la ricerca di Maslov ha contribuito nell'aspettologia russa, il lavoro di Vendler è stato il punto di partenza per molti linguisti occidentali che si occupano di problemi della categoria aspettuale. Nonostante il suo lavoro sia costruito esclusivamente sugli esempi tratti della lingua inglese e non esplori direttamente la categoria d'aspetto, l'analisi eseguita nell'articolo suggerisce tuttavia che ci sia un effetto rilevante, che il valore lessicale del verbo esercita sulla struttura convenzionale del sistema verbale. Le conclusioni cui sono giunti sia Maslov che Vendler in seguito al loro lavoro è un traguardo importante che imposta una nuova direzione per lo studio dell'evoluzione del sistema aspettuale del verbo russo.

Un altro aspetto del problema, relativo ai prefissi e al processo di prefissazione, considera l'evoluzione del valore semantico del prefisso in relazione alla funzione aspettuale e alla capacità di esprimere i «modi d'azione». Questo problema è stato affrontato da M.V. Nefediev e da O.I. Dmitrieva.

Nel 1982, viene pubblicata l'opera di V.B. Silina *Istorija kategorii glagol'nogo vida*. Basandosi sulle conclusioni e condividendo i punti principali dell'ipotesi sviluppata da Ju. S. Maslov, Silina tuttavia crede che la suddetta ipotesi non sia sufficientemente suffragata da prove. L'approccio utilizzato dalla linguista è piuttosto tradizionale ed è stato per questo criticato. Tuttavia, il valore di questo lavoro risiede nel fatto che la studiosa propone un'analisi dettagliata dei mezzi imperfettivizzanti.

Una delle opere più significative tra quelle più recenti è la monografia di N. Bermel *Context and Lexicon in the Development of Russian Aspect del 1997* pubblicata dall'Università di Berkeley. Lo studio illustra dettagliatamente il problema dell'evoluzione dell'aspetto verbale, oltre che la storia dello studio di questo problema nella linguistica russa e occidentale.

Due ulteriori studi meritano una particolare attenzione: la monografia *I prefissi verbali nella Povest vremennyh let* di L. Ruvoletto (Ruvoletto 2016) che presenta una dettagliata analisi dei valori spaziali e aspettuativi dei prefissi in unione con i verbi di base appartenenti alle varie classi azionali, così come appare dal materiale del *Povest' vremennyh let* e la tesi di dottorato *Protocoppie aspettuative nella Zadonščina* di M. Sacchini (Sacchini 2014) che esplora il processo di formazione delle coppie protoaspettuative in russo antico sulla base del materiale tratto dalla *Zadonščina*. Lo studioso propone un'analisi diacronica del valore semantico dei prefissi nonché le modalità in cui la modifica di questo valore influiscono sulla capacità del verbo prefissato di entrare in una relazione di coppia protoaspettuale.

Presupposti teorici (questioni terminologiche) e risultati raggiunti

Per una migliore comprensione dei risultati dell'analisi proposta nella tesi è importante chiarire alcune questioni terminologiche e soprattutto il significato e il ruolo dei processi di prefissazione e suffissazione verbale, specificando in particolare le loro caratteristiche funzionali nella lingua russa antica.

Prefissazione e suffissazione verbale nella lingua russa antica

Le ricerche sull'evoluzione dell'aspetto dal proto-slavo al russo antico e poi durante il russo antico hanno mostrato che i prefissi, che etimologicamente risalgono alle corrispettive preposizioni,

inizialmente svolgevano solo una funzione spaziale indicando una direzione o posizione nello spazio. I significati legati alla terminatività e successivamente anche alla risultatività proto-perfettiva emergono nel corso dell'evoluzione del sistema temporale-aspettuale dei verbi. Inoltre, in un secondo tempo i prefissi sviluppano anche una funzione solo aspettuale per indicare che il verbo a cui erano legati fosse solo proto-perfettivo senza nessun riferimento al valore spaziale originario del prefisso. In seguito l'evoluzione della categoria aspettuale procede con uno sviluppo intenso dell'imperfettivizzazione secondaria che porterà gradualmente alla formazione della categoria aspettuale nel suo stato odierno.

A partire da questi presupposti l'analisi segue per ogni prefisso uno schema costante, che si articola in due momenti: in un primo momento si osservano i valori che il prefisso assume con i verbi di base, sia *terminativi* che *aterminativi* (spaziale, spaziale-risultativo e solo risultativo), mettendo in evidenza le trasformazioni lessicali, azionali e aspettuale subite dai verbi con la prefissazione allo scopo di mettere in rilievo i modi in cui si sviluppa la funzionalità legata alla prefissazione stessa; il secondo momento, invece, consiste nell'analisi di eventuali forme secondarie imperfettive attestate nello *Choždenie*, nonché nella valutazione delle coppie protoaspettuale che queste formano o possono ipoteticamente formare con le corrispettive forme protoperfettive. In relazione a ciò è utile anche precisare che per il termine *terminativo (telico)* si intende sia l'azione che tende al raggiungimento del proprio limite naturale (*predel*), sia l'azione come evento, inteso come effettivo raggiungimento del limite stesso. Gli verbi *aterminativi (atelici)* esprimono, invece, uno stato o un'azione senza un limite nel suo procedere, oppure anche l'usualità dello stato o dell'azione stessa.

Dopo aver chiarito il legame genetico tra il valore risultativo e quello aspettuale possiamo dire che l'analisi delle forme verbali prefissate ha mostrato come il prefisso, in unione ai verbi di base (non prefissati) che nel loro significato lessicale abbiano un concetto implicito del limite d'azione (verbi terminativi), rende esplicito il raggiungimento di tale limite, sviluppando il valore risultativo. Ricordiamo che nel corso del tempo il valore risultativo verrà assorbito nella semantica della perfettività, assumendo gradualmente le proprietà di una categoria grammaticale. Tuttavia, benché questo valore sia da intendersi come valore aspettuale di tipo perfettivo, si inizia a parlare dell'aspetto propriamente perfettivo soltanto nel momento in cui il processo dell'imperfettivizzazione secondaria, che induce anche un progressivo aumento quantitativo delle coppie aspettuale (PF vs IPF), diventerà altamente produttivo. L. Ruvoletto ribadisce l'affermazione di Maslov che «il perno principale del sistema morfologico dell'aspetto rimane la suffissazione imperfettivizzante» come processo di codificazione dell'aspetto imperfettivo, in opposizione al quale

si codifica anche l'aspetto perfettivo, principalmente a partire dal modo d'azione «risultativo» nell'ambito dei verbi terminativi (Ruvoletto 2016: 20).

Ricordiamo che il fenomeno dell'imperfettivizzazione secondaria verbale si riferisce al processo di formazione delle forme imperfettive secondarie dai corrispettivi verbi perfettivi prefissati tramite i mezzi imperfettivizzanti specializzati (i quali sono i suffissi). Diversamente dai prefissi, i suffissi sin dalla loro origine non hanno mai avuto un'autonomia lessicale, svolgendo da sempre la funzione morfologica degli affissi. Questo mentre il prefisso come abbiamo visto può mutare la semantica del verbo oltre che indicarne la (proto)perfettività (Sacchini 2014: 55).

In questa prospettiva, dunque, l'analisi del fenomeno dell'imperfettivizzazione secondaria è il secondo aspetto importante nello studio delle forme prefissate riscontrate nello *Choždenie*¹⁷.

Risultati dell'analisi dei prefissi

Sotto riportiamo brevemente i valori spaziali che ogni prefisso possiede originalmente, vedremo come essi possono influenzare e mutare il significato della base verbale nonché indichiamo i valori che ogni prefisso sviluppa in combinazione con i verbi a seconda dell'appartenenza del verbo a una classe azionale (terminativi e aterminativi). Tutti e 15 i prefissi vengono trattati seguendo l'ordine alfabetico russo, ciascun prefisso in un capitoletto separato, esattamente come essi appaiono nella tesi.

Il prefisso *v(ъ)-*

Il prefisso *v(ъ)-* ha il significato spaziale «dentro» che appartiene anche all'omofona preposizione *v(ъ)* usata con i casi accusativo e locativo. Nello *Choždenie* il prefisso acquisisce valore spaziale-resultativo con i seguenti verbi terminativi: alcuni verbi di moto determinato, i quali esprimono sia l'orientamento spaziale del movimento sia il raggiungimento del limite dell'azione (funzione resultativa).

Inoltre, il prefisso assume il suddetto valore in unione con un verbo terminativo non di moto (*внадох*) che si riscontra nel testo contemporaneamente con il proprio derivato imperfettivo secondario (*внадаяюм*).

Il prefisso *v(ъ)z-*

¹⁷ Ricordiamo che lo *Choždenie* risale alla fine del XV secolo (1472), cioè più di 350 anni dopo la redazione della *Povest' vremennykh let* (che risale all'inizio del XII sec), e, di conseguenza, nell'opera si verifica un numero maggiore sia di forme imperfettive secondarie sia degli suffissi imperfettivizzanti i quali sono elencati nell'ordine decrescente a base della loro frequenza nel testo.

Il valore spaziale del prefisso *v(b)z-* può essere definito come «movimento verso l'alto». Il prefisso assume sempre il valore spaziale-risultativo con i verbi di moto oppure con verbi che indicano in generale uno spostamento. Per di più nell'opera compaiono due esempi con il valore ingressivo-risultativo (che rappresenta un'azione momentanea vista nell'atto stesso del suo compiersi).

Inoltre, nell'opera è presente qualche forma verbale con il significato solo risultativo del prefisso, il cui valore spaziale non sembra più essere evidente.

Infine, con questo prefisso è attestata una forma imperfettiva secondaria (*взздеваюм*).

Il prefisso *vy-/ iz-*

I prefissi *vy-/ iz-* vengono trattati insieme poiché hanno il medesimo significato spaziale di «movimento dall'interno verso l'esterno», espresso anche dalla preposizione *iz* con il caso genitivo, mentre per il prefisso *vy* non è attestata un'omofona preposizione. Nello *Choždenie* i prefissi assumono valore spaziale-risultativo con i verbi di moto determinato, come pure con un gruppo dei verbi terminativi la cui semantica implica comunque un movimento metaforico «dall'interno verso l'esterno». Oltre a ciò vengono visti alcuni verbi terminativi con cui il prefisso *iz-* assume il valore solo risultativo mettendo il significato spaziale al secondo piano, mentre con il prefisso *vy-* gli esempi con valore solo risultativo non sono stati rilevati nell'opera. Inoltre, si riscontrano numerosi casi di imperfettivi secondari dei verbi di moto (che sono le forme verbali prefissate di moto determinato) i quali, a differenza dalle forme verbali con valore risultativo, sono rappresentati esclusivamente da verbi formati con il prefisso *vy-*.

Il prefisso *do-*

Il prefisso *do-* compare nello *Choždenie* con minor frequenza rispetto agli altri prefissi. Il suo significato spaziale di «raggiungimento del limite» avvicina il prefisso alla preposizione omofona *do*, usata con il caso genitivo. Nell'opera si riscontra un unico esempio *dotyčjut* in cui il prefisso si unisce a un verbo terminativo non di moto assumendo il valore spaziale-risultativo. Va sottolineato che questo verbo prefissato è rappresentato dalla forma del cosiddetto «presente non attuale», uso che nella moderna aspettologia russa è noto con il nome *nagljadno-primernoje značenie* («significato visivamente esemplificativo») ¹⁸. Inoltre, nello *Choždenie* è presente un gruppo dei derivati dal verbo *doiti* (formato dal verbo di moto determinato *iti*) in cui il prefisso sempre assume il valore spaziale-risultativo.

Il prefisso *za-*

¹⁸ Ruvoletto (2016: 45)

Il significato spaziale del prefisso *za-* implica l'idea del superamento di un limite, verso uno spazio situato «oltre» rispetto al limite stesso. Questo significato è legato a quello della preposizione *za* «dietro» con il caso accusativo, se il contesto esprime uno spostamento nello spazio, oppure con il caso strumentale, se il contesto implica invece uno stato. Nell'opera si riscontra un esempio in cui il prefisso acquisisce valore spaziale-risultativo in unione con un verbo terminativo che raffigura lo spostamento nello spazio. Si verificano alcuni casi in cui il prefisso *za-* assume il valore di tipo ingressivo che, tuttavia, implica il raggiungimento del limite dell'azione. Dunque, abbiamo identificato questo tipo di significato come ingressivo-risultativo.

Sono inoltre presenti alcuni casi in cui il valore del prefisso si avvicina a quello risultativo in quanto dimostra una desemantizzazione dovuta alla sovrapposizione dei significati del prefisso con quello del verbo di base.

Infine, con questo prefisso nell'opera compaiono due forme imperfettive secondarie.

Il prefisso *na-*

Il significato spaziale «sopra / contro» del prefisso *na-* si associa anche all'omofona preposizione *na* usata con il caso locativo o accusativo. I valori che il prefisso *na-* assume con i verbi nello *Choždenie* sono stati identificati come valore spaziale-risultativo I e il valore spaziale-risultativo II. Il significato spaziale-risultativo I della prefissazione con *na-* si realizza con verbi terminativi, fra cui rientrano anche i verbi di moto determinato. Il secondo tipo, ossia il valore spaziale-risultativo II, invece, è più astratto e si avvicina al significato di «accumulo/saturazione» che implica una graduale evoluzione della situazione nei riguardi del soggetto/oggetto diretto. Con questo significato nell'opera si verifica soltanto un esempio (*наложил есми*).

Il prefisso *o-/ob-*

Il significato spaziale del preverbo *ob-/o-* implica che l'azione espressa dal verbo si realizzi «intorno» ad un punto/oggetto di riferimento, logicamente desumibile nella frase anche quando non esplicitato. Tale significato è legato a quello spaziale della preposizione *o/ob(ъ)* «intorno» con il caso accusativo o locativo. Nello *Choždenie* si riscontra un cospicuo numero degli esempi in cui il prefisso assume valore spaziale-risultativo in combinazione con i verbi di base terminativi che nella maggioranza dei casi indicano un'azione concretamente descrivibile con espliciti riferimenti spaziali. Inoltre, si incontra un gruppo dei verbi in cui il prefisso assume funzione esclusivamente risultativa in quanto il suo valore non è più legato al concetto di spazio, bensì solo al raggiungimento del limite dell'azione.

Infine, sono stati rilevati due casi di forme imperfettive secondarie, una delle quali compare nell'opera assieme al corrispettivo verbo protoperfettivo.

Il prefisso *ot-*

Il preverbo *ot-* ha il significato spaziale di «allontanamento da un punto di riferimento». Questo significato si trova anche nell'omofona preposizione *ot* usata con il caso genitivo. Nello *Choždenie* il prefisso *ot-* acquisisce il valore spaziale-risultativo in unione con verbi di base terminativi.

Nel testo si riscontra, tuttavia, un caso in cui il prefisso assume tale valore anche con il verbo di base aterminativo che implica un processo non limitato. Il rapporto in cui si trova il verbo di base aterminativo e il suo correlativo prefissato può essere descritto come *processo* (verbo di base) : *evento* (verbo prefissato), vale a dire che la prefissazione in questo caso comporta il cambiamento della classe azionale per il verbo prefissato, in quanto aggiunge alla semantica del verbo di base il concetto di raggiungimento del limite dell'azione.

Il prefisso *po-*

Il prefisso *po-* il cui significato spaziale può essere definito come «lungo una superficie» ricorre nel «*Choždenie*» con maggior frequenza rispetto agli altri prefissi, e nella maggior parte dei casi con funzione risultativa. Un altro gruppo numeroso è costituito dai verbi di moto determinato (in totale sono 24 forme verbali) con i quali il prefisso *po-* assume il significato che può essere definito come spaziale-risultativo con valore «ingressivo». Questo significato unisce l'idea dell'inizio dell'azione con quella del suo svolgimento. Il numero elevato di tali verbi di moto determinato potrebbe essere spiegato dal fatto che il testo descrive un viaggio. E in più, nell'opera compaiono tre casi in cui il prefisso *po-* acquisisce il significato spaziale-risultativo con valore distributivo, sempre in combinazione con i verbi terminativi.

Occorre sottolineare infine la presenza del valore «distributivo» del prefisso *po-*, che è condizionata dall'uso di un soggetto/oggetto «plurimo».

Infine, sono state rilevate alcune forme imperfettive secondarie, due delle quali emergono nell'opera assieme alle corrispettive forme protoperfettive da cui derivano.

Il prefisso *pre-/pere-*

Il prefisso *pre-/pere-* ha il significato spaziale «da una parte all'altra». Nello *Choždenie* si riscontrano due casi in cui il prefisso unendosi ai verbi di base terminativi assume valore spaziale-risultativo. In entrambi i casi si tratta dei verbi di moto determinato la cui semantica, in

combinazione con quella del prefisso, esprime il concetto di «un movimento orientato per attraversare una superficie».

Inoltre, entrambe le forme si presentano nella variante slavo-ecclesiastica *pre-*, mentre la forma plefonica autoctona russa è del tutto assente nell'opera. Si potrebbe, dunque, considerare valida l'ipotesi secondo la quale la preferenza delle forme slavo-ecclesiastiche (con *pre-*) invece di quelle russe autoctone (con *pere-*) è legata ad un uso stilistico. Così come avviene anche nell'utilizzo dell'aoristo in tutti i contesti riguardanti la fede cristiana. Infatti, entrambi i verbi di moto *preplych* «ho attraversato navigando» e *preidoch* «ho attraversato camminando» sono utilizzati in forma dell'aoristo nonché si trovano in un contesto religioso.

Il prefisso *pri-*

Il preverbo *pri-* ha il significato spaziale di «vicinanza», espresso anche dall'omonima preposizione *pri* che con il caso locativo assume, fra le altre accezioni, anche quella che indica vicinanza a qualcuno o qualcosa. Il primo gruppo consistente rilevato nello *Choždenie* in cui il prefisso *pri-* assume significato spaziale-risultativo con valore «avvicinamento a un determinato punto nello spazio» è rappresentato dai verbi di moto determinato. In modo simile, come si è visto prima per il prefisso *po-*, il numero elevato dei verbi di moto che si uniscono al prefisso *pri-* è spiegabile col genere letterario dell'opera che descrive il viaggio intrapreso da un mercante. A differenza delle forme con *po-*, che nella maggior parte dei casi descrive la fase iniziale «ingressiva» degli spostamenti, le forme con *pri-*, invece, indicano solitamente il punto di arrivo («avvicinamento») del viaggiatore.

Inoltre, nel testo si riscontra un numero elevato di imperfettivi secondari dei verbi di moto (sotto forma di verbi di moto indeterminato prefissati). Molte di queste forme compaiono nel testo parallelamente alle corrispondenti forme protoperfettive (cioè le forme verbali prefissate di moto determinato), formando con queste delle coppie protoaspettuali.

Il prefisso *pro-*

Il significato spaziale del prefisso *pro-* implica l'idea di svolgimento dell'azione «per un tratto» di spazio. Nello *Choždenie* si riscontrano esempi in cui il prefisso *pro-* assume valore spaziale-risultativo. I verbi di base con cui *pro-* presenta questo significato sono verbi terminativi che esprimono uno spostamento nello spazio, la maggior parte dei quali è composta da verbi di moto determinato. In più, a questo gruppo si aggrega un verbo non di moto la cui semantica, tuttavia, implica il valore spaziale «per un tratto», avvicinandolo in questo senso ai verbi di moto con il prefisso *pro-*. Secondo quanto mostra l'analisi dei brani, anche il prefisso *pro-* alla pari con i

prefissi *po-* (movimento di tipo «ingressivo») e il prefisso *pri-* (movimento di tipo «avvicinamento») crea un cospicuo numero dei derivati con i verbi di moto determinato (movimento di tipo «per un tratto di spazio»). Dunque, una frequenza elevata dei verbi di moto uniti a questi tre prefissi (le cui semantiche implicano letteralmente *po-* «inizio», *pro-* «durata», *pri-* «avvicinamento o meta» del movimento) è dovuta al fatto che la descrizione degli spostamenti nello spazio è strettamente legata al filone tematico principale dell'opera letteraria che si basa sullo *choždenie* «viaggio».

Inoltre, nello *Choždenie* il prefisso *pro-* sviluppa il valore solo risultativo con i verbi di base sia terminativi che aterminativi in quanto la semantica stessa del prefisso oltre al elemento risultativo ha in sé anche il significato di «durata» intesa come «aderenza all'azione lungo un segmento spazio-temporale». Un altro dato interessante che emerge dall'analisi del prefisso *pro-*: nel testo compare un numero consistente di forme derivate dal verbo *prodati* «vendere» la cui semantica è legata al concetto di «commercio», il quale costituisce un altro filone tematico principale dell'opera, e per questo motivo è molto frequente nello *Choždenie*.

Infine, tali forme si riscontrano nel testo assieme alle corrispettive forme imperfettive secondarie formando con esse delle coppie protoaspettuali.

Il prefisso *raz(ʋ)- /roz(ʋ)-*

Il prefisso *raz(ʋ)- /roz(ʋ)-* ha significato spaziale «in diverse direzioni» è caratterizzato da una dinamicità di tipo centrifugo, rispetto ad un immaginario punto in cui ha luogo l'azione espressa dal verbo di base. Il prefisso si avvicina semanticamente al prefisso latino *dis-*. Nello *Choždenie* il prefisso si riscontra nelle varianti *raz(ʋ)- /roz(ʋ)- ras(ʋ)*. Ugualmente agli altri prefissi visti prima, il prefisso *raz(ʋ)- /roz(ʋ)-* sviluppa il valore spaziale-risultativo quando il verbo prefissato esprime, oltre al valore spaziale, anche quello di raggiungimento del limite dell'azione. Nell'opera questo avviene prevalentemente in combinazione con verbi di base terminativi, compresi alcuni esempi dei verbi di moto determinato i quali, dopo essere uniti al prefisso *raz(ʋ)- /roz(ʋ)-*, assumono il significato di «movimento da un punto nello spazio verso diverse direzioni». Invece, a tutti gli altri verbi non di moto il prefisso aggiunge alla semantica del verbo di partenza una connotazione negativa, vale a dire quella di «disintegrazione, distruzione».

Nella stragrande maggioranza dei casi, il prefisso *raz(ʋ)- /roz(ʋ)-* assume il valore risultativo con i verbi di base terminativi. Nello *Choždenie*, però, è stato identificato un caso in cui il prefisso sembra assumere tale valore anche con il verbo di base aterminativo (atelico) il cui valore viene interpretato analogamente a un simile caso visto per il prefisso *otʋ-*.

Inoltre, nel testo si attestano alcuni casi di imperfettivi secondari nonché un caso di imperfettivo del verbo di moto. Tutte queste forme emergono nel testo assieme alle corrispettive forme protoperfettive con le quali formano delle coppie protoaspettuali.

Il prefisso *s(ʋ)*-

Il significato spaziale del prefisso *s(ʋ)*- nelle forme prefissate rilevate nello *Choždenie* può essere definito come «avvicinamento/convergenza». A questo valore è legato anche il significato della preposizione omofona *sʋ* usata con il caso strumentale. Nello *Choždenie* si riscontra solo un caso in cui il prefisso *s(ʋ)*- assume significato spaziale-risultativo. Invece, gli esempi in cui il prefisso acquisisce valore solo risultativo in combinazione con i verbi di base terminativi costituiscono una maggioranza assoluta dei casi analizzati con il prefisso *s(ʋ)*-. Ci sono alcune ragioni che inducono a pensare che la funzione solo risultativa del prefisso *s(ʋ)*- emerga prevalentemente in unione con i verbi di base terminativi legati ad un particolare campo semantico, cioè quello della «creazione, produzione, realizzazione». E le forme riscontrate nel testo sembrano confermare tale ipotesi.

Inoltre, si attesta un caso con la funzione del prefisso solo risultativa che può essere trattato nei termini *processo* (*govoriti* «parlare») : *evento* (*sgovoriti* «raggiungere un accordo») ugualmente a due casi registrati con i prefissi *ot(ʋ)*- e *raz(ʋ)*- /*roz(ʋ)*-.

Infine, nell'opera si manifestano in buon numero anche imperfettivi secondari, tra cui sono compresi due verbi di moto prefissati.

Il prefisso *u*-

Il significato originario spaziale del prefisso *u*- sembra racchiudere l'idea di «un determinato luogo rispetto al quale o presso il quale si realizza l'azione espressa dal verbo di base». Tale significato si trova anche nella preposizione corrispondente *u* usata con il caso genitivo. Nello *Choždenie* si riscontrano due esempi in cui il prefisso assume il significato spaziale-risultativo in combinazione con verbi di base terminativi. La funzione solo risultativa del prefisso, invece, è assolutamente prevalente nell'opera in quanto si attestano i numerosi casi in cui viene messo in rilievo il raggiungimento del limite dell'azione, mentre il valore spaziale del preverbo non è più riconoscibile. In tutti gli esempi rilevati nel testo il prefisso realizza questo significato in unione con i verbi terminativi.

Risultati dell'analisi degli imperfettivi secondari

a) È logico che il suffisso imperfettivizzante più frequente nello *Choždenie* è il suffisso russo antico *-iva-/-yva-*. Questo suffisso si è diffuso molto rapidamente sul suolo russo in quanto rispondeva alle esigenze grammaticali del sistema linguistico, in quanto regolare nella sua applicazione e specializzato nella sua funzione. Questo suffisso si riscontra nell'opera nelle forme imperfettive secondarie con i seguenti prefissi (tra parentesi viene indicato il numero dei casi riscontrati nell'opera): *za-*: *zapisyvati* (8); *o-/ob-*: *omyvati* (8), *obivati* (10), *obyskivati* (9) che forma coppia protoaspettuale con *obyskati* (3); *po-*: *pokryvatisja* (11), *popolaskivati* (13), *pobivati* (12) che forma coppia protoaspettuale con *pobiti* nell'esempio (7); *pri-*: *prizyvati* (18); *raz-*: *razbivati* (8, 9) che emerge nel testo contemporaneamente con il verbo perfettivo *razbiti* (4); *s(ʔ)-* *skazyvati* (11,12), che forma coppia protoaspettuale con il verbo perfettivo *skazati* (4);

b) Inoltre, si riscontrano diversi esempi formati dal suffisso *-va-*, il quale pure, nel dato periodo storico (sec. metà - fine del XV sec), funge da mezzo di imperfettivizzazione assai produttivo. Nonostante sia più antico, questo suffisso è caratterizzato già come un mezzo specializzato il quale compariva già nel periodo protoslavo e appariva regolarmente nelle forme verbali imperfettive le cui basi terminavano in vocale. Verso la fine del XVII sec., tuttavia, la sua produttività si riduce notevolmente, cedendo gradualmente la propria funzione al nuovo mezzo morfologico imperfettivizzante *-iva-/-yva-*. Tramite questo suffisso si formano i seguenti imperfettivi secondari: con il prefisso *vz(ʔ)-*: *vzdevati* (8); con il prefisso *pro-*: *prodavati* (14), che compare nel testo assieme alla sua corrispettiva forma protoperfettiva *prodati* (12, 13);

c) Nello *Choždenie* emergono alcuni esempi di imperfettivi secondari, in cui come mezzo di imperfettivizzazione appare l'antico suffisso *-a-* che in protoslavo svolgeva il ruolo di strumento morfologico per formare i verbi indeterminati. Di conseguenza, la sua funzione imperfettivizzante era piuttosto secondaria, fatto che potrebbe spiegare la sua scarsa produttività. Nel testo compare un esempio di imperfettivo secondario con il prefisso *v(ʔ)-*: *vpadati* (5) formatosi tramite il suffisso *-a-* dal corrispettivo verbo protoperfettivo prefissato *vpasti* (< **vpadti*) nell'esempio (5). Questo verbo prefissato imperfettivo forma coppia protoaspettuale con il verbo protoperfettivo corrispettivo *vpasti*, anch'esso rilevato nel testo nell'esempio (4); Con il prefisso *za-* si riscontra l'imperfettivo secondario *zaimati* (9) che deriva dal verbo protoperfettivo *zajati* (< **zaim-ti*). Inoltre, nello *Choždenie* emerge un altro esempio di imperfettivo con il prefisso *po-* *poimati* (15) dal verbo *pojati* (< **poim-ti*), entrambi formati per il mezzo del suffisso *-a- //- *j-* (dove **j-* indica l'alternanza morfonologica di consonanti nel tema verbale).

d) Inoltre, nel testo si riscontra una quantità esigua di esempi di imperfettivi secondari nei quali, come mezzo di imperfettivizzazione, appare l'alternanza delle vocali tematiche. Ad esempio, con il prefisso *po-* emerge la forma imperfettiva secondaria *posylati* (14), formata tramite l'alternanza vocalica (-*ь*//*-би-*) (*s^ьlati* - *sylati*) la quale si trova nel testo contemporaneamente con la correlata forma protoperfettiva *poslati* nell'esempio (8); E in più, con il prefisso *raz(ь)-*, il verbo *razvaljati* (10), formato dal suffisso *-ja-*, il quale già all'epoca mostrava una scarsa produttività come mezzo di formazione dei verbi indefiniti nonché come mezzo primario di imperfettivizzazione. Nella lingua russa moderna questo suffisso come mezzo di imperfettivizzazione è diventato non produttivo.

Risultati dell'analisi degli imperfettivi secondari dei verbi di moto

Un particolare interesse per la nostra analisi è rappresentato dal processo dell'imperfettivizzazione secondaria dei verbi di moto individuati nello *Choždenie*, in quanto le correlazioni aspettuali dei verbi prefissati di questo tipo risalgono alle correlazioni ancora più antiche dei verbi non prefissati di moto determinato e indeterminato (*vesti-voditi*, *nesti-nositi*, ecc.). Poiché l'opera *Choždenie* descrive un viaggio, è abbastanza logico che nel testo si riscontri un numero considerevole di verbi di moto, molti dei quali sono presentati nel testo nella forma imperfettiva secondaria assieme a una corrispondente forma protoperfettiva prefissata.

Nel testo, le suddette correlazioni sono state rilevate nei verbi con i seguenti prefissi: con il prefisso *vy-* nel testo si riscontra la coppia *vyiti* – *vychoditi*; nonché *vyehati-vyježžati*; con un numero significativo di imperfettivi secondari con il prefisso *pri-*: *privoditi* (16); *privoziti* (15), il quale si trova nel testo insieme con il proprio correlato protoperfettivo corrispettivo *privezti* (1,2); con il prefisso *raz(ь) - razvoziti* (11); con il prefisso *s(ь)- sježžatisja* (9), *svoziti* (10).

Note sull'uso dei tempi verbali nello *Choždenie*

Per quanto riguarda lo stato del sistema verbale nel periodo in cui è stata creata l'opera, in seguito all'analisi degli esempi dei verbi prefissati riscontrati nel testo, si possono notare le seguenti particolarità:

È un fatto noto che lo sviluppo della categoria aspettuale è stato accompagnato da una parallela disintegrazione del complesso sistema dei tempi verbali russi antichi. In primo luogo, a differenza dalla *Povest' vremennyh let*, nello *Choždenie* non è stata rilevata nessuna forma verbale dell'imperfetto, che era un tempo verbale al passato che rappresentava un'azione non limitata nel tempo oppure un'azione iterativa. Poiché, come abbiamo già stabilito, durante questo periodo si stanno sviluppando le relazioni aspettuali e, in particolare, il processo dell'imperfettivizzazione

secondaria. Dunque, si potrebbe considerare valida l'ipotesi secondo la quale durante il periodo in questione la funzione di contrassegnare un'azione iterativa sia già stata parzialmente assunta dalle forme imperfettive secondarie formatesi tramite i suffissi specializzati (come *-iva/- yva-*) dai corrispettivi verbi protoperfettivi.

Le forme dell'aoristo rimangono usate più lungamente rispetto a quelle dell'imperfetto.¹⁹ Nell'opera è stato identificato un cospicuo numero di forme dell'aoristo che presentano alcune particolarità nell'utilizzo. Perciò occorre osservare due punti principali riguardanti l'uso dell'aoristo nello *Choždenie*. In primo luogo, il maggior numero di forme verbali dell'aoristo (1^a persona sing.) riscontrate nel testo sono i verbi di moto determinato. Questo uso è particolarmente comune nei verbi con il prefisso *po-* in forma *poidoch* (30 esempi); così come con il prefisso *do-* in forma *doidoch* (1); con *v(ъ)- vnidoch* (2). Inoltre, con il prefisso *u-* si riscontra un esempio con il verbo non di moto *učiniša* (sotto forma 3^a persona pl.). In questi casi l'aoristo sembra avvicinarsi alla sua funzione storica originale che nella lingua russa antica esprimeva sia un'azione istantanea sia un'azione durativa che in ogni caso si riferivano al passato e venivano percepite dal locutore nella loro integrità, non disgregabile in momenti separati.

La seconda caratteristica dell'uso dell'aoristo nello *Choždenie* è dovuta al fatto che, oltre alle forme verbali sopra menzionate, nel testo si presentano alcune forme prefissate dell'aoristo, il cui utilizzo sembra essere piuttosto stilisticamente condizionato in quanto in tutti i seguenti casi, esplicitamente o implicitamente, è associato al contesto legato alla sfera religioso-ecclesiastica. Le forme dell'aoristo compaiono in tutti i seguenti casi, dove lo scrittore tratta con la preghiera a Dio, oppure accenna alle festività cristiane più significative (Pasqua, Natale, ecc).

La maggior parte di questi verbi compaiono in prima persona singolare: con il prefisso *pre-* *preidoch* (1 esempio) dal verbo di moto determinato *iti*; *preplych* dal verbo di moto determinato *plyti* (1); con il prefisso *pri-* *priidoch* dal verbo di moto determinato *iti* (3); due forme con il prefisso *pro-* *proidoša* dal verbo di moto determinato *iti* (sotto forma 3^a persona pl.); con il prefisso *za-* *zabludichsja* (1); con il prefisso *v(ъ)- vpadoch* (1); con il prefisso *v(ъ)z-* *vzmyslichsja*; (1); *voskričaša* (sotto forma 3^a persona pl.) (1); *vъzvratì* (sotto forma 3^a persona sg.); con il prefisso *na-* *napisach* (1); con il prefisso *o-/ob(ъ)- opytach* (1); con il prefisso *pro-* *prodach* (1); con il prefisso *roz(ъ)-/raz(ъ)- raspytach* (1); *rozgovechsja* (1); *razdaša* (sotto forma 3^a persona pl.) (1);

¹⁹ Va ricordato, tuttavia, che l'aoristo viene perso prima nelle parlate russe meridionali e solo successivamente in quelle del nord. Si potrebbe dunque affermare che nello *Choždenie* rispecchi con una maggiore probabilità un dialetto settentrionale russo antico, in quanto racconta il viaggio di un mercante proveniente da Tver'.

con il prefisso *s(ъ)- skazach* (1); *s(ъ)tvorich* (1); *zgovorich* (1); con il prefisso *u- upovach* (1); *ustremichsja* (1);

Pertanto, come risulta dall'analisi, l'uso delle forme dell'aoristo nello *Choždenie*, eccetto per gli esempi citati con verbi di moto, è più spesso dettato non dalla norma grammaticale, bensì è legata (almeno in metà dei casi riscontrati nell'opera) semplicemente ad una funzione stilistica. L'uso delle forme dell'aoristo in questi esempi, con ogni probabilità, è inteso di trasmettere al testo il carattere "dell'alto stile", separando così un contesto religioso della narrazione descrittiva, in cui è solito di usare il perfetto.

Dunque, quanto esposto sopra sembra confermare l'opinione generalmente accettata dai linguisti che nel dato periodo storico l'aoristo avesse già perso in gran parte il suo significato funzionale originario, limitandosi ad un uso stilisticamente prestabilito.

In tutti gli altri casi emergono le forme del perfetto, il cui significato originario contrassegnava uno stato nel presente riconducibile al risultato di un'azione compiuta nel passato.

Entro il XIV secolo nelle parlate popolari della lingua russa il perfetto ha gradualmente soppiantato tutte le altre forme antiche del passato (quelle dell'aoristo e dell'imperfetto). Il perfetto è diventato l'unica forma del tempo passato, assumendo le funzioni di tutti i tempi scomparsi. Nel corso dell'evoluzione della lingua la forma del perfetto subisce continui mutamenti, passando dall'antica forma analitica a una forma semplice formatasi a causa di caduta del verbo ausiliare. Va sottolineato che originariamente il perfetto non è stato un vero e proprio tempo passato, bensì esprimeva uno stato attuale che era il risultato di un'azione compiuta in passato. Come notano gli studiosi, la perdita del verbo ausiliare inizia molto presto e il verbo ausiliario scompare per primo nella 3^a persona. Nella 1^a e nella 2^a, invece, il verbo ausiliare persiste un po' più a lungo (Кузнецов 1953: 245).

Per quanto riguarda lo *Choždenie*, le forme del perfetto individuate nell'opera sembrano confermare ciò che è stato detto prima, presentando le caratteristiche particolari, le quali, tra l'altro, testimoniano una progressiva disintegrazione dell'antico sistema verbale. Le forme del perfetto riscontrate nello *Choždenie* possono essere divise in due gruppi in base al seguente criterio: se il perfetto è rappresentato da una forma analitica complessa che consiste di un verbo ausiliare al presente e della parte participiale del passato, il pronome personale in questo caso è generalmente omissivo (in quanto la persona è resa esplicita dal verbo ausiliare). Nel caso in cui, invece, la forma del perfetto sia utilizzata in combinazione con il pronome personale, viene omissivo il verbo ausiliare. L'uso del verbo in questo caso si avvicina a quello moderno. Sembra che durante questo periodo abbia avuto luogo la graduale sostituzione della forma analitica "complessa" del passato

con quella semplice che esige la presenza obbligatoria di un pronome personale (esattamente come avviene nel russo moderno).

Inoltre, nello *Choždenie* sono piuttosto comuni forme verbali prefissate in cui il valore risultativo non contraddice il significato iterativo (e talvolta processuale) del verbo. Secondo alcuni studiosi questa coesistenza può essere una traccia residua di quel periodo nell'evoluzione della lingua in cui il valore risultativo non ha ancora acquisito una funzione aspettuale determinante per l'opposizione binaria aspettuale nel russo moderno. Analizzando queste forme, A.A. Potebnja le definisce come «forme del presente, che nella moderna lingua russa hanno un valore del futuro», sostenendo che nella lingua russa antica i prefissi non hanno ancora sviluppato la funzione aspettuale nel senso moderno del significato (Potebnja 1977: 60-61). Altri linguisti definiscono le forme perfettive del presente come esempi del cosiddetto *neaktual'noe nastojaščee* «presente non attuale» nell'antica lingua slava orientale.

Se, invece, consideriamo lo sviluppo di questo valore in prospettiva diacronica, si potrebbe affermare che il significato iterativo-risultativo di alcune forme prefissate del *neaktual'noe nastojaščee* nello *Choždenie*, applicando la terminologia della lingua russa moderna, si avvicini al valore *nagljadno-primernoje značenie*. Dunque, i dati dell'analisi presentata nella tesi suggeriscono che la libera combinabilità del valore iterativo con quello risultativo nelle forme prefissate del presente nel periodo di scrittura dello *Choždenie* si manifesta in modo abbastanza regolare. Mentre nell'aspettologia russa moderna, il valore *nagljadno-primernoje* («significato visivamente esemplificativo») è un valore periferico dell'aspetto perfettivo, associato a un contesto determinato specifico che deve necessariamente contenere un'esplicita indicazione dell'iteratività. Mancata realizzazione di questa condizione consente di interpretare il significato del verbo come concreto-effettivo (*konkretno-faktičeskoe značenie*).